

ВЕРА
*М*ОРОЗОВА

КОНКОРДИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА»

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

ВЕРА МОРОЗОВА

КОНКОРДИЯ

П О В Е С Т Ъ

Эта повесть об известной революционерке Конкордии Николаевне Самойловой.

Как многие ее сверстницы, она мечтала получить образование. В то время путь был один — Высшие женские Бестужевские курсы в Петербурге.

Она участвует в студенческих сходках и становится пропагандистом революционных идей.

В 1901 году — первый арест, затем эмиграция. В Париже Конкордия Николаевна знакомится с В. И. Лениным и возвращается в Россию с заданием партии.

Рисунки И. УШАКОВА

ЖИВОЙ ФАКЕЛ

По узенькому дворику, зажатому каменными стенами Трубецкого бастиона, неторопливо прохаживалась невысокая худенькая девушка. Длинные рукава арестантского халата с бубновым тузом на спине скрывали ее руки. Поверх белого платка нахлобучен башлык. Ее бескровное лицо с большими

задумчивыми глазами было печально. Она запахла от ветра халат, потирая озябшие тонкие пальцы. Глаза неотступно следили за усатым часовым на караульной вышке. Часовой обхватил винтовку со штыком и застыл. Там же, на вышке, неподвижно стоял смотритель крепости в черной шинели с надутым ветром башлыком. Заложив руки за спину, он не отводил глаз от одинокой фигурки узницы.

Хрипло ударили часы Петропавловского собора. Бом-бом! Смотритель стянул меховую черную шапку и перекрестился. Узница перевела взгляд на золотой шпиль собора. Взмыли голуби, оставляя белые разводы в морозном воздухе.

Караульная вышка отбрасывала ажурную тень на заснеженный дворик. Уродливым показался смотритель с надутым ветром башлыком. «Словно факельщик на похоронной процессии! — неприязненно подумала она. — Что ж, теперь уже недолго...» Кружили голуби, искрился снег. А кругом камень, камень, камень...

Девушка тоскливо обвела взглядом тюремный дворик. Вырваться бы из этого каменного мешка, откуда и синь небес кажется лохматым лоскутом. Туда, туда, где голубое небо, раздолье, свобода! Здесь слепые тюремные оконца, перехваченные железными переплетами, и за каждым — узник.

Февральское солнышко пригревало все сильнее. Стучали деревянные коты узницы по грубому камню тщательно подмененного дворика. Она замедлила шаг. Остановилась. Наклонившись, потуже закрутила онучи. На вышке сразу же зашевелились. Смотритель подошел к самому краю, часовой переложил винтовку. Недоброе чувство охватило ее. «Стерегут, как казенное имущество! Кончится, и это кончится!..»

Мария Ветрова находилась под следствием. Арестовали ее в декабре по делу тайной типографии народовольцев. Вначале держали в Доме предварительного заключения. Пол и стены камеры были выкрашены черной краской. Жутко, словно в преисподней. Вошла туда, подозревая, что ее привезли в тайное помещение для пыток. Яма, настоящая яма! Но кругом были товарищи по процессу. Перестукивались, получали известия с воли, она не чувствовала себя одинокой.

Однажды ночью ее тайком перевели в Трубецкой бастион, в каземат, где даже запах горелого можжевельника не спасал от зловония, в каземат с мокрыми, скользкими стенами, с крысами, снующими по каменным плитам пола. Перевели одну, по

сей день не предъявили обвинительного заключения, держат в строгой изоляции...

За все долгие дни ей ни разу не довелось услышать человеческого голоса, ни разу не посчастливилось встретить друга! Одни лишь немые жандармы! Она не могла их больше выносить, не могла видеть, как волосатые веснушчатые руки смотрителя сжимают связки ключей... Пытка одиночеством. Мария это понимала. Но с каждым днем переносить это становилось все труднее и труднее. Ее надеются сломить. Знают, что она слаба, измучена, не выдержит. От этих раздумий ныло сердце. Проклятые палачи!

Уже три года Мария в Петербурге. Приехала на Бестужевские курсы. До этого учительствовала на Азовщине. Хотелось приносить людям пользу. Ей было одиннадцать, когда казнили Софью Перовскую. Мария помнила волнения в гимназии. Шепотом передавали подробности. Софью везли по городу в черном саване на позорной колеснице, везли на виселицу. Уже позже Мария часто рассматривала ее прекрасное лицо в нелегальных изданиях. Софья напоминала крестьянскую девушку с русой косой и светло-серыми глазами. А потом в жизнь Марии вошла Вера Фигнер, которая пыталась связать в единый узел разрозненные нити народовольческого движения. Это она готовила бомбы в канун покушения. Царь был убит, но кошмар, давивший Россию, не рухнул.

Ушла в Шлиссельбург Вера Фигнер. Арестовали ее на улице Харькова. Предал Дегаев. А теперь таким Дегаевым думают сделать ее! Хотят воспользоваться ее физической слабостью; пыткой, одиночеством вырвать предательство. Лихорадочно горели щеки. Она сжала кулаки и закусил губу. Нет, еще посмотрим, кто победит в этой схватке — она, Мария Ветрова, или они, чиновники Охранного отделения!..

Мария тяжело вздохнула. Страшно. Ни единой весточки от матери. Здорово ли?.. Следствие не закончено, переписку не разрешают. Но со следствием не торопятся. Не забыли ли о ней, заключенной седьмой одиночки? Нет, не забыли — ее пытаются одиночеством! Да разве ее одну! Пытали ведь Веру Фигнер, с которой она, как многие, «делала жизнь». Там, в кабинете у Кичина, следователя, который вел ее дело, Мария писала:

«Я не признаю себя виновной в принадлежности к какому-либо противоправительственному сообществу или кружку. Екатерину Прейсс я встречала на Высших женских курсах, но

знакомы с нею не была и ни в какие нелегальные с нею отношения, хотя бы и через других лиц, не вступала. Я никому не давала своего адреса для переписки, но в июне сего года я получила адресованное на мое имя письмо, без отметки на конверте о передаче другому лицу; я его распечатала, и содержания письма, написанного из Берлина, я не могла понять. В письме сообщалось, что какой-то господин с больной женой отправляется в Неаполь, просит кланяться Оле и обещает уведомить о времени возвращения в Россию. Письмо было за подписью «Сережа». Это письмо, быть может, сохранилось в переписке, отобранной у меня при обыске. При этом последнем у меня была взята литографированная брошюра г. Толстого «Письмо к либералам», взятая мною у одной знакомой, которую назвать не желаю, а также циркуляр Главного управления по делам печати, который я переписала лично для себя. Я не помню, были ли у меня рукопись «Народовольческая программа» и записка о воззваниях «Союза борьбы»; что же касается «Летучего листка Лондонского фонда вольной русской прессы», то я никогда не видела у себя. Я никогда не брала к себе на хранение нелегальные издания».

Да, вот так и написала. Мария удовлетворенно улыбнулась. Все отрицать, от всего отказываться, не давая повода, ниточки для развития следствия. Кичин яростно скомкал ее показания. На пергаментном лице заходили желваки. Он опустил тяжелый кулак на синее сукно стола. «Не таких ломали! Не злоупотребляйте нашим терпением! После Прейсс — связи, явки, типография в ваших руках! Следствию все известно... Не затевайте с нами игры!» Кичин хотел еще что-то прибавить, но она отвернулась. Да, отвернулась, не удостоив его взглядом. Побеговцев, он вызвал жандармов, и ее отвели в камеру. Вот тогда она и оказалась в Петропавловке.

Мария вздохнула. Конечно, она знала, на что идет: ее ждала скамья подсудимых. Именно об этом говорила на суде в своем последнем слове Вера Фигнер. Теперь она в каменном мешке — в Шлиссельбурге, в тридцати восьми верстах отсюда, а Мария здесь. Марию привезли в крепость, карета остановилась, и она прочла витиеватую надпись: «Основание положено собственными руками его величества...» Самодержавие и насилие — две стороны одной медали!

Как-то близ Ясной Поляны Мария повстречала Льва Толстого. В те дни она мучительно искала, в чем правда жизни.

Толстой работал на пашне. Плотный, коренастый, в холщовой рубаше, перехваченной веревкой. Густую длинную бороду трепал ветер. Седые волосы обрамляли могучий лоб. Вежливо ответил на поклон, остановил плуг. Они сидели на опушке березняка, белоствольного, говорливого. Сильными руками Толстой мял горсть земли, слушал ее. Да, конечно, жизнь простого народа беспросветна, тяжела. Он не одобряет интеллигенцию, которая стремится жить в большом городе. Ближе к природе, ближе к народу. Нужно, очень нужно, чтобы каждый, кто дошел до сознания людского неравенства, кто понял всю противоестественность рабства, если и не стал борцом, то хотя бы не был в лагере давящих... Она долго помнила этот разговор. Лагерь давящих! Нет, она в этом лагере не была.

Резкий свисток зрителя прервал мысли. Прогулка закончилась. Сразу же выросли жандармы.

Зритель, идущий впереди Марии, привычно вложил ключ в замок. Железная дверь седьмой одиночки, проскрежедав по камню, раскрылась. Вздохнув, узница переступила порог. Щелчок, резкий, как выстрел. Заперли... Все замерло. За спиной остались глухие переходы, освещенные дрожащими газовыми рожками, разбитая лестница на второй этаж, тяжелые удары кованых сапог по камню, погребальный звон ключей. Тишина... Но ненадолго. Со свистящим шепотом приоткрылся волчок в двери, показался страшный расширенный глаз жандарма.

— Вон! Вон отсюда! — Мария не выдержала и топнула ногой.

Пытка одиночеством продолжалась. Не первый день она ждет свидания с прокурором. Следствие умышленно затягивают. Утром заходил жандармский полковник. С безразличной любезностью поинтересовался ее претензиями. Сытый, розовощекий, бросал безглые взгляды по сторонам. Черная шинель, запах духов и дорогого табака. Полковник старался не смотреть на узницу. И эта жалость задела ее больше всего. Ломким голосом она попросила оставить ее одну. Нет, с жандармами она отказывается разговаривать.

Не раздеваясь, Мария опустилась на койку. Та жалобно скрипнула. Мария испуганно вскочила. Господи, так можно и разом потерять! Тишина действует одуряюще. Воля расслабле-

на, разум гаснет, силы уходят. А если протестовать? Нужно что-то придумать. Она уже придумала, только гнала от себя эту мысль, а она, как паутина, опутывала ее все сильнее.

Мария поежилась, расстегнула бушлат. Каменный мешок. Толстые стены, глухие своды. А если ее никто не услышит?.. Смириться? Ждать, пока лишится разума? Ждать или вспыхнуть ярко, как факел? Протестовать, протестовать! Она не видит тюремщиков. Лишь бы не испугаться, лишь бы хватило сил.

Мария отшвырнула ногой табурет, прошла по камере, прижав руки к груди. Сквозь железную решетку солнце робко бросало в камеру два блеклых луча. Мария их хорошо знала. Каждый день перед закатом они, словно друзья, пробирались, дрожа на шершавой стене. Она ждала их, эти два изломанных железной решеткой солнечных луча. Но и они погасли. Темнота...

Казематная тишина полна страхов. Она стала их бояться, как грозных вестников безумия. Шорохи выползали из темных углов. Чудился звон цепей, унылый, тоскливый. Господи! Мария проводит рукой по глазам, пытаясь отогнать кошмар. И опять свистящий шепот из каждого угла.

Девушка сжала голову руками; обессиленная, повалилась на койку. Держаться, нужно держаться. Что ее страдания! Разве можно их сравнить с муками Веры Николаевны Фигнер? Девять дней она ждала казни, познав ритуал смертницы. Есть в России и такой! Синее платье, подарок матери, в котором она была на суде, заменили халатом с бубновым тузом. Грубая рубаша из неотбеленного холста, платок в один аршин два вершка, ворох соломы вместо тюфяка, вонючий и заплесневелый хлеб, ржавая кружка с зазубренными краями. Но ее помиловали: казнь Софьи Перовской вызвала гнев, и на новую казнь женщины-революционерки не решились. «Государь император всемилостивейше повелел смертную казнь заменить каторгой без срока». Иными словами, обрекли на медленное умирание. Уже тринадцать лет Фигнер в каземате.. Тринадцать лет!

Мария поежилась. Отдернула ногу — крыса. Нет, охранке не удастся с нею расправиться. Она умрет и смертью своей облегчит участь друзей. В этом ее гражданский долг. И опять наплывали шорохи... Сегодня, как и вчера, вчера, как сегодня.

У дверей послышалась возня. Жандарм с висячими усами

шагнул в камеру. Смотритель, подозрительно оглядев девушку, остался у двери, перебирая волосатыми пальцами ключи. Внесли лампу, и неровный свет ее пополз по камере.

Мария сидела, не поднимая глаз на вошедших. Она казалась спокойной и равнодушной. Смотритель пропустил жандарма, вновь пытливо взглянул на Ветрову и, вздохнув, вышел.

— Слава богу, седьмой номер, кажись, утихомирилась! — донесся до Ветровой приглушенный голос жандарма. — А то далеко ли до беды... Меня да и дежурного офицера все время гнала. Маленькая, а откуда силенки берутся! Глазами сверкнет, аж страшно становится! А барышня-то плохонькая. Счастье, что образумилась...

Мария лежала на койке, заложив руки за голову. «Образумилась»! Улыбка тронула ее губы. Щелкнул волчок. Мария резко отвернулась от двери: теперь жандарм неотступно будет стоять у волчка. Лежала тихо, натянув повыше старенькое серое одеяло. Ее лихорадило. Снова и снова думала о том, к чему готовила себя уже не первый день. Окончательное решение пришло после утреннего разговора с жандармским полковником. Вот же Мышкин...

Мышкин! Кто не восхищался его отвагой и мужеством! Мышкин помчался в Вилюйск, чтобы по подложному приказу вызволить из ссылки Чернышевского. Его пытались арестовать, он отстреливался от жандармов, заподозривших его в обмане. Страдалец и герой!.. А в дни суда народовольцы поручили Мышкину произнести последнее слово. Как говорил он о муках и бедах родного народа! Его пытались остановить, пытались вывести из зала. Подсудимые бросились защищать, произошло невиданное событие — рукопашная подсудимых с жандармами. Гудел зал, а Мышкин дрался с жандармами и слал проклятья самодержавию!.. Шлиссельбург. Он знал о страдании друзей, смерти тех, кого любил. Ведь принес же себя в жертву Мышкин: ударил смотрителя, зная, что за это — смертная казнь. Но перед казнью должен быть суд, он хотел кричать об ужасах Шлиссельбурга. Бедный Мышкин! Его расстреляли на плацу старой цитадели...

Да разве один Мышкин пожертвовал собой? А Грачевский! Грачевский, как и она, учительствовал в провинции. Его судили вместе с Мышкиным... Петербург, динамитная мастерская. Жизнь по подложному паспорту. Он считал себя в безопасно-

сти. Но за квартирой наблюдала тайная полиция. Его арестовали вместе с друзьями. Считая себя виновником этого ареста, он на суде просил всю тяжесть закона обратить против него одного. Муки друзей доставляли ему страдания, и он решил действовать.

Отослал письмо министру внутренних дел графу Толстому об ужасах Шлиссельбурга, ему никто не ответил. Шло время, друзья умирали, уходили из жизни лучшие из лучших. Тогда Грачевский решился — ударил тюремного врача. За оскорбление действием — смертная казнь, но перед казнью суд. Вот тогда-то он и выскажет открыто все, что накипело на душе... Суда не было. Грачевского перевели в старое здание крепости. Казалось, он бессилен. Казалось!.. Грачевский дождался часа и опрокинул на себя горящую лампу. В крепости поднялась тревога. Бегали надзиратели. Среди бушующего пламени стоял худой высокий человек, стоял спокойно, как и подобает перед лицом смерти. Грачевский сжег себя, но из крепости убрали изверга-смотрителя. Еще одна брешь в тюремном режиме!

Они сделали все, чтобы умертвить ее. Теперь последний шаг. Но как страшно! Она закрыла глаза, плакала долго, беззвучно, ощущая солоноватый вкус слез на губах. Страшно, и все же нужно решиться. Бедная мама!

Мария соскользнула с койки и чуть слышно подошла к волчку. Прислушалась. Нет, у двери никого. Наступил час, когда надзиратель относил дежурному офицеру ключи от одинок. Вернулась к столу, на котором стояла зажженная лампа. Долго смотрела на дрожащий красноватый язычок. Фитиль коптил, и стекло заволакивало черными широкими полосами. Итак, решено, оттягивать незачем. Сняла стекло, горячее, скользкое. Трижды перекрестилась. Расстегнула кофту, вздрогнув от сырости, сбросила холщовую юбку. Вынула высокий гребень, распустила косу. Волосы ласковой волной обволокли ее. Отвернула горелку у лампы и вылила керосин на рубаху. Горящий фитиль запрыгал в дрожащих руках. Мария поднесла его к платью. Острые язычки пламени побежали вверх. Она смотрела, как расползается огонь... Мама!.. Мама... Камера наполнилась сладковатым запахом керосина, дымком. Мария потеряла сознание.

В седьмой камере Трубецкого бастиона вспыхнул живой факел!

Сего числа, в 6-м часу пополудни, когда разносили керосиновые лампы в камеры для освещения, едва заперли на замок дверь камеры № 7, в которой заключалась Мария Ветрова, из номера послышался крик, на который немедленно сбежались дежурные унтер-офицеры наблюдательного состава и жандармы и увидели, что Мария Ветрова облилась керосином из горящей лампы и что на ней горело платье. Сбежавшиеся немедленно начали тушить платье и белье, которое разорвано было в клочки; но тем не менее ожоги оказались весьма значительны, в особенности ног до поясницы.

Больной была немедленно оказана врачом Комендантского управления надворным советником Зибольдом медицинская помощь, причем ожоги признаны им опасными для жизни.

Мария Ветрова заключена в Петербургском доме предварительного заключения 23 декабря 1896 года и 23 января сего года, по распоряжению Департамента полиции, препровождена в крепость для заключения в отдельной камере. В последние три дня она была в весьма нервном состоянии, и ее ежедневно навещал врач Комендантского управления, но состояние здоровья ее не давало повода заключить о психическом ее расстройстве и необходимости отправления в больницу св. Николая Чудотворца.

Комендант крепости
генерал от инфантерии Э.лис.

8 февраля 1897 г.

Коменданту крепости
генералу от инфантерии Эллису

...Подав лампы, унтер-офицер Ланин прошел по коридору к дверям, выходящим на нижнюю площадку лестницы, чтобы их закрыть, так как содержащаяся в № 7 кричала и часовой, находящийся на площадке, мог слышать. Унтер-офицер Быстрицкий в это время был у стола, поставленного против № 4. Унтер-офицер Ланин не успел вернуться назад, как содержащаяся в № 7 вскрикнула два раза и умолкла. Вернувшись назад, унтер-офицер заглянул в форточку № 7 и увидел заключенную в пламени, лежавшую поперек кровати в одной рубаш-

ке. Ноги были спущены на пол и колени подогнуты. Надетые на ноги чулки также горели. Лицом заключенная обращена была к выходу. Пустая лампа с отвернутой горелкой стояла на столе, и фитиль продолжал еще гореть, разбитое стекло валялось на полу. Быстро войдя в № 7, Ланин стал тушить огонь халатом, а унтер-офицер Быстрицкий побежал мне доложить, сообщить о случившемся. Встретив в верхнем коридоре полковника Шмакова, я передал и ему о происшествии. Придя сейчас же в № 7, я застал обгоревшую в бессознательном состоянии обнаженной и в том же положении, которое ею принято было в момент пожара. Слегка обгоревшие собственные юбки лежали недалеко от двери, обгоревшие казенные вещи валялись тут же.

Штабс-ротмистр Подневский.

ИСПОВЕДЬ

Со стоном заскрежетала тяжелая дверь. Мария открыла глаза: те же затканые зеленоватой плесенью стены, те же испуганные глаза сиделок. В камере, куда ее перевели после случившегося, дежурили жены жандармов, так называемые сиделки. Ах, какие неловкие и тяжелые у них руки! Сил нет терпеть, когда снимают бинты или поправляют подушку, набитую соломой. Конечно, после таких ожогов ей не жить. Сразу поняла это по глазам врача и просила не мучить. Умереть! Только бы поскорее, скорее... Руки горят огнем, а в ногах свинец. Запеленали бинтами, словно куклу.

Красным глазом светилась лампада, свисавшая с потолка, у иконы божьей матери в почерневшем окладе. Строго и колюче смотрят на Марию глаза божьей матери. Замирает и вновь оживает красным пламенем лампада. Огонь, опять огонь!

Мария закрыла глаза. Когда-то в Ясной Поляне Толстой говорил ей об удивительной памяти детства. Тогда она поразилась, а теперь поняла, как он был прав. Прошлое ожило. Маленькая деревенька, детство, нищее, босое. Первые радости и первые обиды. Ласковые, добрые руки старушки, с которой она жила. Низенькая горница в завалившемся домике, большая кровать под ситцевым пологом, грубый стол. На выбеленной стене лампада у иконы, она пугала Марию ночами. Мать

отдала девочку «на воспитание» в соседнее село. Мария — незаконнорожденная. Там она и осталась жить у старушки, полюбившей ее, как родную. Милая, добрая, тебе все простится за горячую любовь к чужому ребенку. Жаль, что не сумела отблагодарить ее за тепло и ласку. Училась в гимназии, когда старушка умерла. На каникулах уже было некому отпаивать Марию липовым чаем... Девочку одели в темное платье. Она ходила по узким коридорам, смотрела, как барабанил за окном дождь, оставляя на стеклах крупные капли. Мария стала воспитанницей сиротского дома. Мать приезжала редко, по праздникам, низко кланялась начальнице. Девочке повезло. Начальница определила в гимназию. И опять на черном ходу ее ждала мать, судорожно прижимала к груди. Выпускной вечер, первый бал... В жизни так много дорог. Тогда она написала в дневнике:

Брошусь я в эту жизнь беспокойную,
В битву со злом, как отважный боец,
Я отдам мою молодость знойную...
Пусть в борьбе этой гибель, конец.—
Поведу я борьбу неустанную,
Торжествуя победу желанную
Над развратом, невежеством, злом!

В воскресный день она приехала в село учительствовать. Доносился звон с церковной колокольни. Школа оказалась в старой бане. Староста с заплывшими жиром глазами. Нагловатый урядник. Оборванные, полуголодные детишки... Что она могла дать людям? Сознание собственного бессилия рождало отчаяние...

— Барышня, испытать не хотите? — Голос сиделки прервал раздумья Марии.

Девушка вздрогнула, облизнула запекшиеся губы, отрицательно качнула головой. Пусть не мешают думать, пусть не мешают вызывать образы, близкие, дорогие. Теперь, когда она исполнила свой долг, прошлое стало единственной радостью...

В Азов, куда Мария перебралась, говорить о неудовлетворенности жизнью было модно. Только красивые слова мало ее занимали. Она увлекалась Ибсеном. Ничего на словах, все на деле — таков лозунг нравственного человека. Проклятье и муки ждут его, если он творит для видимости. Энергия и стой-

кость убеждений — величайший нравственный долг. Простят то, что не смогла сделать, но никогда не простят того, чего не захотела... Она упивалась его думами, писала дневник. А как хорошо он сказал о добре и зле. Она и сама бессонными ночами размышляла, что есть зло. Злое начало — уступка общественным предрассудкам, дух компромисса. Да, этого нужно бояться превыше всего. Она счастлива, что в трудный час не пошла на сделку с совестью. Постоянные уступки, малодушные отступления превращают человеческую жизнь в стоячее болото. Хотелось бросить в это болото камень или вызвать ветер, взволновать болото, рассеять плесень, чтобы на время подышать чистым воздухом. Впрочем, почему на время? Навсегда! Уж если вырваться на свободу, так навсегда! Долой компромиссы! Это же безнравственно!

Мария застонала. Острая боль подступила к сердцу. Она попыталась поднять руку и не смогла. Жаркие толчки крови, тошнота, слабость навалились черным кошмаром. Начался озноб. О, она знала этот озноб, когда тело сотрясается, словно в лихорадке. Чьи-то длинные волосатые руки протянулись к ней. Ближе, ближе. Вот они пытаются сорвать окровавленные повязки с груди. Мария чувствует на лице чье-то горячее дыхание, отталкивает волосатые руки.

— А-а! Вася, милый, спаси меня! Спаси!

Над ней наклоняется сиделка в черном платке. Лицо великомученицы с тонкими, поджатыми губами. Обмакнула вату в уксусную воду, осторожно дотронулась до пылающего лба.

Мария открыла глаза, жадно облизала губы. Тревожно смотрела на сиделку. Господи, не сказала ли в бреду лишнего!

— Васю звали! — сладко пропела сиделка, поправляя подушку. — Сказали бы, где сыскать. Свет не без добрых людей. Генерал позволил бы навестить. Уважил бы последнюю волю...

— Прочь! Прочь! — Мария слегка поворачивает голову.

Стена, серая, плачущая. Долго ли продлятся муки? В бреду можно сказать многое. Как страшно, когда за каждым твоим словом следят! Каждое слово — нить к новым арестам. Негодяи! Не перевели в больницу! Держат в сыром каземате, чтобы воспользоваться ее слабостью и выпытать все. И так знают немало. Екатерина Прейсс не захотела молчать. Мария утомленно сомкнула обожженные веки. Екатерина Прейсс, ее кумир, дала добровольные показания! Ей всегда казалось, что Прейсс именно тот человек, которого она искала. Она познако-

милась с ней в Петербурге. Мария училась на Бестужевских. Она не желала быть в лагере давящих. Сблизилась с народо-вольцами. Однажды Прейсс попросила адрес для связи с за-граничной агентурой, и Мария дала его без колебания. Начали приходить письма. Одно было из Берлина, взятое жандармами при аресте. Теперь грозная улика... В комнате, которую она снимала, появилась корзина с нелегальными изданиями. Но это было только начало. Счастье улыбнулось — и Марии дове-рили работу в подпольной типографии на Крюковском канале в квартире братьев Тулуновых. Братья жили дружно. Михаил портняжничал, Григорий слесарил. Свое ремесло они не броси-ли. Так казалось конспиративнее. Мария частенько наведыва-лась туда. Наступили страшные дни. Прейсс уехала в Москву с нелегальными изданиями и задержалась. Думали, что ее арестовали. Стали ждать обыска. Разобрали станок, запрята-ли в подпол валик, завернутый в старенькое одеяло, забили шрифты в маленькие ящики...

А как волновались за Екатерину! Только напрасно. Плохим человеком она оказалась, властолюбивой, эгоистичной. В Мос-кве Екатерина встретилась с террористами и начала обсуж-дать фантастические проекты цареубийства. Террористы были под наблюдением. И Прейсс в Петербург привезла филеров. Отныне каждый шаг народо-вольцев был известен.

Типографию перевели в Лахту, маленькое дачное местечко под Петербургом. Сняли запущенный домик в старом саду. Перевезли станок, валик. В один из декабрьских дней типогра-фию обнаружили. Пошли обыски, аресты. Дело «Лахтинской типографии», по которому привлекли и ее, разрасталось.

Прейсс оказалась болтливой, кичилась осведомленностью. К тому же Михаил Тулупов вел дневник. При аресте он не су-мел его уничтожить, и опять охранке добыча. Теперь Кичин гордился показаниями Прейсс, дневником Тулупова. Раздул-ся, как петух в павлиньих перьях...

На короткое время Мария приняла все связи, оставшиеся после Екатерины. Вот почему ею так интересуется Кичин. Как она его ненавидит! Скользкий, вкрадчивый... При первом не-удовольствии сразу выпускает когти. Лицо у него гаденькое — тонкий нос, тонкие бескровные губы. Лицо, похожее на костя-ной нож для резки бумаги. Полно, полно, а то опять начнется бред...

Сиделка поднесла фаянсовый поильник с молоком. Как тя-

жело, что ухаживают за ней чужие, неласковые руки. Боятся она этих липких рук сиделок, их назойливых взглядов, их длинных ушей. Она просила, чтобы разрешили прийти двоюродной сестре Козиной, с которой вместе учились на Бестужевских курсах. Отказали. Она не унизила себя новой просьбой.

Мария слышала характерный стук прозурки в двери. Значит, жандармы следят. Соглядатайство раздражало и волновало ее. Когда она находилась в седьмой камере, то вела настоящую войну с надзирателями. Она — женщина! Хлебом приклеивала лоскут бумаги к глазку. Надзиратель

грозил карцером и грубо срывал его... И вот опять в прозурке «всевидающее око». Девушка глухо застонала.

— Дочь моя, не терзай себя. Открой свою душу. Помирись с людьми и попроси у бога прощения!

На разгоряченное лицо легла мягкая, ласковая ладонь. Пахло чем-то с детства знакомым... Ладан, конечно, ладан! С трудом открыла глаза. Опять протоиерей Нечаев. Уже несколько раз за эти дни он приходил в каземат, и каждый раз она отказывалась от исповеди.

В больших голубых глазах священника она прочла сострадание. Не праздное любопытство, не затаенный страх, как у этих безликих сиделок, а настоящее сострадание. Лицо полное, добродушное. Крутой лоб, мясистый нос, двойной подбородок, пушок седых волос. Грузноватый, невысокий. На темной шелковистой рясе с лиловой подкладкой сверкал широкий нагрудный крест.

— Оставьте нас одних! — повел он рукой с обручальным кольцом.

Застонала железная дверь. Священник, преодолевая одышку, придвинул табурет.

— Знаю, вы неверующая. Не стану вас исповедовать, предлагать святые дары. Может быть, вас облегчит простой человеческий разговор?

Девушка благодарно взглянула на него, тихо наклонила голову.

— Я не могу не удивляться. Как вы могли решиться на такое, дочь моя? Не говорю о грехе, который вы приняли на свою душу... Но это же страдание нечеловеческое...

— Батюшка, я умираю. Не подбирайте слов. Я искала смерть, так было лучше. Жить этой жизнью недостойно человека. Разве страдаю я одна? Люки в Неву, угрюмые каменные мешки. С ужасом смотрела я на крепость на Троицком мосту в день приезда. Жалела мертвецов, замурованных там. И вот сама здесь.— Мария перевела дыхание, гневно спросила: — Как может бог, в которого вы верите, как могут люди, которым вы служите, терпеть такое?!

— Не надо обвинять бога и людей. В этот последний час позабудьте обиды и горести. «Очистим чувства» — так нас учит святая церковь.— Священник поднял молитвенник, помолчал и прибавил: — Зачем пошли на смерть? Вы молоды. Жизнь — большая дорога, и многое случается на этой дороге...

— «Очистим чувства»! — слабо улыбнулась Мария.— Мне жаль своей погибшей жизни. Жаль родных, друзей, которых я больше не увижу... Но где же правда? Мои друзья, прекрасные, честные, в казематах, в тюрьмах...

— Вы устали. Пусть сокроются скорби и сомнения. Вам нужен покой.

— Да, покой. Временами и сама не понимаю, как я решилась. Чувствую, что нехорошо с собой поступила. Все это время я была в каком-то страшном волнении. Казалось, другого пути нет. Повторить такое теперь я бы не смогла. О, как это ужасно! Но мне так тяжело было. Эти страшные стены! Тишина, могила... Жандармы, одни жандармы! Слежка, слежка! Как страшно, батюшка! Стыдно сказать, иногда мне казалось, что я попала в какой-то непотребный дом. Слышались голоса, позорные предложения. И всегда, ночью и днем, жандармский глаз. Я кричала днем, кричала ночью. Молчали толстые стены. Терпение иссякло, и я решилась...

— Бог вам судья! Пусть жизнь тяжела и безрадостна, но если в душе не утрачена вера в бога, вера в добро, то найдут-

ся слова утешения. «Чем ночь темнее, тем ярче звезды», дочь моя! От людей зависит жизнь, вернее, талант, данный им богом.

— Ни о чем не жалею! Смерть моя не напрасна. Люди простят то, чего не смогла, но никогда не простят того, чего не захотела. Я бросила камень в болото равнодушия. Смерть моя — спасенье друзей!

— Узнают ли они? Толстые стены молчаливы.

— Ошибаетесь, батюшка! Еще сии умолчат, камни возопият! Устала я... Устала...

— Аминь! Не ищите иныя помощи, иныя надежды в своих страданиях, кроме бога.— Священник торопливо глотал слова.— Готовьтесь предстать пред престолом всевышняго. Господи, вот я, каков я есмь, твори со мною по воле своей!..

Мария не слушала его. Тяжелый кошмар распростер над нею черные крылья. Дышать все труднее, труднее.

— Товарищи! Откликнитесь, стукните хоть разок... Прошу каждого, кто выйдет на волю, рассказать обо мне, о моих страданиях!

Слова произносила с усилием. Дышала порывисто. Глаза тускнели. Священник стоял молча, крепко обхватив молитвенник. Вошли сиделки, надзиратель, смотритель.

Мария приподнялась на соломенной подушке, простонала:

— Гадость! Мерзость! Насилие! — подняла обожженные руки.— Товарищи, спасите меня!.. Спасите!..

БЕСТУЖЕВКИ

Над Петербургом навис серый день. Недавние морозы унесло теплым морским ветром. Кружил снег, крупный, пушистый, как лебяжье перо. Снег валил всю ночь, горбатые сугробы выросли на сквере, неподалеку от которого Конкордия Громова сняла комнату сразу же по приезде в столицу. За сугробами вековые липы, под снежными шапками березы, белоствольные, в черных разводах. Она остановилась около березки. Снег плотно облепил тонкие ветви, белым мхом прижался к стволу. Робко трепетал желтый прошлогодний лист. Девушка огляделась по сторонам и, никого не приметив, перешагнула литую чугунную решетку. Провалилась в сугроб, рыхлый, глубокий. Перевела дыхание, рассмеялась. Нет, по снегу ходить она

умеет: недаром всю жизнь прожила в Сибири. Пошла осторожно, неторопливо. Вот и береза, придавленная снежной шапкой. Конкордия схватила ветку, сильно качнула деревце. Береза вздрогнула, ожила, медленно начала распрямляться. Снег падал на Конкордию пушистым облаком, слепил глаза, заползал за воротник синего жакета, холодил руки. Конкордия упрямо сдвинула брови и не отпускала деревце. Береза набирала силу, пружинила, раскачивалась, будто хотела приподнять девушку, и, наконец, вырвалась из ее рук, сквозь снежное марево поднялась высоко, расправляя ветви. Девушка выбралась на тропинку. Отряхнула муфтой снег с жакета, ударила носком ботинка по скамье. Вновь взглянула на спасенную березу. Кругом белым-бело. От фонарей на массивных железных столбах, разбросанных вдоль сквера, протянулись толстые белые провода. Снег, снег, снег! Как радостно его видеть на улицах Петербурга, к которому она все еще не успела привыкнуть. Полной грудью Конкордия вдыхала морозный воздух. Хорошо! Взглянула на часики, заторопилась. Скоро лекция, а до Васильевского острова путь немалый.

— «Петербургский листок»! «Петербургский листок»! Живой факел в Трубецком бастионе! — Газетчик в заломленном треухе налетел на Конкордию. — Политическая Ветрова сожгла себя!

Ветрова? Она же бестужевка! Арестована с народовольцами по делу подпольной типографии. Девушка догнала газетчика, протянула монету. Нетерпеливо развернула газету. Сквозь вой ветра доносился тоненький голосок:

— Живой факел в Трубецком бастионе!

Конкордия почти бежала, стараясь поскорее добраться до курсов. Розовый дом, знакомый до мелочей. 10-я линия Васильевского острова, 4. У подъезда внушительные швейцары с окладистыми белыми бородами, словно рождественские деды-морозы. Ярко блестят начищенные медные пуговицы на livреях.

Конкордия взбежала по широким ступеням. По просторным коридорам прохаживались курсистки. У многих заплаканные лица. Громкий гул перекатывался, как морской прибой, под высокими сводами.

У доски, где обычно вывешивали расписание лекций, толпа. Конкордия, сбросив жакет, подошла к своей приятельнице Куделли, полной, розовощекой. Она уже давно закончила кур-

сы, жила переводами, но связи с бестужевками не порывала. Это ее допрашивали по делу Лахтинской типографии.

— Слышали, Паша? Не верится просто...

— Ужасная история! — Куделли беспомощно развела руками. — Бедная Мария, какой прекрасной души...

Куделли не договорила. Полные щеки ее затряслись, из глаз полились слезы. Около них остановилась инспектриса — дородная дама, затянутая в корсет, с седыми буклями на голове. В пухлых пальцах, унизанных кольцами, неприметная записная книжечка с карандашиком. «Опять вынюхивает», — неприязненно подумала Конкордия. Она встретилась с ней глазами и не поздоровалась. Щеки инспектрисы побагровели.

В плюшевом креслице сидела Козина, двоюродная сестра Ветровой. Конкордия знала об их большой дружбе. Козину окружили курсистки.

— Две недели обманывали меня в Петропавловке. Говорили, что Мария здорова, принимали книги для передачи. До меня доходили слухи от арестованных, которых после этой трагедии перевели из крепости в Дом предварительного заключения. Они слышали крики, беготню. Волновалась я сильно, все ночи глаз не сомкнула. Пошла в департамент, решила добиться правды. Молчат, но по глазам генерала поняла, что слухи имеют основание. Конечно, я никогда подумать не могла, что ее уже нет в живых... Какая жестокость! Марии нет, а передачи... — Козина заплакала, вытирая рукой слезы. — Генерал сказал, что наведет справки. Сегодня получила письмо от департамента. Подтверждают, что Мария умерла от ожогов на третьи сутки. Почему же не предупредили родных? Почему не вызвали мать? Почему похоронили тайком, а могилу показать отказались?! — Девушка рыдала навзрыд, уже не пытаясь удерживать слезы. — Как страшно! Марию хоронили ночью тайком, хоронили жандармы, которых она так ненавидела...

Конкордия с трудом сдерживала слезы. Какая мученическая смерть! Ночью увезли гроб на Преображенское кладбище, могилу сровняли с землей. Что творится в России!

Гражданская панихида по Марии Ветровой на Высших женских курсах, известных по имени своего первого директора Бестужева-Рюмина, проходила в глубоком трауре. В актовом зале картины затянуты белыми полотнищами. Высокие зерка-

ла закрыты. Огромная люстра, свисавшая с потолка, перевита черным крепом. Курсистки в черных платьях, с черными лентами в волосах. Пришли многие профессора. Рядом с Конкордией стоял профессор Бекетов, низко опустив голову. На черном фраке звезда без ленты, на лацкане траурный креп.

В центре зала на столе, покрытом блестящим покрывалом, портрет Марии Ветровой. Лицо ее в свете дрожащих восковых свечей кажется суровым. Воск капает на серебро массивных подсвечников, перевязанных бело-черными бантами. По обе стороны портрета — бестужевки в траурных платьях, шесть застывших фигур. Чуть поодаль Козина с восковым лицом. Серебристо звенит хор.

Господи, боже спасения моего!
Днем вопию и ночью пред тобою.
Да внидет пред лице твое молитва моя.
Приклони ухо твое к молению моему,
Ибо душа моя насытилась бедствиями,
И жизнь моя приблизилась к концу своему...

Упала на колени Козина. Затряслись от рыданий плечи Бекетова. Конкордия вышла из зала. Долго стояла у окна.

Дверь в четвертую аудиторию была приоткрыта. До Конкордии доносились тихие голоса. Она вошла и села поближе к кафедре. На скамьях, подоконниках — курсистки.

— Господа, нужно что-то делать... Стачка ли, забастовка, но мы должны протестовать. Охранка сжигает нашего товарища, словно во времена средневековья, а мы молчим!.. — громко говорит Куделли.

Конкордия смотрит на ее раскрасневшееся, взволнованное лицо. Она так задумалась, что даже не заметила, когда Куделли поднялась на кафедру.

Куделли ответил резкий голос:

— Нет, мы не можем протестовать! Я училась на одном курсе с Марией, любила ее, восхищалась ею. Горе мое безмерно. Очень трудно говорить, но протестовать невозможно!

— Почему? — не удержалась от вопроса Конкордия, разглядывая незнакомую ей курсистку.

— Не из трусости, поверьте! Я исхожу из разума. Какие невзгоды многим пришлось претерпеть, чтобы попасть на курсы! Мы здесь из разных уголков России. Все против того, что-

бы женщины получали высшее образование. Нас закроют с радостью! Дайте только повод. В прессе всё чаще кричат о бесполезности высшего образования для женщин.

— Правильно! — дружно поддержали однокурсницы.

— А студенты будут протестовать. Лесники, техники, медики... — упрямо возразила Конкордия.

— Нас это не должно касаться! Университетов в России с десяток. К тому же мужчине выехать за границу для получения образования значительно легче. Наши курсы — единственные на всю Россию. Конечно, мы, бестужевки, на стороне студентов, но протестовать не можем. Нас не простят и не оправдают те, кому мы закроем дорогу к высшему образованию!

Она сошла с кафедры. Ее окружили однокурсницы. Жали ей руки.

— Можем, должны и обязаны! — гневно воскликнула Конкордия. — Мария Ветрова, бестужевка, сожгла себя! Все, кто способен почувствовать ужас происходящего, должны протестовать! Факт этот получит широкую огласку. Мы не знаем подробностей этой трагедии, пока ее хранят мрачные стены каземата. Но можно догадываться о причинах, толкнувших покойную на отчаянный акт самосожжения. Мария Ветрова была веселая и мужественная, жизнерадостная и бесстрашная. Такой ее помним все мы. Она не побоялась бы ссылки в Сибирь, хотя в Департаменте полиции утверждают, что по степени виновности ссылка ей не угрожала... — Девушка внимательно вглядывалась в лица бестужевок. — Значит, не наказание испугало Марию Ветрову. Смерть ее стала финалом ужасной трагедии, героями которой являются деятели Департамента полиции! Как можем мы молчать?!

Бестужевки придвинулись ближе. Слушали молча. Конкордия выступала впервые. Высокая, ладная. Мягкие каштановые волосы обрамляют открытый лоб. Лицо широкоскулое, с кариими лучистыми глазами. Неровный изгиб черных бровей. Небольшой упрямый рот. Голос звучный, сочный.

— Свершилась трагедия! Мы знаем порядки в наших стенах. Произошло какое-то неслыханное надругательство над человеческой личностью. Ветрова пала жертвой царизма. Вот почему охранка не сообщила о ее болезни родным! Вот почему не была вызвана мать, не допущена Козина! А сейчас лгут о случайных обстоятельствах, вызвавших смерть. Две не-

дели принимают передачи для мертвой! Охранка — прямая виновница ее смерти! Иначе к Марии были бы допущены друзья, которые рассказали бы о причинах такого ужасного решения. Только безысходное отчаяние, жестокое унижение заставили Ветрову пойти на самоубийство. Мы не можем молчать! Мы должны протестовать, какими бы карами нам ни грозили!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Уже второй год Конкордия в Петербурге. Закончила гимназию в Иркутске. Из газет узнала о приеме на Бестужевские курсы. Послала заявление и долго ждала ответа, страшась разговора с матерью. Но свидетельства об окончании гимназии оказалось недостаточно, нужны были справки о политической благонадежности и о «возможности безбедного существования во время обучения». Последнюю справку достала довольно быстро в Сиротском суде, помог знакомый стряпчий. За справкой о политической благонадежности пришлось идти к губернатору. Долго ждала в приемной, предварительно изложив чиновнику свою просьбу. Чиновник, молодой, хлыщеватый, поглядел с любопытством: не часто из Иркутска уезжали барышни в Петербург за образованием. Наконец пригласили к губернатору. Сухопарый, холодный, сидел тот в кресле под большим портретом государя императора, колюче смотрел на Конкордию.

— Гм, учиться! Политическая благонадежность? Что ж, кажется, вы ни в чем плохом не замечены. Подайте секретарю прошение, проверим. В благоприятном случае бумагу пришлем домой. Адрес не забудьте указать!

Осталось последнее — письменное согласие матери. Как боялась этого разговора Конкордия! Ей ведь только восемнадцать, до совершеннолетия три года. Откажет мать — прощай курсы, прощай Петербург. В семье четыре взрослые дочери и мать жили дружно. Отец Николай Громов, священник, умер рано, оставив вдове небольшое состояние. Детей воспитывала мать, тихая, кроткая. Дочери, красивые, кареглазые, были ее счастьем. Она мечтала их пристроить около себя. Слава богу, не бесприданницы! Только девушкам не сиделось дома. Наталья, старшая, уехала с мужем в Тверь. Софья решила жить

самостоятельным трудом. Конкордия рвется в Петербург. Хорошо, хоть Калерия еще в гимназии. Зимними вечерами, когда девушки сидели в гостиной с книгами, мать следила за ними беспокойным взглядом. Жаль, отца нет в живых. Он сумел бы удержать их, сумел образумить горячие головы. Больше всех тревожила ее Конкордия. Слышанное ли дело — в Петербург на курсы! Недобрые слухи в городе об этих курсах. Все стриженные, все революционерки. Эмансипация! Да она сразу падет в какую-нибудь историю!

Разговор получился тяжелый. Впервые мать раскричалась, расплакалась:

— Волю взяли. Равноправие! То ли дело раньше. Девушки ни о каком образовании не думали. Найдется хороший человек — замуж, живут себе с богом! И матери радость!..

Конкордия слушала молча. Она понимала и жалела мать. На крещение сестры гадали — капали расплавленное олово в воду. Она не любила этих гаданий, мать настояла. В те дни уехала Софья с мужем, не хотелось огорчать мать. Она сидела перед зеркалом, распустив волосы. Желтоватым пламенем горела свеча. словно слезы, падали тяжелые капли в стакан.

— Венец! Слава богу! — обрадованно прошептала мать.

Конкордия встала, засмеялась:

— До венца образование нужно получить, матушка!

Поцеловала ее крупную руку и ушла в свою комнату. Долго потом не могла забыть огорченного материнского лица.

Горько плакала мать. Конкордия гладила ее по плечу, обещала писать каждую неделю. И наконец та сдалась, только просила в политику не вмешиваться. Девушка промолчала — лгать не могла.

С этого дня в доме поселилась тревога. Мать ходила приходящая, с красными заплаканными глазами, подолгу молилась перед иконой. Конкордия с грустью прощалась с родным домом.

Солнечным днем паромом они переправились на вокзал. Мать не доверяла новому мосту. Ангара сверкала и пенилась. День радовал светом и теплом. По широкому дощатому перрону прохаживался жандарм. Суетился дежурный в красной фуражке. Обер-кондуктор кричал на артельщиков, тащивших какие-то тяжелые ящики. У буфета толпилась нарядная

публика. Вокзал жил обычной суетой, которая наступает перед отходом пассажирского поезда Иркутск—Москва.

Конкордия с матерью прошла к синему вагону первого класса. Ярко блестели начищенные поручни. Пока она доставала из вязаного ридикюля билет, мать сунула кондуктору трешку, чтоб присмотрел за дочерью. Густо ударил вокзальный колокол. Мать плакала навзрыд, гладила дочь по волосам, крестила. Впервые узнала Конкордия горькие слезы разлуки. Она поцеловала мать, взяла у нее корзину со снедью, вошла в вагон. У окна остановилась, последний раз взглянула на мать, испуганную, плачущую.

Третий раз ударил колокол. Вагон трянуло, и толпа отхлынула. За вагоном бежала Калерия. Ветер трепал ее длинные косы и черную гимназическую пелеринку. Проплыли красноватое кирпичное здание вокзала, дежурный с зеленым флажком...

Весь долгий путь до Петербурга Конкордия почти не отходила от окна. Чернели леса, невспаханные полосы, убогие деревеньки. Словно мираж, среди утлых домишек мелькали господские дома с белыми колоннами. К переезду подходили бабы в домотканых сарафанах, низко повязав темные платки. Бабы торговали огурчиками да квасом. К окнам подбегали бо-соногие мальчишки, предлагали кедровые орехи.

Временами поезд попадал в полосу дождей. Черными лентами уходили вдаль размытые ливнями дороги. На деревьях, облепленных вороньими гнездами, сиротливо дрожала листва. Серым мешком нависло небо.

Петербург встретил неприветливо. Угрюмый, мутноватый рассвет. Плотный туман закрыл прямые улицы. Из окна гостиницы, где она остановилась, виднелись прокопченные трубы да кирпичные грязные бока домов. Каменные исполины! С раннего утра на улицах суматоха. Звонки конок, пронзительные голоса газетчиков. Блуждая по городу, девушка забрела в Петропавловский собор. Блестели стены от лампад, зажженных перед образами. Крепость, широкую и плоскую, венчала тонкая золоченая игла. Мрачными узкими сводами дошла до караульных помещений. Остановилась. Дальше Бастилия. Вечером она вновь пришла сюда. Солнце зашло, огненным светом озаряя крепость с наглухо закрытыми воротами. На колокольне однообразно отзванивали часы: «Коль славен... Коль славен...» Сердце Конкордии заныло. Каждый камень здесь кроплен кровью.

...Конкордия сидела за столом, подперев голову руками. Погибла Ветрова. И теперь Конкордия должна выбрать свой путь в жизни, путь, при котором рушатся надежды на образование, мечты о независимом положении — участие в студенческих волнениях даром не пройдет. Что делать? Мать так просила ее не вмешиваться в политику.

Горящие свечи на серебряном покрывале, заунывное похоронное пение, коленопреклоненная Козина, черный креп на платьях бестужевок... Нет, иного пути нет! «Компромисс — это же безнравственно!» Слова эти нашли в дневнике Ветровой.

На столе литографированное извещение о гражданской панихиде по Марии Ветровой. Печатали его в подпольной типографии, но охранка помешала допечатать. Конкордия предложила курсисткам переписать его от руки и утром разнести по городу.

Третий час ночи. За окном черная, непроглядная мгла. Глаза слипаются от усталости. На столе стопка извещений, написанных крупными печатными буквами. Конкордия трет глаза, старательно пишет:

1 марта в университете, а накануне на Высших женских курсах стало известно о смерти слушательницы III курса Марии Федосеевны Ветровой, которая 12 февраля в одиночном каземате Петропавловской крепости заживо сожгла себя, облившись керосином из лампы. Она была арестована в ночь на 22 декабря 1896 года и находилась сначала в Доме предварительного заключения, а потом, по недостатку места, ее перевели в Петропавловскую крепость. Она обвинялась в хранении революционных изданий, ей грозила (по словам директора Департамента полиции) лишь высылка на родину на три года. Девушка, энергичная и убежденная, она, по отзыву всех знавших ее, не испугалась бы и Сибири. Что сделали над ней палачи-тюремники, «очи царевы», остается пока тайной — факты, бывшие раньше, например, телесное наказание, которому подвергли Сигиду (в 80-х годах), и факт изнасилования одной политич. заключенной дают основание подозревать в данном случае нечто подобное, тем более что смерть ее тюремное начальство скрывало с 12 февраля до сих пор. Подруги покойной услышали от товарища прокурора Горемыкина подтверждение ужасного факта самоубийства.

Учащаяся молодежь, студенты высших учебных заведений

и курсистки не могут оставаться равнодушными к тому, что сотворили слуги царевы над нашей сестрой. На курсах извещие произвело потрясающее впечатление: среди студентов университета, технологов, медиков и горняков—брожение. 4 марта назначена панихида в Казанском соборе. Долг всякого честного человека способствовать возможно широкой огласке этого возмутительного дела. О дальнейшем сообщения последуют.

С.-Петербург, 3 марта 1897 г.

День был морозный. В легкой дымке беловатых облаков сияло солнце. Искрящийся снег покрывал крыши домов, деревья, тротуары. Вереницей двигались экипажи. Нарядная публика толпилась у витрин модных магазинов.

Как и ожидала Конкордия, на Невский торопилась молодежь — студенты в серых шинелях, молоденькие девушки, в которых она без труда узнавала бестужевов. Надвинув барашковые кубанки с черными башлыками, цепью стояли городовые, подозрительно оглядывали каждого, кто направлялся к собору. За цепью городских конные жандармы. Да, Департамент полиции не поскупился для такого дня.

Конкордия продвигалась к собору, недружелюбно разглядывая городских.

— Проход закрыт! — зычно прокричал городской, растопырив руки.

Конкордия остановилась. Городовой преградил путь к Казанскому собору. Молодая купчиха в нарядной цветастой шали держала за руку девочку, такую же пухлую и дородную, как и она сама. Купчиха не отходила от городского.

— Не велено, господа! Не велено! — устало повторял городской.

— Мы же к отцу Сергию! На исповедь девочку веду! — Пухлые губы женщины скривились, на лице недоумение. Она и впрямь не понимала происходящего: почему у собора городских, откуда взялись конные жандармы?..

Городовой рассердился. Щеки покраснели, в голосе злость.

— Студенты бунтуют!

— Бунтуют? — испуганно повторила купчиха, судорожно сжав руку краснощекой девочки, и торопливо перекрестилась.

Девочка капризно надула губы:

— Домой! Домой!

Конкордия подошла ближе.

— Куда? — устало спросил Конкордию городской и, не дожидаясь ответа, прибавил: — Не велено!

— На панихиду в собор! — звенящим от волнения голосом бросила Конкордия.

Городовой стоял неподвижно. За ним конный жандарм. Храпела лошадь. «Как же пробиться в собор, если путь с Невского закрыт? — лихорадочно соображала Конкордия. — Может быть, удастся с Казанской?» Городовой внимательно оглядел ее, повернулся спиной. Она обошла его, чувствуя горячее дыхание лошади.

Строгие, торжественные очертания Казанского собора. Резко выдвинутый портик, классические колонны, огромная золотая шапка купола. Торопливо поднимались по широким ступеням студенты, вызывая любопытные взгляды нищих на паперти. Конкордия развязала вязаный ридикюль, раздала мелочь.

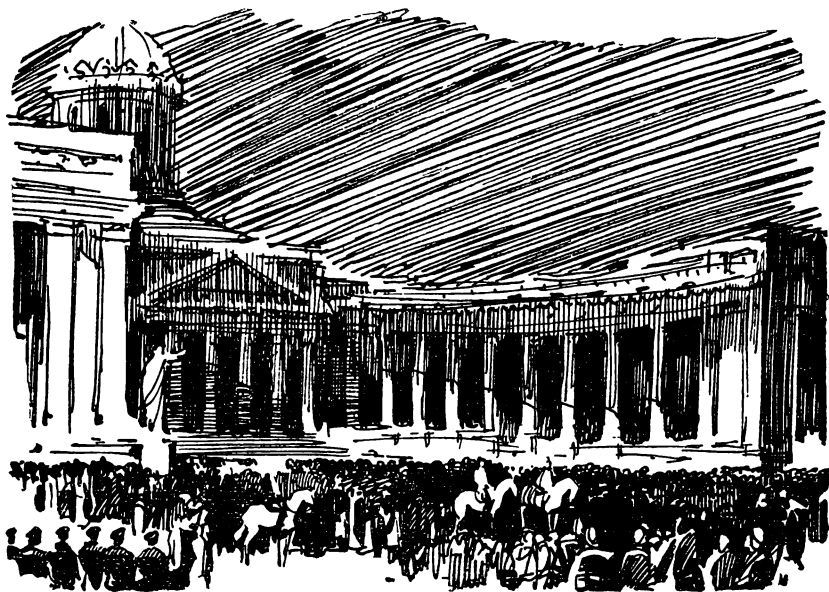
— За упокой рабы божьей Марии! — прошепелявил юркий, засовывая монету за щеку.

— За упокой Марии! — вздохнув, подтвердила она.

Конкордия почувствовала на себе чей-то взгляд, оглянулась. Плотный господин в коротком пальто, в лихо заломленном котелке. Шпик! Не удержалась, заглянула ему в глаза, небольшие, острые, словно льдинки. Интересно, что будет делать? Господин поморщился, ударил тонкой тросточкой по серым панталонам, отвернулся и размашисто перекрестился перед иконой.

Конкордия вошла в собор. Мерцали лампы, выхватывая из полутьмы грозные лики великомучеников, дрожали оплывшие свечи серебряных иконостасов. Заунывно отпевал кого-то дьякон, размахивая кадилом.

Студенты и курсистки стояли молча. Густая толпа заполнила северный и южный приделы. Конкордия потихоньку стала продвигаться к бестужевкам, среди которых заприметила Козину в трауре. Рядом с нею Куделли, лицо печально, бледно. Неподдалеку от Козиной огромный венок из железных листьев, перевитых траурными лентами. «Листик к листику, как товарищ к товарищу в этот скорбный день», — вздохнула Конкордия, пожимая холодную руку Козиной. Венок держали студенты-технологи, с которыми она встречалась на сходках. Желто-

ватый свет иконостасов озарял их суровые лица, широкие траурные повязки на рукавах шинелей.

— Вечная память! — зычно протянул дьякон.

— Веч-на-я па-а-а-мь! — гулко разнеслось под высокими сводами.

Отпевание закончилось. Студенты расступились. Небольшая кучка людей отошла от гроба. Хоронили чиновника. Мимо Конкордии провели вдову с распухшим от слез лицом. Мальчик в потертой гимназической шинели бережно нес образок. Проковыляла старушка с зажженной свечой. На шитых полотенцах пронесли гроб.

Благослови, душа моя, господи!

Господи, боже мой!

Ты дивно велик, ты облечен славою и величием,

Ты одеваешься светом, как ризою,

Простираешь небеса, как шатер!

Торжественно грянул хор у клироса. Грянул и замер. В алтарь, блестящий позолотою, заторопился священник. Вы-

сокий, худой, с усталым лицом. Знакомые студенты-технологи передали венки товарищам, а сами прошли за священником. Все, и Конкордия, напряженно ждали начала панихиды. Студенты не возвращались. Конечно, уговорить священника нелегко. Листовки о самосожжении Марии Ветровой облетели весь город.

Священник, красный и возбужденный, вышел из алтаря. Он уже был без парчовой ризы, в которой только что служил панихиду. Черное платье подчеркивало его худобу. Желтоватыми пальцами он крепко сжимал нагрудный крест. За ним — студенты. По их огорченным лицам Конкордия поняла, что договориться не удалось.

— Настоятельно просим отслужить панихиду по убиенной Марии! — баском проговорил студент, пощипывая бородку.

— «Скорби сердца моего умножились, выведи меня из бед моих», — вторил ему товарищ. — Помогите нам в этот скорбный час.

Священник гневно взглянул на них.

— В делах человеческих служу господу. Вера и правота охраняют меня. Я отказался от панихиды, когда со мною говорили утром.

— Отказываете в молитве? Как понять вас, батюшка?

— Да, отказываю! Пришла не мать, не сестра, а сонмище непокорных! Не завидуй делающим беззакония, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут...

— Сонмище братьев и сестер по страданию! — прервал его студент.

Конкордия возмущенно слушала священника: «Вот оно, христианское братство!»

В толпе нарастал ропот. Священник наклонил голову, разговор окончен. Медленно повернулся и пошел, не глядя по сторонам.

Конкордия неожиданно для себя громко крикнула:

— Позор!

— Позор!.. — поддержал ее кто-то в толпе.

Священник остановился. На бледном лице лихорадочно горели глаза. Произнес холодно, высоко подняв крест:

— Не кощунствуйте в божьем храме. Не место здесь для сходбищ. Служить панихиду по Ветровой без разрешения высших духовных властей не могу! Прошу, господа, разойтись!

«Словно не святой отец, а городской! — подумала Конкордия.— Как мы еще наивны в своей вере в бога!..»

Студент-технолог, который вел переговоры, иронически глядя на священника, громко сказал:

— Церковь не раз доказала, что муки народа ей чужды. Мы пришли на панихиду, мы ее и отслужим... Поднять венки! За убиенную царским самодержавием Марию Ветрову, «вечная память»!

По толпе прошло легкое движение. Студенты расступились, пропуская товарищей. Вздрагивая тонкими листьями, раскачиваясь траурными лентами, над головами поднялись венки. Конкордия насчитала три: венок с белой лентой от бестужевки, венок от студентов университета, венок от технологов. Тяжелые ветви хвои перевиты красным шелком. «Убиенной Марии Ветровой», «Мученице от ее товарищей по борьбе», «Незабвенной подруге и сестре»...

Наступила минута молчания. Гулкая тревожная тишина. И в этой тишине слышалось громкое рыдание Козиной. У Конкордии мучительно заныло сердце. Вновь тишина. Посуровели лица. Под сводами храма поплыла скорбная мелодия:

Вечная память, вечная память!

Многоголосый хор студентов и курсисток торжественно и горестно выговаривал печальные слова. Высоко взлетали чистые женские голоса, слаженно и дружно вторили им басы. Яр-ко вспыхнули свечи, разгоралось пламя лампад. Прояснились лики святых. Хор то затихал, то вновь взмывал:

Вечная память, вечная память..

Слова, как клятва, падали на затихшую толпу. Конкордия пела вместе со всеми. Знакомые, привычные слова обрели для нее особый смысл:

Вечная память, вечная память..

На клиросе появились монашки с бледными лицами. В широких черных одеяниях они напоминали летучих мышей. Монашки упали на колени, затянули отрешенно:

Вечная память, вечная память..

Конкордия не отрывала глаз от венков. Мария!.. Мария... Она клялась. Отныне жизнь ее пойдет по одному-единственному пути. Кто-то осторожно тронул ее за локоть. Оглянулась. Куделли. Лицо взволнованное, просветленное. По выражению глаз поняла, что и ее волнуют те же мысли. Они взялись за руки. Молитва замерла.

Все тот же студент с бородкой баском сказал:

— Процессия!

— Друзья, поднять венки!—поддержала его Конкордия.

Толпа колыхнулась. Шелестели траурные ленты. Конкордия оказалась рядом с Козиной, которую бережно вели под руки подруги. Вновь качнулось пламя свечей. Процессия двинулась к западным дверям, чугунным, литым, те неожиданно распахнулись. С паперти торопливо поднялись нищие и калеки, уступая дорогу.

Конкордия увидела жандармов. На рослых лошадях, грозные, враждебные. Она неприязненно поморщилась и указала на них Куделли.

Процессия, растянувшись пестрой лентой, продвигалась по узкому коридору, зажатою городовыми и жандармами. На Казанской улице толпился народ. Горожане стягивали шапки, крестились. Ветерок развеивал траурный креп, закидывал красные ленты на рукава студентов. Блестели на солнце лакированные листочки венков.

Студенты шли с непокрытыми головами. Шли медленно, непривычно суровые, молчаливые. Кто-то из идущих впереди поднял руку.

Вечная память, вечная память!

Вновь зазвучал величавый и скорбный реквием, от которого перехватывало дыхание и горький комок останавливался в горле. Конкордия, крайняя в шеренге, осмотрелась по сторонам. Жандарм с седыми нависшими бровями нетерпеливо по-

стукивал плетью по начищенному до блеска голенищу. Есаул в черной папахе сдерживал серого в крупных яблоках коня. Городовые с блестящими пряжками на туго перехваченных ремнях шли, крепко держась за руки, не допуская горожан слиться с процессией. Задорно пересвистывались рабочие-подростки, пытаясь разорвать живую цепь. Студент с аккуратной бородкой на смуглом лице, которого Конкордия заметила еще в соборе, оттеснил ее на середину шеренги и стал на ее место. Она увидела, как всех курсисток, шедших с краю, заменили студенты.

Процессия направилась к Невскому. Строгие парадные дома. Зеркальные витрины модных магазинов. Усиленный наряд конной жандармерии преграждал дорогу. Щеголеватый полковник гарцевал на кауrom жеребце. Широкие серебряные погоны блестели на солнце. Тонкими, холеными пальцами полковник теребил нафабранный ус. Он оглянулся и поманил рукой офицера. Взвилась снежная пыль. Офицер, ловко осадив коня, слушал с напряженным вниманием. Высоко взметнулась рука, затянута в лайковую перчатку, с казацкой плетью. Послышалась команда. По булыжнику, припорошенному снегом, раздался дробный цокот копыт. Конные жандармы выехали навстречу процессии. Горели начищенные пуговицы шинелей, шашки, позументы погонов. Пританцовывали сытые кони, застоявшиеся от долгого ожидания.

Процессия остановилась. От толпы отделился старый человек. В руке он держал меховую шапку. Отливал серебром бровный воротник. «Бекетов!» — узнала Конкордия любимого профессора. Бекетов со студентами на гражданской панихиде!

— Милостивейший государь! Может быть, вы объясните, что означают эти действия? — послышался срывающийся старческий голос.

В глазах полковника вспыхнул злой огонек.

— Процессия запрещена генерал-губернатором Санкт-Петербурга. С кем имею честь разговаривать?

— Бекетов Член Петербургской Академии наук, профессор университета.

— Прискорбно, весьма прискорбно! Академик, гордость отечественной науки, в противоправительственном шествии студентов! Ваш долг удержать молодежь от неразумных действий, а не...

— Прошу не поучать меня! Я не забыл своего граждан-

ского долга. Именно в действиях полиции усматриваю главную причину, вынуждающую молодежь свершить противоправительственное деяние!..

Полковник похлопал скакуна по холке и, чуть привстав в стременах, крикнул:

— Ра-зой-тись!

К Бекетову подбежали студенты, взяли его под руки. Не удостоив полковника взглядом, Бекетов отошел и занял место в первом ряду.

Процессия повернула на Казанскую улицу. И здесь горожане, столпившиеся на тротуарах, пытались прорваться к демонстрантам. И опять полиция не подпустила их. Проходы во все переулки перекрыты. У ворот дворники в белых фартуках.

Из маленького проулочка устремилась группа студентов. Конкордия слышала, как они громко переругивались с городовыми. Работая локтями, студенты разорвали цепь и присоединились к манифестантам. Плавно колышется тысячеголовая толпа. Высоко подняты венки. Развешаются траурные ленты.

Вечная память, вечная память...

У Фонарного переулка городовые устроили заслон. Все подходы закрыты. Впереди Казанская полицейская часть. Красное кирпичное здание с тяжелыми воротами, обитыми кованым железом, и решетчатыми амбразурами вместо окон. «Так вот куда полиция направляет процессию! — сообразила Конкордия. — Загонят в ворота, а потом тюрьма, высылка из столицы. Вырваться во что бы то ни стало!»

Процессия остановилась. Рядом с Конкордией вновь оказался студент с аккуратной бородкой. Он натянул фуражку на голову и весело подмигнул ей. Конкордия внимательно поглядывает на городского с одутловатым лицом. Студент берет ее за руку и тоже не сводит глаз с городского.

У фонаря на мостовой сугроб, почерневший, осевший. Городовой выпускает руку своего напарника, чтобы обойти этот сугроб. Конкордия, чувствуя радостное волнение, толкает студента. Студент выдвигает плечо вперед и сильным движением отбрасывает городского. Конкордия бежит за ним, легко перепрыгивая через сугроб. Ветер бьет по лицу, перехватывает дыхание, а она бежит. Слышится пронзительный свисток. Кон-

кордия оглядывается и видит, как студенты прорвали цепь, как устремились в прорыв курсистки. Топот. Крики. Свистки.

Студент берет ее под руку. Смеется, поблескивая белыми зубами. Только сейчас Конкордия замечает, какая у него открытая улыбка. Сердце ее сильно колотится. Она задыхается от быстрой ходьбы, от волнения и всего пережитого за день. За ними плотно смыкается толпа. Сочувственные улыбки, смеющиеся лица. Городовой расталкивает публику. Надоедливо переливаются свистки.

— Петр Кириллов из технологического! — рекомендуется студент. — Вам лучше переждать в этом особнячке. Тут примут.

— А как же вы? — Конкордия крепко держит его за руку.

— Не беспокойтесь, не пропаду!

Студент проворно ныряет в ворота большого кирпичного дома. Конкордия провожает его глазами. Она стоит под резным железным навесом одноэтажного уютного особнячка. Резко дергает ручку колокольчика. Узорчатая дверь распахнулась, и удивленная Конкордия увидела давешнюю купчиху, ту, что торопилась в собор с девочкой на исповедь. На крупном красивом лице страх. Прижимая пухлую, в кольцах руку к груди, спрашивает:

— Вы к кому?

— Тетя, как вам не стыдно!.. — мягко отстраняет ее долговязый гимназист с веснушчатым лицом. — Проходите. Прошу вас. Рады, очень рады.

Гимназист дружелюбно улыбается и пропускает Конкордию в прихожую, крепко заперев дверь на засов. Он помогает ей снять жакет, кладет на зеркальный столик муфту, меховую шапочку.

— Кофе, обязательно кофе! — оборачивается в дверях гимназист. — Морозно сегодня.

Конкордия благодарно кивает ему и проходит в гостиную с громоздкой старинной мебелью. Зеленые плюшевые портьеры сдвинуты на середину окна. Видно, хозяйка следила за происходящим на улице. Конкордия останавливается у окна, смотрит сквозь разрисованные морозом стекла. Улица напоминает развороченный муравейник. На студентов набросились городовые. Конные жандармы теснят их к полицейской части. Студенты пытаются прорваться. Свистки, крики. Двое городских схватили за руки курсистку. Она вырывается. Шапочка ее валяется на снегу. Волосы падают на глаза. На помощь городо-

вым бросается конный жандарм. Блестящая шашка. Огромная каска. Жандарм нахлестывает лошадь. Конкордия в ужасе закрывает глаза. Купчиха испуганно крестится. Со звоном разбивается чашка — это гимназист выронил поднос с кофейником.

Конкордия прижалась разгоряченным лицом к стеклу. На снегу кровь. Чернела меховая шапочка. Девушка лежала, неловко подвернув правую руку.

— Господи, прости и помилуй нас! — размашисто крестится купчиха.

Сухими, горящими глазами смотрела Конкордия, как избивали студентов. На пролетке с лакированными крыльями провозили девушку. Голова ее безжизненно болталась на плече жандарма. Его рука придерживала девушку за талию. Тяжелая русая коса билась о лакированное крыло.

— Вот она, российская действительность!

«НОВИНКА»

Конкордия на ялике перебиралась на другую сторону Невы. Ветерок освежал лицо, искрящиеся брызги воды падали на серый костюм. Девушка сняла широкополую шляпу, подставляя лицо солнцу, не такому уж частому гостю в Петербурге. Рослый ялечник с обветренным лицом равномерно взмахивал веслами. Ялик скользил по реке, оставляя едва приметный след. У чугунной решетки Конкордия заприметила зеленый сак и светлую шляпу. «Ждет!» — облегченно вздохнула.

Она легко прыгнула на гранитные ступени. Девушка в зеленом равнодушно оглянулась. Конкордия вынула из сумочки белый платок, поддержала его, вновь опустила в сумочку. Девушка неторопливо раскрыла пестрый зонтик и медленно двинулась вдоль набережной. Конкордия пошла за ней, стараясь не выпускать ее из виду. У фонаря она наклонилась, поправила шнурок на ботинке, огляделась по сторонам. Спокойно...

Полдень. Набережная была безлюдной. Изредка пробегут мальчишки-разносчики с корзинами, словно корытами, да проплывут бело-розовые купчихи в шляпах с яркими лентами.

Конкордия прошла мимо старого склада с распахнутыми воротами. Дрова в плотных штабелях. Пахло смолой, терпким

скипидаром. Прошла питейную лавку с вывеской, перекрашенной из желтой в синий цвет. Улыбнулась уголками губ. Весь город повторял эту шутку: правительство испугалось красного цвета, даже питейные лавки сменили вывески. Визгливо кричала шарманка. Ручку крутил слепой старик со взъерошенным попугаем на плече.

Девушка в зеленом неожиданно свернула в пыльный переулок. Конкордия заспешила, боясь отстать от нее. Маленькие одноэтажные домики обступили растрескавшуюся от зноя дорогу. Начиналась Шлиссельбургская сторона, рабочая. Дома с покосившимися окнами. Маленькие палисадники с чахлыми кустами. Кривые заборы. На лавочках, вросших в землю,— старики, натруженные руки на набалдашниках палок. В пыли, серой, как дым, возились ребятишки. Слышался лай дворовых псов.

«Проплутала бы долго, пожалуй, если б не встретили»,— подумала Конкордия, старательно запоминая дорогу.

В глубине двора, среди душистых кустов черемухи, припал к земле чистенький домик. Конкордия потянула дверь за железное кольцо. В полутемных сенях скамья с пустыми ведрами. Пахло сыростью от земляного пола. Пригнувшись, прошла в горенку, свежепобеленную, уютную. Навстречу поднялась девушка. Приятное румяное лицо, живые умные глаза.

— Располагайтесь, Кона! Скоро придет.— Девушка сняла светлую шляпу, повесила на гвоздик зеленый сак.— Как дела на курсах?

— Все хорошо! Только Бекетов стал прихварывать, вчера опять на лекции не был... Как устроились, Анна?

Конкордия присела к столу, покрытому холщовой скатертью.

— Да пока благополучно. Учительствую. Днем детишки, а вечерами кружок. Рабочие политикой интересуются. Только Ларионич косо смотрит, но на занятия ходит. Разное говорят о нем люди. Он здесь давно, вроде свой. Новому человеку трудно удержаться. Все знают друг друга, вместе работают в порту. Поговаривают, что охранка подследила его на Шлиссельбургскую сторону. Местечко рабочее, неприятностей охране доставляет много.

— Провокатор?

— Поручили проверить. Рядом со мной живет интересный парень. У него есть фотоаппарат. Размножал он снимки Софьи

Перовской, Андрея Желябова и раздавал их кружковцам. Так он же сфотографировал под каким-то предлогом Ларионича. Вы бы видели, что было. Зверем стал, а обычно такой обходительный, ласковый. Даже грозился донести в полицию.— Анна нахмурилась, в глазах тревога.— Если он провокатор, пусть бережется! Народ шутить не будет. Карточки его раздадут по верфям, заводам. Хорошо, если удастся подобру ноги унести...

— Подлец! Его жалеть?!

— Да что вы, Кона! Как его жалеть?! Вреда принесет много — провалы, аресты.— Анна прошла по комнате и, желая переменить разговор, сказала: — Познакомлю вас с Норкиным, он в порт вхож. Раньше там работал товарищ Борис. Ему пришлось срочно покинуть Петербург — грозил арест. У Норкина будете получать прокламации. Начнете их читать с кружковцами. Потом можно будет и делами посерьезнее заняться. Одно условие — осторожность. Норкин — парень свойский, вот только горяч. Умеет завязывать знакомства. Он обедает в рабочей кухмистерской на Екатерингофской. Премного любопытного может рассказать.

— Рада, что придется работать с таким человеком.— Конкордия оживилась.— А что с «новинкой»?

— Ах да, «новинка»... Сегодня большой день. В Минске прошел съезд. Принят манифест. Создана социал-демократическая рабочая партия. Пришел транспорт с литературой. Брошюр с манифестом оказалось совсем немного. С трудом отвоевала кое-что в комитете.

Анна закрыла дверь на крючок. Подошла к кровати, покрытой вязаным покрывалом, выдвинула железный сундучок. Медным ключом откинула крышку, которая изнутри пестрела красочными картинками из жития святых. Весело рассмеялась, уловив удивленный взгляд Конкордии, и быстро начала выкладывать на пол стопки белья, перевязанные голубыми лентами.

— Мое приданое! — сказала она лукаво.

— Богатая невеста! — в тон ей пошутила Конкордия.

В пустом сундучке Анна ловко вывернула шурупы, приподняла дно. «Сундук с двойным дном!» Желтоватыми пачками лежали листовки, шершавые брошюры. Анна отобрала стопку листовок, несколько брошюр. Привинтила шурупы, уложила приданое.

Конкордия принялась читать. В России появилась полити-

ческая партия рабочих, цель которой создание нового общественного строя!

— Листовки возьмите. Вот брошюра «Шпион». Передайте бестужевкам. Остальное уберем за образец.— Анна встала на табурет и, спрятав листовки, подлила масла в лампаду.

Конкордия засунула листовки в потайной карман, пришитый к подкладке серого жакета. Оглядела себя.

— Ничего, вполне естественно,— подбодрила ее Анна.— Ставлю самовар. Скоро три. Норкин заявится в обед.

Норкин пришел сразу, как только умолк басовитый гудок Спасской мануфактуры. Конкордии он понравился: высокий, статный, интеллигентное лицо, приветливая улыбка, глаза черные, бархатные. Бросил на венский стул мягкую фетровую шляпу, старенькое пальто. Расстегнул пиджак, из-за широкого ремня вынул листовки — и сразу словно похудел.

— От Ромма! — сочным баритоном проговорил он.

— Славно! — Анна взяла сверток.— Знакомьтесь, моя приятельница.

Конкордия вопросительно взглянула: почему не представила? Разве не Норкин должен ее свести с рабочими? Норкин тоже почувствовал себя неловко.

— Ну как, установили связь с портом? — заторопилась Анна.

— Пока нет. Приглядываюсь к одному. Кажется, из уволенных за беспорядки на верфях... «Новинку» получили?

— Получила, но слишком мало. Пока в кружки решено не давать. Придет транспорт, тогда.— Анна ловко разворачивала сверток, обрезая ножницами бечевку.— Товарищи просят действовать осторожно. Подозревают, что замешан провокатор... Может быть, повременить привлекать новых людей?

— Мерзость какая! — Норкин болезненно скривился.— К кружковцам это не относится. Да и конспирация. Вряд ли охранка перехитрит Норкина. Стреляный воробей!

Конкордия уважительно подняла на него глаза.

— Осторожность прежде всего. После листовок у Черной речки... — Анна недовольно нахмурилась.

— Славное дельце! Я в ту ночь несколько сотен их раскидал. Кому опустил в почтовый ящик, кому наклеил на ворота, а кому на крыльцо. Пристава тоже не забыл, прислал в конверте с надписью! — Норкин заразительно смеялся, его глаза блестели от удовольствия.

«Смельчак! Видно, и сходка в Ямском лесу, о которой так много говорят на курсах, не обошлась без него! — восхитилась Конкордия. — Что ж так сурова Анна?»

— Осторожность и еще раз осторожность! Согласитесь, аресты в Колпино весьма ослабили сеть рабочих кружков.

Видно, спор был давний. Норкин слегка отвел тюлевую занавеску, забарабанил пальцами по подоконнику.

— Опасность, провалы! На то и работа в подполье! — улыбнулся открыто и просто.

Конкордия невольно ответила ему улыбкой. Подобрела и Анна.

— Я же вас дружески предупреждаю, не рискуйте! Работа предстоит кропотливая. Фейерверками мало что можно сделать. За типографией началась охота.

— Типографию охранке не взять! Мы не новгородцы! Простачки! Сняли комнату, поставили станок... Полиция и хватить их. У нас не так. — Норкин гордился своей осведомленностью, не замечая, как снова нахмурилась Анна. — Придуманно все остроумно. В типографии Кушнарова, где я работаю, удалось подобрать отчаянных парней. Печатный станок знают как свои пять пальцев: ночью с закрытыми глазами соберут и разберут. — Норкин подошел к Конкордии вплотную, говорил, заглядывая в глаза. — Станок разобрали, распределили его части между собой. При надобности «выборный» уведомляет всех о времени сбора. На место сбора проскальзывают тени-печатники... Станок собирают, и, пожалуйста, печатайте...

— А потом? — не утерпела она, хотя и понимала неуместность вопроса.

— Чего же проще! Опять разбирают и разносят по тайникам. Такую типографию не взять! Ведь ее-то нет!

— Вы просто молодец! — Конкордия крепко пожала ему руку. — Мне бы поучиться у вас.

— Друг мой, у каждого свое дело. — Анна мягко отвела ее в сторону, кивнула Норкину: — Ну, до завтра.

Норкин перекинул на руку пальто, приподнял шляпу. Конкордия восхищенными глазами провожала его. Анна обняла ее за талию, с миловидного лица не сходила задумчивая улыбка.

— Действительно, такая типография существует?

— В мечтах Норкина. Это последний проект, с которым он носится. Боюсь за него. Напоминает он мне бабочку-одно-

дневку. Бросается в огонь, чтобы сгореть. Смелый до отчаяния, но...

— Какое «но»?! — задохнулась от возмущения Конкордия. — Не понимаю. Да он весь как огонь!

— Как огонь? Может гореть, а может и тлеть! Посмотрим, Кона! — Анна встала, желая прекратить разговор. — Решила пока вас не знакомить. Поговорю с Роммом. Литературу будете у меня получать, к типографии подпускать разрешения не имею. В партии каждая работа важна, второстепенных дел нет! Что пишут из дому?

— В Иркутске без конца обыски. Страдная пора. В реальном училище происшествие. Портрет государя в актовом зале кто-то расстрелял из пугача. Следствие, обыски у гимназистов. Общество возмущено — мальчишек таскают по участкам.

— Ну, до свидания, милая Кона! Теперь знаете, как меня найти. В письме укажу день и час встречи. Прихватите с собою газету «Рабочее знамя». Листовки раздавайте на курсах осторожно и с большим выбором. Не очень-то доверяйте горячим словам. Революция не вспышка, и не всякое неудовольствие принимайте за революционность. — Анна с любовью поглядывала на девушку.

— Я никогда не была поклонницей слов! — Конкордия крепко пожала Анне руку и вышла.

В кухмистерской на Екатерингофской окна распахнуты настежь. Тоскливо заливается гармонь. Слепой музыкант в красной рубахе перебирает черно-белые кнопки. Лицо прозрачное до голубизны, тонкие бескровные губы, полузакрытые глаза. Сидя на круглом табурете, он отбивает такт лакированным сапогом.

Норкина до слез волнуют его грустные песни, видел, как плакали заводские, тяжело подперев захмелевшие головы. Иногда заводские требовали «веселенького», но «веселенькое» не получалось. Даже «Камаринскую» слепой играл с такой горечью, что ноги в пляс не шли.

Кухмистерскую на Екатерингофской Норкин посещал не только потому, что она была ближайшей к типографии Кушнарова. Здесь любили собираться рабочие Шлиссельбургской стороны. Легко начинались разговоры, устанавливались зна-

комства. Из посетителей его больше всех интересовал один — Станислав, как его называл буфетчик.

Станислав обычно занимал соседний столик, сразу у входа. Немолодой, аккуратная борода и русые с проседью усы, густые нависшие брови, глубоко запрятанные серые глаза. Пиджак старый, порыжевший, но опрятный; косоворотка чисто выстирана. Иногда он читал: доставал из кармана жилета очки в железной оправе, раскрывал «Петербургский курьер». Он не пил, лишь баловался пивком. Норкин невзначай перекинулся с ним несколькими словами. Тот ответил неторопливо, обстоятельно. Солидный человек! Держался Станислав с достоинством, движения размеренные, разговаривал спокойно.

«Непьющий, интересуется политикой. На такого можно положиться. Только бы правильный подход найти», — приглядывался к нему Норкин.

Сегодня он решил установить знакомство. Трактирщик вошел у стойки с водкой. Станислав щелкнул блестящей крышкой часов «Буре», поднял вверх два пальца. Трактирщик ловко подкинул бутылку пива, прижал ее к пухлой груди. Жилет с двойным рядом пуговиц-бубенчиков туго обтягивал живот, бубенчики звенели при каждом движении. Половой подскочил, поставил пиво на поднос и, с ловкостью акробата, на вытянутой руке отнес его Станиславу. Обмахнул грязным полотенцем клеенку столика, поставил миску с холодцом, дымящиеся щи. На застывшем лице промелькнула улыбочка. Провел рукой по зализанным волосам, смазанным репейным маслом, и отошел, пятясь задом. Норкин взял свое пиво и подсел к Станиславу. Тот деревянной ложкой ковырял холодец. Норкину обрадовался, отложил газету.

— Что нового? — кивнул Норкин на газету.

— «Первый раз в Петербурге! Величайшее чудо природы! Живые сросшиеся сестры-близнецы! Роза и Жозефа из Богемии. Ежедневно будут показываться с воскресенья в музее Шульца-Беньковского», — с легкой издевкой прочитал Станислав.

Норкин громко расхохотался, обнажив крепкие зубы.

— Есть и еще новость. Папиросы «Фру-фру» по шесть копеек за десяток! — сердито буркнул Станислав.

— Да ты, братец, невеселый...

— Да почто веселиться? Третий месяц без работы. Пошел сегодня в порт поспрашивать, а там еще пятерых рассчитали.

Что хотят, то и делают.— Станислав нахмурился.— Нет на них управы...

— Управу найти можно! — многозначительно поглядел на собеседника Норкин.

— Как?

— Ну, это особый разговор.

— Особый разговор... — задумчиво протянул Станислав, наливая пиво в стакан.— Тут к нам в порт ходил один. Тоже говорил, как ты. Только исчез: то ли забрали, то ли сам куда скрылся.

— А звали его как? Не помнишь?

— А тебе на что?! — рассердился Станислав.— Любопытствуешь?

— А если я из его дружков? — прищурил глаза Норкин.

— Из дружков?.. Тогда другое дело, — смягчился Станислав.— Борисом назывался.

Норкин ликовал, как ловко он повел разговор. Ведь верно, Борис работал в порту, теперь он где-то на юге. Значит, кружковец.

— Станислав, а у тебя связи с рабочими сохранились?

— Какие это связи? — насторожился тот.

— Ну, знакомства с рабочими.

— Знакомства, конечно, сохранились. За дни стачки крепко сдружились.— Станислав поглядел на часы, всплеснул руками.— Батюшки светы, время-то как бежит!

— Обожди, не торопись.— Норкин оглянулся по сторонам и вплотную приблизился к Станиславу.— Я от Бориса. Дело есть серьезное. Приходи завтра к Литейному мосту. Только — никому!

— Не маленький, знамо дело.— Станислав поднялся, бросил полтинник.

— Откуда тебя рассчитали? — не спускал Норкин пытливых глаз.

— С Галерного островка. Разве не слыхал? — Станислав простодушно улыбнулся.

— Слыхал. Так до завтра?

Ночь подкралась внезапно. На бархатном небе яркие звезды. В тумане, окутавшем Неву, проступал силуэт Литейного моста.

Станислав вслушивался в тишину. Вдалеке лаяла собака, доносился хриплый бой часов. Одиннадцать! По каменной мостовой зазвучали шаги. Оглядываясь по сторонам, приближался Норкин. Пальто его, серое от тумана, оттопыривалось на груди.

— Кажется, не опоздал? Молодец, что пришел! — Он протянул руку. — Никого?

— Да кто здесь может быть? Разве такие полуночники, как мы! — добродушно рассмеялся Станислав.

— Принес подарочек! Интересуешься?

— Как же! Сразу сообразил, когда в полночь встречу назначил.

— Ты вот говорил, что на верфи штрафами задавили. Правильно! Социалисты выпустили «Объяснение закона о штрафах». Возьми почитай да и другим покажи. — Норкин передал листовки. — Делай с умом. Сам знаешь, за такое по головке не погладят.

— Благодарствую, почитаю. — В лунном свете лицо Ста-

нислава казалось призрачным.— Давненько слыхивал, что ходят по рукам листовки. Все не доводилось...

Норкину стало не по себе. Почудилось что-то неискреннее. Но он сдержался. Станислав с обычным добродушием улыбнулся. И Норкин успокоился, приписав свое волнение нервозности, которую он испытывал в последние дни.

— Организуй кружок на верфи. Литературой будем снабжать. Пришлем кого-нибудь! В порту проведем стачку.— Глаза Норкина горели.— Гигантскую стачку! Интеллигенты помогут.

— Это как? — Станислав пытливо взглянул на Норкина.

— Очень существенно. Поговори с рабочими, набросай требования. В одиночку ничего не добьешься. Один в поле не воин. Предъявите коллективные требования, распространим листовки...

— Можно их отпечатать? — поинтересовался Станислав.

— Можно, отпечатаем. Только напиши со смыслом.

— Это я понимаю.

— Я ведь не сам по себе. Я в организации, а организация все сможет... — Норкин поеживался от холода.— Сыро здесь, а я нездоров. Был в отъезде и сильно простудился. Видно, слягу. Где тебя можно отыскать?

Станислав достал из кармана папиросы, закурил. Красноватый огонек выхватил из темноты его лицо: жесткие складки у рта, глаза стальные, холодные.

— Зачем себя беспокоить? Не велики бары — сами придем! Где вас-то сыскать?

— Меня-то? — рассмеялся Норкин.— Насмешил меня, братец. Никакого понятия о конспирации. Встретимся в кухмистерской или на Новодеревенской набережной, у склада. Место неудобное.

— Да, чуть не забыл. Деньжат рабочие собрали на газету.— Станислав достал узелок.— Семь рублей с полтиной.

— Спасибо! Деньги нужны.

— А страшно в революционерах? Одна типография всю душу вытянет. Смелый ты парень! — Станислав хлопнул Норкина по плечу.

— Ну и ручища! — потер плечо Норкин.

Ему явно льстило восхищение Станислава. «Простой человек, а понимает трудность работы в подполье. Вот она, награда — сочувствие рабочего». И Норкину захотелось рассказать

о своих мытарствах, захотелось, чтобы его выслушали и похвалили.

— Типография — трудное дело. Охранка охотится, как за дичью. Особливо после провала новгородцев.— Норкин надсадно закашлялся.— На деньги партии в пригороде купили дом. Место глухое, никто не интересуется чужими делами. Живет такой хороший человек с хозяйшкой, живут по чужому виду на жительство. Работают, даже пасеку завели. Какие тут подпольщики!

— А соседи? Вдруг навестить захотят.

— Будут радешеньки. Хозяин редиску разводит, хозяйка ходит за коровою. Огородничают, как все. А ночами — другая жизнь! Сказал тебе, как другу. Вижу, человек честный, рабочий. А так скорее язык проглочу, чем проболтаюсь.

— Не беспокойтесь. Язык за зубами держать приучен. Если какие сумления имеете, то проживаю на Екатерининском канале у сапожника, снял комнатенку. Пока в полиции не прописан. Побаяваюсь, уволили-то за стачку.— Станислав смущенно погладил усы, кашлянул.— В гости милости просим...

— Спасибо, брат! — И Норкин растаял в темноте.

В залах ожидания Финляндского вокзала пусто. Отошел скорый поезд, и носильщики в белых фартуках убирали помещение. Протирали мокрыми тряпками скамьи с отполированными высокими спинками, подметали полы, выносили мусор. У двери, окованной медью, остановился студент, обмахивая полосатым платком разгоряченное лицо. Желтый добротный чемодан он поставил у ног. Очевидно, студент торопился, да и чемодан нелегок.

— Тридцатый-бис отходит в одиннадцать? — уточнил он.

— Эва чего захотели! Да теперича через день.— Носильщик распрямился, прислонил веник к скамье.— Ушел тридцатый-бис...

— Вот незадача! — огорчился студент, надвинул зеленую фуражку с блестящим козырьком.— Торопился, торопился, да проклятая кляча подвела.

— Бывает! — философски заметил носильщик и вновь заскреб веником по узорным каменным плитам.

— Где здесь буфетная? Сельтерской бы освежиться. Жарато какая!

— Направо, пожалуйста. Чемоданчик поднести?

— Нет, спасибо! — Студент подхватил кожаный чемодан.

На стенах просторной зеркальной буфетной шли по курчавым облакам нимфы, полногрудые, белотелые, в гирляндах цветов. Народу немного. За мраморным столиком около стойки читал газету какой-то человек. Лицо его скрывали пропыленные листья искусственной пальмы. На столике бутылка, покрытая холодным бисером, тонкий стакан. Чемодан студент поставил у столика и с интересом принялся рассматривать нимф. Взгляд его скользнул по фигуре человека с газетой. Он быстро наклонился, чтобы завязать шнурок, и незаметно пожал человеку руку. Чемодан оказался плотно придвинутым к мраморному столику. Студент ждал буфетчика, облизывая пересохшие губы, и продолжал любоваться пышногрудыми нимфами.

Норкин сидел в дальнем углу, наблюдал за передачей транспорта литературы. Он волновался, тонкие, нервные руки вздрагивали. Увидев студента у стойки, облегченно вздохнул. «Кажется, все благополучно. Транспорт пришел. Интересно, есть ли «новинка»? Обещал Станиславу, тот уже напоминал. В буфетной никого. Удачно подгадали время. Только лишь толстяк с заплывшими глазами, да и тот забаррикадировался пивными бутылками. Пьян, мертвецки пьян. Буфетчик куда-то исчез. Свидетелей нет».

Студент дождался буфетчика. С жадностью выпил бутылку сельтерской со льда. Скосил глаза на человека, читавшего газету, направился к выходу на перрон. Дорогу ему преградил пьяный толстяк с заплывшими глазами, тот самый, которого заприметил Норкин. Растопырив толстые волосатые руки, полез целоваться. Нанковый костюм его был изрядно помят, пуговицы жилета расстегнуты, галстук сбит набок, парусиновая фуражка на затылке. Студент снял его руки с плеч, помог добраться до столика. Столик качнулся, звякнули пивные бутылки. Пьяный тяжело уронил голову на грудь.

Норкин остался ждать пригородного поезда. С толпой легче исчезнуть. Мысли его были далеко. Утром, перед уходом на вокзал, получил письмо. Голубой конверт, как обычно.

Вильно, милый старый Вильно! Они расставались в парке под густой липой. Сладковато пахли белые цветы. Надя, легкая, воздушная, в кружевном платье с голубой лентой на шее. Ее тонкое бледное лицо заплакано. Она боялась разлуки. Нор-

кин целовал ее руки, говорил о любви. Улыбнувшись сквозь слезы, Надя подарила ему голубую ленту, чтобы не забыл. Забыть ее! Норкин уверял: разлука только на год, он поедет в столицу, добьется положения, накопит денег, вернется, сделает предложение, и они поженятся... Поженятся? Карьеры не сделал, положения не добился, денег не скопил. Жизнь ведет сложную, двойную. Работает наборщиком у Кушнарова, а самое главное — он разлюбил Наденьку. Повстречал другую, единственную, за которой готов идти на край света. В письмах он намекал, что свадьба откладывается на неопределенное время. К тому же он не вправе рисковать жизнью девушки. Какое счастье она обретет с ним? Наденька и сама что-то подозревала: звала его в Вильно, искала объяснения. Письма ее полны упреков, обиды. Он боялся разговора и слез. Как все объяснить? Норкин скомкал письмо и, разрывая его в клочки, бросил в пепельницу.

Ударил вокзальный колокол. Оставалось три минуты до отхода дачного поезда. Буфетную заполнила нарядная публика. Светлые платья дам, кружевные зонтики, чиновничьи мундиры.

В залах ожидания росла суматоха. Старушки с баулами, чопорные девицы, отставные военные. Норкин смешался с толпой, оглянулся и торопливо сбежал по широкой лестнице. Нанял извозчика, едва тот высадил семью чиновника, и приготовился ждать. Ожидание казалось долгим, мучительным. Волнение душило его. В широких зеркальных дверях появился человек с кожаным чемоданом. Удлиненное лицо, тяжелые веки. Волнистая бородка, крошечные усики, вьющиеся черные волосы. «Ромм! Наконец-то!» Норкин сдернул фуражку, взмахнул ею. Ромм, медлительный и угловатый, подошел к извозчику и подал чемодан. Норкин нервно указал на сиденье.

— Трогай! С богом!

Извозчик, отгоняя одолевавшую дремоту, перебирал вожжами, подстегнул лошадь. Норкин зло выругался, толкнул извозчика в плечо. Извозчик привстал, гаркнул, хлестнул лошадь. Серая кобылка рванулась, выбивая четкую дробь по булыжнику.

Вновь распахнулись зеркальные вокзальные двери. Толстяк с заплывшими глазами появился на ступенях. Лицо озабочено, рука засовывала в карман клочки письма. Стараясь не потерять из виду Норкина, подал знак. Отличная пара гнедых вы-

росла у подъезда. Господин надвинул соломенную шляпу, что-то быстро приказал. Кучер ремненным кнутом ударил пристяжную. Гнедые рванули рысью.

ПОЛКОВНИК ПИРАМИДОВ

Полковник Пирамидов раздраженно отбросил перо. Взял золоченую песочницу, привычно присыпал бумагу, позвонил. Появился чиновник, седой, сутуловатый. Полковник поднялся, оглядел его с высоты своего богатырского роста, отрывисто спросил:

— Узнайте, не явился ли ротмистр Вустен!

— Более получасу дожидается в приемной, — склонил голову чиновник.

— Попросите в кабинет. Кстати, возьмите папку «на высочайшее имя». Переписать прикажите под вашу личную ответственность на бумаге «царская».

Чиновник скрылся за бархатными портьерами. Дрогнули золотые кисти, и на пороге застыл жандармский ротмистр.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Пирамидов привстал. — Однако вы рискуете: жандармский мундир при теперешнем положении. Не боитесь скандала, как с Ларионым?

— Ваше благородие, я не осмелился явиться на прием не по форме! По городу шел в штатском пальто.

— Голубой кант на брюках! — Полковник недовольно поморщился. — Докладывайте!

— Слушаюсь! Наружное наблюдение за Норкиным выявило адреса лиц, занятых преступной пропагандой и распространением недозволенных изданий. — Ротмистр почтительно положил на стол красную папку. — Вчера в столицу доставлен транспорт нелегальной литературы. Наш сотрудник зарегистрировал передачу на Финляндском вокзале. К сожалению, задержать не удалось. Норкин и молодой человек, личность которого устанавливается, взяв извозчика, скрылись на Шлиссельбургской стороне.

— На Шлиссельбургской? Еще раз не лишне припомнить провал Ларионыча.

— Сегодня утром в кухмистерской на Екатерингофской Норкин передал мне сверток с прокламациями. Доставлены

они вчерашним транспортом. Обрез бумаги, шрифт те же, что и на ранее данных мне листках. «Шпион» и «Стачка лжи» напечатаны на финской бумаге, как и нынешние. Кстати, получена и прокламация, написанная мною. Текст прокламации к портовым рабочим, которую я с вашего разрешения передал в свое время Норкину, изменен до неузнаваемости. Вверху, как на всех изданиях, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — Ротмистр с тонкой улыбкой добавил: — О чем я, разумеется, не просил.

Полковник оценил шутку. Прищурил глаза.

— К сожалению, социалисты не считаются с желаниями Охранного отделения. Продолжайте.

— Анализ бумаги и шрифта убеждает, что все издания вышли из одной типографии. Местонахождение ее обнаружить не удалось... на сегодняшний день.

— Грустно! Вы установили отношения с Норкиным, вошли к нему в доверие. Много, очень много! Буду ходатайствовать о награждении вас орденом Святой Анны... Понимаю, что вы лишены привычных условий. Полутемная каморка у сапожника, разлука с семьей, отсутствие интеллигентного общества. Да разве перечислишь неудобства, которые вы испытываете. Именно вы, ротмистр, подготовили провал Петербургского комитета... К ликвидации его приступить, к сожалению, не можем, пока не будет найдена типография.

— Мне кажется, главное — в установлении виновных лиц. — В глазах Вустена появился холодный блеск, жесткие складки у рта резко обозначились.

— Нет, ошибаетесь. Организации социалистов живучи. Арестуем одних, их место займут другие и вновь забросают рабочих листовками. Нужно найти типографию. Ликвидировать материальную часть: машины, бумагу, шрифты. Арест типографии обезглавит пропаганду.

— Я же докладывал вашему благородию со слов Норкина о местонахождении типографии. — Ротмистр говорил сухо. — Думаю, если бы поиски были организованы более тщательно, то...

— Согласитесь, поиски пока лишены смысла. Отыскать типографию, которую злоумышленники разносят по тайникам. Это скорее прожект, чем... Негласные обыски, проведенные в типографии Кушнарова, обнаружили обычную кражу шрифтов.

— А вторая версия?

— Она также лишена конкретности. Окрестности Петербурга велики. Мало ли домиков, где хозяйчики живут уединенно, заняты огородничеством, имеют корову и три улья! Филеры более месяца не вылезали из пригорода. Представлено до двухсот адресов. Подвергнуть всех обыску, разумеется, невозможно! Думается, версия брошена для вашей прощери.

— Проверка! Моя проверка! — Ротмистр хрустнул пальцами.

— К сожалению, полного доверия у социалистов к вам нет. Вчера взята под наблюдение бестужевка, которая в адресном столе интересовалась местожительством Вустена.

— Вот как? Странно!

— Скорее, прискорбно. Кстати, я распорядился, чтобы адрес ваш изъяли из справочника. — Пирамидов протянул Вустену портсигар. — Думаю к Норкину применить любопытный агентурный прием.

— Вряд ли это возможно. Норкин в субботу уезжает в Вильно.

— Уезжает? Интересно, доложите подробнее!

— Он предупредил меня при встрече об отъезде. На вокзале наш агент подобрал письмо его невесты, которое подтверждает это. Норкин боится разговора с невестой. Когда-то она имела на него большое влияние. Не исключено, что Норкин порвет свои связи с социалистами, тогда для агентуры он будет бесполезен. Именно это обстоятельство и заставило меня просить о свидании.

— Виновность Норкина установлена полностью. Роль его в делах типографских исполнительская. Связи его с оппозиционно настроенными интеллигентами выявлены. — Полковник говорил медленно, тщательно взвешивая слова. — Человек он молодой, нравственно не испорчен. В подполье недавно, боится ареста.

— Склонен думать, что Норкин желает играть роль в революции. Юношески самолюбив, тщеславен. Есть еще одно обстоятельство... Деньги, которые я ему неоднократно передавал под видом собранных рабочими на газету, не поступили по назначению. — Ротмистр торжествующе посмотрел на полковника. Это была последняя новость, ее он не доверил никому, решив сам передать Пирамидову.

Полковник взглянул из-под опущенных век, страхнув отполированным ногтем пепел, затянулся папиросой.

— Вот как? Это важно! У меня интересная мысль...

Норкин лежал на клеенчатом диване, заложив руки за голову. Глаза его с тоской были обращены на решетчатую дверь. В коридоре громкий смех, бряцанье шашек, шаги. Но все это уже по ту сторону жизни, которая ему больше не принадлежала...

Летним днем он уезжал из Петербурга, договорившись об этом в организации. Об отъезде знали лишь самые близкие. Решил недельку провести в Вильно, навестить мать, а главное — объяснить с Наденькой. Ложность положения угнетала. Товарищи предложили заехать в Белосток, посетить подпольную типографию. Норкин запомнил адрес, пароль. Доводилось ему получать транспорт, распространять листовки, но быть связным!.. Все обставили с большой конспиративностью. Норкин взял не раз служивший службу чемодан, наполнил его подарками. В двойное дно тщательно запрятал рукописи для печати и отдельный синий пакет — материалы для Двинска. Оказывается, в Двинске тоже была подпольная типография, о чем он и не подозревал. Билет ему принесли домой. Правда, нужно попетлять по пригородным поездом, приглядеться, что за люди его окружают, и в случае опасности ограничиться поездкой к родным. Норкин испытывал чувство гордости, когда на Балтийском вокзале приметил двух студентов, негласно следивших за его отъездом. Сколько раз он прикрывал отъезд товарищей, а теперь...

В вагоне ничего подозрительного не обнаружил. Семья чиновника почтового ведомства. Дочери, худые, веснушчатые, были на редкость некрасивы. Норкину не хотелось с ними разговаривать. Да и они не обременяли: всю дорогу жевали бутерброды. Напротив благообразный священник, погруженный в чтение французского романа. Рядом воспитанница Смольного, задержанная девица в кружевной накидке, с гувернанткой-немкой. И еще двое парней, простоватых, конфузливых, которых явно смущало это почтенное общество.

На остановках новые пассажиры не подсаживались, и Норкин успокоился. Плавное покачивание вагона, торопливый стук колес действовали умиротворяюще. Он не отрывал

глаз от окна: кущи, перелески, топи... Эта милая скромная природа так радовала его сердце.

И вдруг на станции Гургенбург его сняли. Норкин дремал, облокотившись на спинку скамьи, и не сразу понял, что происходит. Конфузливые молодцы приказали ему выйти, не поднимая шума. На перроне у вагона жандарм огромного роста. На станции тоже много жандармов. Поезд задержали. Суетился дежурный, бледный, встревоженный. Норкин поднял глаза на девиц, увидел на их лицах сострадание.

Норкин встал, чувствуя слабость в ногах и сладковатую тошноту, поплелся к вы-

ходу. Ему приказали взять чемодан. Единственной его заботой было оставить этот проклятый чемодан!.. Нет, знают, всё знают! Ступени вагона крутые, высокие. Он так ослабел, что, если бы его не поддержал филер, упал бы. Едва он очутился на дощатом перроне, ударил колокол. Поезд тронулся. Платформа опустела. На лице дежурного Норкин прочел страх. Чемодан колотил по ногам, казался таким тяжелым, словно был набит камнями.

Его ввели в комнату пристанционного жандарма, закрыли на замок. Звук при повороте ключа показался похоронным звоном. Комната была служебной, но в случае необходимости заменяла и тюрьму. Это сразу уловил обостренный взгляд Норкина. Вещи неудобные — стол с коленкоровой крышкой, стул с прямой угловатой спинкой, короткий диван с жесткими подлокотниками. Но страшнее всего дверь с оконцем, оплетенным решеткой.

Уже не первый день он в жандармском отделении под аре-

стом. Обращаются вежливо, даже жалеют, как заблудшего. Вообще об охранке, видимо, говорят много лишнего. Следовательно—интеллигент, обходительный. Всегда угостит папирсою, предложит присесть. Разговоры пока туманные: расспрашивают о семье, о петербургских знакомых. Но Норкин отлично понимает, что знают они значительно больше. Следовательно его поправляет, по-отечески журит. Неужели охранка следила за ним все это время? Им знаком каждый шаг. Конечно, ему грозит Сибирь. Конец всему! Сколько молодых людей, способных и образованных, пропали на каторге! Не спасли ни связи, ни знатное родство. А кто защитит его? В семье он старший, надежда матери, опора сестер.

Норкин беспокойно ворочался на диване, лихорадочно искал выхода. Конечно, спасенье есть. Только об этом и подумать страшно. Что скажут товарищи, друзья, любимая? Струсил, предал. А если он заблуждался, если все прошлое—ошибка, если жизнь не удалась? В глубине души он понимал свое малодушие.

Временами он упрекал себя за трусость. Нет, он выстоит, непременно выстоит. Значит, ссылка в «места не столь отдаленные». А мать? Как он посмотрит в ее усталые глаза? Счастье, что она еще не знает об аресте. Но ее могут привести сюда, в Гугенбург, за решетку. Коварству жандармов нет предела. Норкин слышал, как к арестованному народовольцу в камеру посадили престарелую мать. Она на коленях умоляла его раскаяться. Спаси себя—значит, предать друзей. Но увидеть мать на коленях... Кажется, то был Гольденберг. От него ждали откровенных показаний, уверяли в неизбежности политических реформ. Он поверил, а потом... Чтобы избежать позора, повесился. Жутко... Повесился на полотенце, привязанном к крану рукомойника. Норкин до боли сжал виски. Предатель всегда так кончает. Уходит словно в песок. Только черная память о нем остается.

Конечно, от него надеются получить показания. Долго его держать здесь не будут. Переведут в Петербург, в «Кресты», или, как Ветрову, засадят в Трубецкой бастион. Они найдут способ получить «откровенные показания». Что значит Норкин для Охранного отделения? Сомнут, сотрут в порошок. Не такие люди канули в забвение.

Норкин вскочил, пробежал по комнате. Покосился на стол. На зеленом клеенчатом столе белела бумага. Ее оставил вче-

ра следователь, жандармский ротмистр. Он презрительно шурился каждый раз, когда Норкин пытался возразить, перелистывал пухлую папку бумаг, подшитых и пронумерованных. Временами подносил к глазам пенсне в черепаховой оправе и зачитывал Норкину материалы следствия. И тот холодел. Припомнили все: распространение недозволенных изданий, противоправительственная агитация, «посягательство на ниспровержение существующего строя». За все ссылка. И каждый раз ротмистр подчеркивал: «противоправительственная... ниспровержение установленного порядка... бунт». Какие страшные слова! Норкин чувствовал себя раздавленным. Действительно, как он мог решиться на такое! Ротмистр снимал пенсне, шурился и добродушно покачивал головой: молодость, молодость!

Оказывается, арестовали его на маленькой станции не случайно — не хотели поднимать шум в Петербурге. Даже обыска в его комнате решили не делать. Пока никто из друзей не догадывается об аресте. За всем этим Норкин чувствовал железную руку. Краска стыда заливала лицо: неужели ему предложат работу в охранке? Стать провокатором!

Норкин начинал лихорадочно обдумывать все известные способы самоубийства. Шею, руки покрывал липкий, холодный пот. Нет, самоубийство требует мужества. И вновь лихорадочное состояние сменялось равнодушием, смелые дерзания — трусостью, мысли о самоубийстве — страхом за жизнь.

Ротмистр торопил его. Собственно, им уже все известно. Норкин дает слово — он порвет с революционным движением. Ротмистр саркастически улыбнулся. Нет, этим Норкин не искупит вину за содеянное. От него хотят большего.

И вот ненавистная бумага ждет его. Он смотрит на нее с бессильной яростью затравленного зверя. Кружится голова, дрожат руки. Резко отодвигает стул. Опускает перо в чернильницу, похожую на тюремный замок. Буквы ложатся неровные, прыгающие.

Начальнику С.-Петербургского Охранного отделения полковнику Пирамидову.

З а я в л е н и е

Я чистосердечно раскаиваюсь в своих политических заблуждениях и желаю дать совершенно откровенные показа-

ния о моей преступной деятельности в этом направлении. Делаю это не из страха ожидаемого наказания, а потому что убеждаюсь в ложности моего увлечения, хочу облегчить свою душу и жить потом совершенно легально. Надеюсь, что, может быть, это мое чистосердечное раскаяние хотя немного облегчит мою душу.

Начну мою исповедь с того времени, когда я впервые был охвачен политической революционной идеей. Это было до 1896 года. Я был совершенно честный, трудолюбивый, любил свою родину, семью и не знал, что значит эта идея. Жил я в Вильно, но молодежь все более и более охватывала эта болезнь века...

Норкин закрыл глаза. Он был противен себе. Конечно, он лгал охранке, говоря о своих заблуждениях. Но это единственная возможность придать письму какую-то правдивость. И оттого он казался себе еще отвратительнее. Припомнилась доставка транспорта на Финляндском вокзале, когда они так ловко провели шпики. Строгие глаза Анны. Восхищение незнакомой кареглазой бестужевки. Рабочий Станислав с верфи Галерного острова.

И он писал, боясь упустить подробности, писал, напрягая память, писал, называя фамилии, писал, указывая адреса конспиративных квартир. Рука казалась стопудовой. За предательство — жизнь.

Вот все мое чистосердечное признание. Я высказал все, не скрывая ни слова. Я чистосердечно повторяю мое раскаяние в политических заблуждениях и полной силой молодости прошу, чтобы хоть это чистосердечное признание и раскаяние немного облегчили мою горькую участь и вернули меня на истинный путь легальной жизни с целью принести добро человечеству.

Подписался. Слова жгли. Кровавые. Он положил голову на стол и, испытывая горькое презрение к самому себе, понимая, что наступила гражданская смерть, глухо зарыдал.

Гудел сердитый сентябрьский ветер. По небу проносились рваные черные облака. Накапывал дождь. Конкордия при-

жалась к окну, смотрела, как бушует непогода. Осень пригоршнями разбрасывала желтые листья вдоль улиц. В дверь постучали.

Конкордия недоуменно пожала плечами. Отступила, увидев промокшую до нитки Анну. Сняла с девушки зеленый сак. Анна устало опустилась на единственный стул. Лицо ее было бледно.

Конкордия тревожно поглядывала, не решаясь спросить о причине столь внезапного появления. Анна вытерла платком мокрые волосы, потемневшие от дождя. Сказала глухо:

— По городу идут аресты. Взяли двадцать человек. Взяли всех, кто имел отношение к типографии. Кто-то предал...

— Когда началось?

— Третьего дня. Аресты провели в одну ночь. Предупредить никого не могли.— Анна опустила глаза.— Я тут принесла кое-что. Пускай полежит.

— Конечно, конечно! Ты и сама поживи у меня. Здесь, думаю, безопасно.— Конкордия глухо закашляла.— Проклятый бронхит!

— Пока он тебя спас.

— Спас?

— Конечно. Пятый месяц в постели. Поэтому литературу решила к тебе перетащить. Куда сложить? Но если боишься, то...

— Нет, нет! — Конкордия быстро закрыла на задвижку дверь.

Анна подпоролa подкладку зеленого сака и ловко вынимала тонкие пачки листовок.

Конкордия достала чемодан.

— Клади сюда, потом переложу.

Они стояли на коленях, тесно прижавшись друг к другу. Не разговаривали. Анне приятно было чувствовать теплое плечо Конкордии, прикасаться к ее сильным рукам.

— А Норкин? Он-то уцелел?

— Норкин спасся! — отозвалась радостно Анна.— Уехал в Вильно да там и задержался...

СТУДЕНТЫ В МАНЕЖЕ

— Кона, к университету, кажется, не пробраться! — Куделли прикрыла муфтой лицо от колючих снежинок.

— Да. Манеж оцепили!

— Кона, в манеже студенты! Я уже была в университете. Там швейцаров в шитых ливреях заменили верзилы-городовые!

— Времечко! Студентов — в солдаты! Студентов — в манеж!

Февраль 1901 года был холодным. Ледяным мхом залеплены дома, заборы, скверы.

Площадь заполнили студенты. Начались студенческие волнения. Занятия отменены, в аудиториях митинги. Петербуржцы забастовали в поддержку своих киевских друзей, забастовали, требуя отмены «Временных правил».

Медики в заломленных фуражках нарочито противными голосами поют:

Вечная память полковнику Пирамидову!

Вечная память, вечная память!

Вступают звонкие веселые голоса женщин. Конкордия присоединяется к импровизированному хору и старательно выводит верхние ноты:

Вечная память, вечная память!

К толпе бросаются городовые. Усатый пристав испуганно кричит:

— Господа, господа, прекратите!

Пение становится все громче. Студенты стоят сгрудившись, в центре курсистки. Городовые оттесняют их на тротуар. И опять, как в дни ветровской истории, конные жандармы. Толпа с руганью, хохотом, свистом рассыпается. Конкордия чувствует радостное возбуждение, которое ее всегда охватывает в минуту опасности.

— Опять в Петербурге аресты. Среди лесников. Взяли тридцать!.. — обращается к Конкордии незнакомый студент.

— А в Харькове анекдот-с. Всех студентов политехнического просят считать исключенными, — прервали его. — В газетах запросто обзывают нас безусыми негодьями.

— Надо же помочь тем, кто в манеже! — волнуется Конкордия. — Студенты — в манеже... Нашли лошадей!

Толпа все увеличивается. Желтоватое здание манежа белыми строгими колоннами приковывает взгляды. Там, в амбразурах, словно в бойницах, студенты, задержанные до выяснения обстоятельств. Пришли на сходку, а полиция загнала в манеж. Полиции у манежа уйма, охраняют широкие кованые ворота.

Конкордия с независимым видом обходит горбоногого полицейского.

— Кона! Кона!

Знакомый, с хрипотцой голос. Конкордия поднимает глаза. Кириллов, тот самый, который помог ей скрыться во время разгона студенческой процессии. Смуглый, с большими голубыми глазами, только бородку сбрил. На широкие плечи накинута шинель, фуражка зажата в руке, как и тогда на панихиде.

— За что? — кричит Конкордия, сложив руки рупором. Она рада Кириллову. Доброе чувство к нему не покидает ее.

— За что и всех! — смеясь, отвечает он.

Из-за угла показывается городской, толстый, неповоротливый. На черную кубанку надвинут башлык. Щеки покраснелись от холодного ветра.

— Барышня, проходите! Разговаривать с арестованным не разрешается!

— А почему арестованы?

— Пройдите, проходите! — ворчливо отвечает городской и, задрав голову, кричит: — Окно закройте!

Кириллов смеется, отрицательно машет рукой. Вновь вылезает из амбразуры:

— Трудно дышится!

Конкордия громко смеется. Петр отвечает словами листовки. У амбразуры начинается борьба. Конкордия видит, как Петра пытаются оттащить, слышит крики, свистки. У амбразуры появляется угрюмая физиономия жандарма, с треском закрывается окно. Конкордия огорчена. Арестован... Что бы сделать приятное для Петра? Цветы... Она поворачивает к магазинам, увлекая за собой Куделли. Там наверняка можно достать. Неожиданно передумывает. А если студенты голодные? Ведь неизвестно, сколько их продержат. Да и вряд ли отпустят по домам, скорее развезут по полицейским участкам...

— Смотри, разносчик с корзиной! — Конкордия радостно поворачивается к Куделли.

Разносчик шел против ветра, одной рукой придерживал корзину, другой прикрывал лицо. Наверняка из булочной Филиппова. Нагольный полушубок в снежных хлопьях подпоясан красным кушаком. На голове плетеная корзина, закрытая чем-то белым. Звонко похрустывает снежок. Девушки почти бегут, боясь, что разносчик свернет в какой-либо дом.

— Мальчик! Мальчик!

Девушки остановились, тяжело переводя дыхание. Разносчик снимает корзину, стряхивает снег и засовывает большие рукавицы за кушак. Конкордия вдыхает сладковатый запах свежеепеченного хлеба.

— Открывай корзину! — Конкордия весело улыбается карими глазами. — Давай пакет.

Ватрушка с золотистой корочкой нежным ванильным запахом напомнила Конкордии дом. Разносчик сдвинул треух, напозавший на глаза, споро набивал пакет. Конкордия вынула портмоне, отдала все деньги. Пакет приятно согрел руки.

— Еще? — смотрит мальчишка вопросительно.

— Да, конечно! — Конкордия обшарила свои карманы.

Куделли протянула ей кошелек. Набрали пять пакетов. Конкордия не утерпела и разломала для себя и Куделли пушистую слойку.

— Поди, студентам! — Мальчишка прячет деньги на дно корзины. — Нагоню братвы. Ну и денек!

Обратно возвращались бегом. Студенты, окружившие манеж, расступились. Девушки вновь оказались под амбразурами. Свиристая жандармская физиономия исчезла. И Конкордия радостно закивала Кириллову. Студенты быстро разбирают пакеты и, посадив товарища на плечи, передают их в амбразуру. Пронзительные свистки. Бегут городовые, придерживая длинные палаши. Грузные, неповоротливые, они вызывают у студентов смех. Городовые рассекают толпу. Конкордия оттеснила на мостовую. Но студентов с пакетами становится все больше. Мальчишка не обманул и нагнал разносчиков. Городовые вновь оцепили манеж. Пакеты перелетают через цепь. Городовые пытаются перехватить их, но пакеты летят на хорошей высоте. Конкордия опять с пакетами. Теперь около нее стоят уже специалисты. Бросают не спеша, со знанием дела. Пакеты летят один за другим.

...Приближалось время окончания Бестужевских курсов. Конкордия нередко ловила себя на мысли, что к занятиям она охладела. Лекции вызвали у нее горькое разочарование. Спасибо, на курсах ввели свободное посещение. Она оставалась дома, читая нелегальную литературу.

Вечерами приходила в кухмистерскую на углу Литейного, где в эти дни собиралось студенчество. Пофыркивал трехведерный тульский самовар, блестящая грудь которого, словно у ветерана, украшена медалями. Лежали бутерброды на круглых блюдах. На двух подносах деньги — пожертвования для киевских студентов.

Здесь на студенческой сходке она встретилась с Покатиловым, киевским студентом. Его окружили, забросали вопросами. Бледный, экзальтированный, он, рассказывая, возбужденно размахивал руками. Белокурые волосы закрывали глаза. В Киеве за участие в беспорядках студентов отдали в солдаты! Голос Покатилова громыхал, как набат. Его тоже исключили из университета и выслали из города. А теперь его мучает совесть. Товарищи в солдатах, а его спасли высокопоставленные родственники. Рассказ Покатилова потряс Конкордию. Она понимала его.

Конкордия разливала чай, вела подсчет пожертвованиям и внимательно слушала Покатилова.

Тот, возвышаясь на стуле, пылко говорил о гонениях на студенчество, о демонстрациях и протестах, которые должны остановить правительственный произвол. Сердцем Конкордия с Покатиловым, но почему все надежды в революционных выступлениях он возлагает на студенчество? Политическое бесправие у всех слоев общества. Конечно, «Временные правила» — результат скудоумия правительства. Тут Покатилов прав. Отдавать студентов в солдаты! Муштрую, казармами выбить дух свободомыслия у непокорных! Чудовищно!

Студенческий Петербург забурился. Забастовку на курсах Конкордия организовала вместе с Куделли. Бестужевки отказались посещать лекции, сдавать экзамены. Конкордия в числе первых получила известие об отчислении с курсов. Свою фамилию она нашла на доске у актового зала. Она в числе тех, «пребывание коих на курсах правление признает по их дурному направлению и влиянию на сотоварок нежелательным»...

Отчисление первых курсисток вызвало много шума. На-

чались протесты, переговоры с правлением, возглавлявшим курсы. Конкордию восстановили, сделав строгое внушение. Но что будет с университетом? Судьба студентов была неясна, забастовка все разрасталась. На сходке Конкордии передали письмо Горького к Брюсову. «Отдавать студентов в солдаты — мерзость, наглое выступление против свободы личности обожравшихся властью прохвостов. У меня кипит сердце; и я был бы рад плюнуть им в нахальные рожи человеконенавистников...»

Да, нужна манифестация, как в дни ветровской трагедии. Хорошо, если бы не одни студенты приняли в ней участие, хотя Покатилов уповает только на студенчество. Впрочем, еще будет встреча у Фокиной. Там соберутся делегаты от университета и Бестужевских курсов, они и решат все окончательно.

Сдав пожертвованные деньги казначею, Конкордия затопилась домой. По совету Куделли она после болезни сняла комнату в Фонарном переулке. Дом, куда она переехала, удивил ее: он словно оправдывал название переулка — высокий, узкий, расцвеченный стеклами, как фонарь. Лепные украшения на карнизах повторяли рисунок чугунных решеток. Крышу, плоскую, раскрашенную в зеленую клетку, сторожили остроконечные башенки. Комната ее в мезонине. И Конкордия долго не могла привыкнуть к стеклянным стенам. В углу, между венецианскими окнами, низкая кушетка, обитая цветным штофом. К окну прижат столик на резных ножках. Круглое зеркало в старинной раме. Стулья с высокими спинками и гнутыми ножками.

Хозяин, добродушный пухлый немец, был искренне огорчен, когда Конкордия привезла книжные полки. «О, фрейлейн, они так не подходят к общему стилю...» Конкордия хохотала до слез. Полки она прибила над кушеткой в узком простенке. На книги тратила все свободные деньги, а их немного. Она выделила себе лишь часть той суммы, которую присылала мать, остальное отдавала в студенческую кассу. Приходилось считать каждую копейку. Но отказать себе в покупке книг не могла. Сил не хватало пройти мимо книжных магазинов на Невском.

Сегодня Конкордия ждала Пашу Куделли. Последние дни виделись урывками. Вот и решили встретиться вечером, дома поговорить. К тому же у Конкордии приготовлен сюрприз.

Она вскипятила на спиртовке кофе. Разложила на тарелки

бутерброды, колбасу от Елисеева, насыпала в голубую вазочку тянучки, любимые тянучки Паши.

Куделли пришла, как всегда, аккуратно. Конкордия сразу же закрыла за ней дверь. Осторожно прислушалась, нет ли в коридоре хозяйки, любопытство которой раздражало ее. С торжествующим видом достала с полки книгу. Бестужев-Рюмин, «Русская история». Куделли пожала плечами. Милая, добрая книга. Написана племянником казненного декабриста, основателем курсов. Иметь его сочинения считалось у курсисток хорошим тоном. Конкордия быстро перелистывала книгу. Киевская Русь, князь Владимир. Софийский собор... А-а, тоненький листок нелегального издания. «Искра» — орган РСДРП, Мюнхен, 1901 год.

О газете она узнала недавно, предложила курсистка из иркутского землячества. Либеральное разглагольствование на курсах, свидетельницей которых она была, потеряли для нее новизну. Дело не в либеральных реформах, а в социаль-

ном преобразовании. Только как подойти к этому? Девушку потрясла жертвенность Ветровой, увлекали народовольцы. Но отпугивала их ограниченность. Конечно, решающего влияния на преобразование России они оказать не могли. Статьи «Искры» о создании партии заставляли Конкордию задумываться. С нетерпением ждала окончания курсов, чтобы уехать в Париж. Там получит она настоящее образование, встретит людей, единомышленников. Там серьезно сможет заняться социальными науками.

— Паша, послушай! — Конкордия взяла листок. «Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы использование угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки во всех высших учебных заведениях с требованием отмены «Временных правил 29-го июля 1899 года...»

— Правильно! Читай, Кона!

— «Но ответить правительству обязано не одно студенчество — все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбление рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации... Студент шел на помощь рабочему, рабочий должен прийти на помощь студенту...» — Конкордия отложила листок, подперла голову рукой.

— Как славно сказано: «Студент шел на помощь рабочему, рабочий должен прийти на помощь студенту!» — Куделли взяла газету.

— Я слушала Покатилова и не соглашалась. Нельзя только одним студентам. Широкий протест, только он заставит правительство отменить «Временные правила». Вчера мне передали деньги, которые рабочие собрали для студентов. Это же знаменательно! — Конкордия помешала ложечкой кофе. — Нужно искать автора этой статьи, нужно...

НАРВСКИЙ УЧАСТОК

День этот Конкордия вместе с друзьями встретила в полицейском участке Нарвской части. Они стояли в затоптанном, грязноватом дворике. Свершилось позорное: двадцать семь студентов Петербургского университета решением пресловутой комиссии отданы в солдаты. Ночью их арестовали, свезли в полицейскую часть, взяли под стражу.

Конкордия тоскливо смотрела на окна второго этажа. Вот за ржавой решеткой появилось смуглое лицо Кириллова. Узнать его трудно: волосы сбрили. Он махал рукой, растерянно улыбался. У Конкордии сжималось от боли сердце. В кухмистерской Вишнякова происходил сбор денег для студентов-солдат. Ей поручили передать эти деньги. Она обратилась к приставу, и от этого разговора возникло горькое ощущение. Пристав шурил маленькие хитрые глазки, попросил предъявить паспорт. Деньги для арестантов он примет только от родственников. Конечно, можно назвать себя невестой, как это принято у курсисток, но в этом случае он вынужден обратиться в департамент.

Конкордия хлопнула дверью. Подлец! Должны же разрешить кому-то свидание с арестованными, тогда и деньги передадут. А пока надо ждать.

Рядом с Конкордией маленькая старушка с измученным лицом. Потертый малиновый салоп запорошило снегом. Она прижимала к груди узел, стянутый клетчатым платком.

Стояла терпеливо, не отвечая на вопросы. Это мать Петра Кириллова. Она не упрекала сына, не осуждала его. Петя был единственным. Сначала учился на ее скудные заработки, потом перебивался грошовыми уроками. И вот он за решеткой! Она собрала свой скarb, получила расчет у генерала, в доме которого проработала кухаркой двадцать лет, и пришла в участок. Готовилась в дорогу вместе с сыном. Старушка казалась равнодушной к окрикам городских, к брани начальства, к насмешкам уголовных. В больших подшитых валенках с утра до ночи стояла она под окнами. Стояла и ждала, не замечая ни голода, ни стужи.

Конкордия не раз украдкой вытирала слезы, глядя на нее. Преодолевая отвращение, вновь пошла к приставу, требуя свидания Петра с матерью. Пристав развел руками. Конкордия

так сверкнула на него глазами, что он попятился. «Подлец! Страдания матери для него ничто! Каких выродков подбирают в полицию!» Старушка поняла, что добиться ничего не удалось. Улыбнулась, пытаясь утешить девушку. Конкордия расплакалась. Лицо матери в сетке морщин просветлело. «Ничего, ничего, мы привычные!» И ее натруженные руки крепче прижали узел в клетчатом платке.

К полудню арестованные объявили голодовку. Пристав, нахохлившись, возвращал передачи, отказывая в приеме записок. Студенты стояли под окнами камер и ждали. И вдруг в угловом окне появилась зажженная лампа. Сигнал — отправка произойдет сегодня!

Толпа заволновалась. И только мать была спокойна, наконец-то кончится неизвестность.

Зима выдалась снежная, с ледяными ветрами. Низкие лохматые облака нависли над городом. А с запада напозла черная туча. Снег завалил улочку, разбросал горбатые сугробы. Студенты продрогли, потирали красные руки. Конкордия вновь пошла к приставу в Нарвский участок.

Пристав против ожидания принял ее приветливо, тонкие губы в улыбочке. Привстал в кресле.

— Конечно, я понимаю вашу просьбу. Свидание? Нужно связаться с прокурором, попросить санкции... Я человек подчиненный. Передать вещи? Конечно, когда будет разрешено свидание. А теперь просьба — очистить двор. Не может же толпа находиться во дворе участка. Дружеское соглашение: студенты покидают участок, а я устанавливаю связь с прокурором.

Делегаты переглянулись. Конкордия вспыхнула и бросила приставу в лицо:

— Лжете! Мать не допустили к сыну!

Пристав с укоризною поглядел на девушку.

— Слово благородного человека: если не произойдет никаких эксцессов, студенты получают возможность проститься с товарищами!

Конкордия первой заторопилась к выходу. Такие обещания не нарушают. Студенты покинули полицейский дворик, затоптанный, почерневший. Теперь они стояли у ворот, заняв подступы и проулки. Ждали приезда прокурора. Конкордия собирала подписи под петицией на имя министра. Воротник ее шубки покрылся инеем. Конкордия постукивала замерзшими ногами в высоких кожаных ботинках. Студенты подняли воротники шинелей, закутали шеи шарфами.

— Сторонись! Сторонись! — донеслось сквозь вой ветра.

Конкордия оглянулась. Тюремная санитарная карета, запряженная шестеркой лошадей, с бешеной скоростью приближалась к участку. Девушка заметила красные кресты на черных дверцах, массивные решетки на оконцах. Рядом с кучером на облучке сидели два жандарма. Конкордия отскочила к воротам. Одна, другая, третья... За каретами подпрыгивали на ухабах возки. Ворота распахнулись. Кареты, возки, не замедляя скорости, ворвались в полицейский двор.

Отчаянно закричала курсистка. Конкордия бросилась к ней.

— Увозят... Увозят! — Девушка в ужасе подняла руки в красных варежках.

— Там с Петром ее жених! — сочувственно заметила мать.

Конкордия с друзьями вновь поспешила к приставу. В участкелюдно. Полицейские бегали со списками, выкрикивали фамилии арестованных. В углу навалены солдатские полушубки, грязные, дырявые. Пахло кислятиной и овчиной. Жандармы толкались у высокой конторки, гремели шашками, сапогами со шпорами. Пристав разговаривать отказался.

— Занят, господа! — бросил он, торопливо сверяя списки.

— А где же ваше честное благородное слово?! — гневно спросила Конкордия.

Пристав отложил списки, постучал пальцами по бронзовой чернильнице. Зло и нагло сверкнул маленькими глазками.

— Прошу не забывать! Нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— Преступникам, приговоренным к смертной казни, вора и убийцам не отказываете в свидании. А студентам, составившим против беззакония, чините препятствия. Матери не

разрешаете проститься с сыном! Студентов одевают в эту воющую рвань!

— Надеюсь, в солдатах они не будут щеголять в студенческих шинелях. Не по Невскому! — Пристав гаденько хихнул.

Жандармы захохотали. Смеялись в лицо, нагло и открыто. Конкордия плохо помнила, как увели ее из участка. Ее знобило, красные круги плыли перед глазами. Больше всего она страшилась встретиться с матерью Петра. Старушка топталась у ворот. Поверх малинового салопы повязан крест-накрест черный платок, в руках суковатая палка. Видно, она и впрямь приготовилась к дальней дороге.

Черной шеренгой стояли городовые. Послышалась команда, и толпу начали теснить к заваленным снегом домишкам.

— Не отступать! — яростно крикнула Конкордия и не узнала своего голоса. — Проводим товарищей!

Городовые оцепили студентов. Мать укрыли в толпе, боясь, чтобы она не пострадала в свалке. Платок у нее сбился на ухо; на дряблую, морщинистую щеку выбилась пожелтевшая прядь седых волос. Она стала словно меньше ростом, только глаза горели. Конкордия держалась около нее.

— Расходитесь, господа! — выступил вперед пристав. Полное лицо его тряслось от натуги. — Рас-хо-ди-сь!

— Подлец! — бросилась с кулаками на пристава курсистка.

«Та самая, у которой жених в участке», — узнала ее Конкордия. Двое полицейских схватили девушку, выворачивая ей руки. Курсистка кричала, вырывалась. Котикова шапочка свалилась, вьющиеся волосы распустились по плечам. За курсистку вступились студенты. Началась свалка. К полицейским подбежали жандармы. Слышались крики, удары. С треском распахнулась дверь участка. На улицу вывалились клубы пара. Жандармы ожесточенно заталкивали в участок студентов. Толпа заметно поредела, но оставшиеся держались крепко. Они стояли на морозе под градом угроз и насмешек городских.

Повалил снег. Конкордия подняла меховой воротник, но он не спасал от ледящего ветра.

Проскрипев, распахнулись ворота. С гиком вылетела карета. Конкордия отпрянула. За каретой на полном скаку мчались казаки с шашками наголо. Лошади разбрасывали снег.

Конкордия видела их оскаленные морды. Кучер, стоя, настигивал пристяжных. Карета подпрыгивала на ухабистой мостовой, грозя опрокинуться. В арестантских каретах студенты! Боясь пропустить товарищей, Конкордия бросилась наперерез карете. Толпа вздрогнула, замерла. Конкордия, широко расставив руки, выбежала на середину мостовой. Слышался тяжелый лошадиный хrap, бешено сверкали налившиеся кровью глаза. Кучер с силой натянул вожжи, сдерживая лошадей. Карета, тяжело осев, остановилась. Девушка — к решетке. Увидела смуглое взволнованное лицо. Петр, конечно, Петр! Она крепко схватила его руку сквозь железные прутья.

— Деньги от петербуржцев... Товарищи! Братья!.. — Слезы мешали говорить. — Да здравствует революция!

— Да здравствует революция!.. — восторженно прокричали из-за решетки.

Из снежной пелены вынырнул пристав.

— Отправляют с Балтийского! — донеслось до Конкордии.

Друзья оттащили ее от кареты. Крупный снег засыпал глубокие борозды.

— Батюшки светы, увезли! — В хриплом, старческом голосе отчаяние.

Конкордия оглянулась. На снегу ползала на коленях мать Петра, бессильно протягивая вперед руки. По дряблым щекам — слезы. Узел в клетчатом платке валялся в стороне. Книги рассыпались черными головешками; на открытой стра-нице отпечатались лошадиное копыто.

— Увезли! Увезли!..

Конкордия подхватила старушку. Не различая дороги и проваливаясь в сугроб, бросилась к извозчикам. Посадила ее в сани, тяжело опустила сядом.

— Скорее на Балтийский!

«ОДИН ЗА ВСЕХ»

Кучер в синем суконном тулупчике с красным кушаком лихо осадил рысак. Рысак дрогнул и замер, горделиво изогнув крутую шею. Из легких санок, отбросив медвежью полость, выпрыгнул коренастый, широкоплечий молодой человек. Глаза его, большие и серые, в густых пушистых ресницах,

спокойно оглядели улицу. С большого открытого лба заправил под башлык выходящие волосы. Улыбнулся по-юношески пухлыми губами какой-то девочке в ватном капоре.

Молодой человек бросил лихачу золотой, вынул пачку модных папирос «Фру-фру», потом оправил шинель, сдвинул назад серый башлык и оказался в подъезде министерства народного просвещения. Важный швейцар с полупоклоном открыл перед ним зеркальную дверь. Легко и стремительно шел молодой человек по красной ковровой дорожке, закрепленной медными прутьями на мраморной лестнице. По обеим сторонам лестницу украшали бронзовые фигуры, блестящие в солнечных лучах. Молодой человек поднялся в приемную на втором этаже. Вдоль стен, затянутых синим штофом, скамьи с массивными дубовыми спинками. На скамьях — просители. У двери, ведущей в кабинет министра, стол зеленого сукна. Искрится хрустальная чернильница, сверкает бронзой пресс-папье. В серебряной пепельнице папироса с золотым мундштуком. В кожаном кресле чиновник, секретарь министра. Щеголеватый, румяный, надушенный. Он легко подбирает монокль, вежливо осведомляется о просьбе.

Молодой человек наклонил крупную голову, протянул прошение. Чиновник быстро пробежал его глазами. Еще прошение о поступлении в университет. Исключен из московского за участие в студенческих беспорядках. Учился в юрьевском на медицинском факультете, исключен за политическую неблагонадежность... Чиновник согнал с лица заученное приветливое выражение. Вдохнул, раскрыл толстую книгу. Начал регистрировать прошение, переспросив:

— Фамилия? О чем ходатайствуете?

— Карпович Петр Владимирович. Прощение о поступлении в технологический институт.

— Подождите в приемной.— Чиновник достал из кармана часы, посмотрел на циферблат.— Думаю, министр начнет прием в час.

Карпович поклонился и отошел от стола. Скромно стал у колонны, с любопытством оглядывал просителей.

По просторной приемной в сильной задумчивости прохаживался пожилой чиновник со шпагой на парадном мундире. Остановился около секретаря. Секретарь заученно улыбнулся, обнажив крепкие зубы.

— Да, да, рекомендательное письмо его превосходитель-

ства. Докладывал министру. Министр поймет. Грехи молодости...

«Очевидно, ходатайствует об исключенном из университета. Даже рекомендательным письмом его превосходительства заручился. А секретарь-то улыбок не жалеет! Всё протекции, рекомендации».

Внимание Карповича привлекла пожилая дама в черном визитном платье и кружевной накидке. Тонкое, благородное лицо хранило следы редкой красоты. Под все еще прекрасными глазами темные круги. Она нервно сжимала в руках бисерный ридикюль и не отрывала глаз от секретаря. Вот она поднялась, стала у двери, обитой медью. «Очевидно, не впервые здесь. Порядки знает». Отстранив даму, торопливо пробежал секретарь. В приемной появился сановник в генеральском мундире со звездой. Секретарь любезно проводил его до стула, не решаясь протянуть руку. Сановник тяжело опустился, вытер лоб, словно нехотя протянул пухлые пальцы. Секретарь благоговейно пожал их.

Промелькнул курьер из отставных солдат с толстой папкой. Секретарь полистал бумаги, переложил их в красную сафьяновую папку для доклада министру. Посетители все прибывали. Чиновники в мундирах однообразного покроя, похожие друг на друга как близнецы, стояли отдельной группкой. На узких погонах звездочки. Карпович с грустью смотрел вокруг. Приемная министра, словно зеркало, отражала неприглядную российскую деятельность с ее угодничеством и чинопочтанием. И над всем этим чиновным Петербургом Николай II, огромный портрет которого висел в парадном углу. Государь был изображен в горностаевой мантии, с державой и скипетром в руках, унизанных кольцами. Пшеничные усы, рыжеватая борода, прилизанные волосы на низком лбу, пустые глаза. «Внешность заурядного полковника. Портретное сходство весьма точно». Карпович не отрывал глаз от государя.

Двери министерского кабинета охраняли курьеры. Оба высокого роста, в новеньких мундирах, с серебряными медалями; на лицах застыло бессмысленное и подобострастное выражение. «Солдафоны, право же, солдафоны!» Карпович отвел глаза.

Приближалось время выхода министра. По приемной все чаще пробежал дежурный чиновник, прилизанный, наглаватый. Каждый раз он почтительно изгибался перед сановником

со звездой и пренебрежительно выпячивал нижнюю губу, глядя на пожилую даму.

Карпович зорко подмечал все происходящее в приемной. Подошел чиновник с пестрыми ленточками в петлице. В руке он держал сигару, намереваясь закурить, но не решался это сделать. Лицо его выражало сильнейшее волнение.

Карпович не удержался:

— Что с вами, сударь?

— Несчастье! Я из Киева. Статский советник Гарпуненко, — с полупоклоном отрекомендовался тот. — У нас творится нечто ужасное! Университет закрыт. Профессорский совет отдает студентов в солдаты. Идет забастовка. Мой сын по причине политической неблагонадежности исключен из числа слушателей.

— Так не один же он! — попытался успокоить его Карпович.

— А мне какое дело?! «Не один»! Утешили... Мой сын политически неблагонадежен! — Лицо чиновника покрылось красными пятнами. Усы его топорщились, словно у рассерженного кота. — Дед его, отец — верные слуги царя и отечества, а сын...

Карпович плохо его слушал. Он весь находился во власти одной думы. Студентов — в солдаты! Солдатчина за революционный дух и здравый смысл. Вот в том-то и дело, что сын не хочет идти по стопам отца. А тот пытается его спасти! Спасти от того, что есть честного и благородного в России. Уж если кого спасать, так Россию от Боголепова, консерватора и монархиста. Студентов — в солдаты! Карпович чуть не застонал. Трудно забыть последнюю ночь в Берлине. В этом чопорном и холодном городе он узнал о скандальном происшествии в Киеве. Газеты писали скупое. В карцер посадили четырех студентов — забастовал университет, последовало решение совета: отдать студентов в солдаты. Решение утверждено министром народного просвещения Боголеповым.

Карпович бросил все и курьерским примчался в Петербург. Нужно защитить студентов! Его самого дважды исключали из университета, отсиживал в Доме предварительного заключения. Образования получить в России не мог, поэтому и учился в Берлине. Только молчать в такую годину невозможно! И вот он в приемной министра, ждет его выхода. Да, ждет!

Бом! Звонко ударили часы с тяжелым медным маятником. Дежурный чиновник засуетился, выстроил мужчин полукругом поближе к министерскому кабинету. Карпович усмехнулся, видя раболепие чиновников, их выпяченные груди с орденскими лентами. Дам чиновник усадил на скамьи с высокими спинками, схожие со скамьями подсудимых. Карпович не отрывал глаз от двустворчатых широких дверей. Он испытывал странное спокойствие, словно все происходившее вокруг не касалось его. Только весь подобрался, напряжился.

Двери распахнулись. Дежурный подобострастно наклонился. Вышел Боголепов, позади на почтительном расстоянии чиновники с бумагами. Карпович впился в него глазами. Высокого роста, словно гвардеец, Боголепов твердо сделал первые шаги по натертому до блеска паркету. Красив, лет пятидесяти. Мундир отливал золотом, блестели пуговицы, сияла большая звезда, сверкал шитый серебром воротник мундира. Густые волосы тронуты сединой, пышные усы, тщательно расчесанная борода. Карпович видел его впервые. Но кого же он напоминает?.. Конечно, копирует Николая. То же солдафонство, те же манеры.

Министр подошел к дамам. Наклонив красивую голову, стал слушать. До Карповича доносились обрывки разговора. Дама просила о пособии. История грустная: умер муж, прослужив в министерстве двадцать лет, она с детьми осталась без средств. Дама говорила тихо, все перекрывал густой бас министра:

— Весьма сожалею, мадам. Подайте прошение. Лично не уполномочен...— став вполоборота, протянул руку в зеленом расшитом обшлаге. Принял бумагу, не развертывая подал ее чиновнику через плечо, наклонил голову — аудиенция закончена.

Карпович вздрогнул от негодования. Какое равнодушие, какое пренебрежение! Министр перешел к группе чиновников. Кто просил нового назначения, кто повышения оклада, кто награды. Карпович поежился: как все мелко, ничтожно!

Гул в приемной нарастал. Тишина, наступившая при выходе министра, рухнула. С какою-то неотвратимостью министр приближался к Карповичу. Вот он почти рядом, около чиновника с пестрыми ленточками на мундире. К министру приблизился чиновник, что-то тихо сказал. Дрогнули губы на красивом лице. Видно, напомнил о рекомендательном письме. Чи-

новник говорил громко, возбужденно. Карпович слышал его отчетливо.

— Ваше высокопревосходительство, учтите мою безупречную службу, преданность, твердые убеждения. Простите сына! Молодость, глупость! Разрешите ему закончить образование...

— Прискорбно, что при ваших твердых принципах не сумели воспитать сына, не внушили ему уважение к престолу, к порядку! — Лицо министра побагровело. Голос стал резким, отрывистым. — Да-с, не время уговаривать студентов! Либерализм дает самые печальные результаты.

Чиновник стоял обескураженный. Министр повернулся к нему спиной. Карпович не сочувствовал чиновнику, но слова министра его возмутили: «Жандарм, а не деятель народного просвещения! Нет, решение правильное, единственное...»

Теперь Карповича от министра отделял лишь один человек — Рудин, городской голова из Чернигова, рослый детина с бритым лицом.

— Нижайше прошу, ваше высокопревосходительство, пересмотреть смету на народные училища. — Рудин наклонил голову и бычью шею. — Учительству не платили жалованье более трех месяцев. Деньги...

— А если и в министерстве нет денег? — Министр вновь повысил голос.

Карповича все больше раздражал этот голос, властный, резкий. Отрывистая манера разговора, нетерпимость в суждениях говорили о привычке повелевать. Как ненавидел его Карпович в эту минуту, и он решился: суд справедливости будет свершен, студенчество избавится от мракобеса.

Карпович смотрел на широкую спину министра. Сейчас, сейчас... В приемной стоял оглушительный гул. Карпович почувствовал, как пересохло во рту, как запульсировала кровь в висках. Волнения он почти не испытывал. Прощальным взглядом посмотрел на солнечный столб, заливавший приемную. Все... Опустил руку в карман, крепко сжал револьвер, взвел курок. Осторожно вынул руку. Задержал дыхание, поднял мушку, нажал на спуск... Выстрела Карпович не расслышал. Министр качнулся, удивленно повернул голову, стал медленно оседать. Карпович, не отводя глаз от Боголепова, машинально сунул револьвер за ремень брюк.

Министр лежал на паркете. Испуганно склонились чинов-

ники. Наступила жуткая, звенящая тишина. Первым пришел в себя дежурный чиновник.

— Склифосовского! Склифосовского! — прокричал он.

Министра подняли, осторожно перенесли в кабинет. Закрылись двери с медными начищенными кольцами. Таращили глаза курьеры. В приемной появились жандармы.

— Господа, не двигаться!

Карпович равнодушно оглядывался по сторонам. Возбужденные, перекошенные от страха лица. Он не сожалел, не раскаивался. Будущее не страшило его, ибо будущего у него не было. Одним злодеем в России стало меньше — студенчество спасено!

Жандармский полковник бесцеремонно обшаривал глазами посетителей. Вот он остановился около Карповича. Тот спокойно выдержал его взгляд. Полковник сделал шаг в сторону, и в этот момент револьвер упал на паркет. Полковник обернулся. Взгляды их скрестились. Полковник задохнулся от гнева, поспешно бросился к Карповичу.

— Взять! Скорее!

— Чего спешить? Я сделал свое дело! — Карпович отшвырнул револьвер, скрестил на груди руки.

Несколько жандармов навалились на Карповича. Обрушились тяжелые удары. Его схватили за горло, повалили на пол...

АРЕСТ

Дверца захлопнулась. Конкордию усадили на заднее сиденье. Рядом капитан, напротив два усатых унтера. Решетчатое окно глухо зашторено.

— Куда меня везут?

Офицер молчал. Конкордия покраснела. Как это она? Знала, что с жандармами разговаривать не полагается. Карета мягко покачивалась. Сквозь окно пробивался сумрачный свет. Арестовали ее на студенческой сходке у Фокиной, помощницы надзирательницы больницы Николая-чудотворца, считавшейся вне подозрений. Сходка шла бурно. Покатилов, стараясь перекричать шум, читал листовку «Один за всех». Он восхищался Карповичем, удивлялся его решимости и самообладанию. Карпович стал кумиром.

— Письмо, последнее письмо Карповича! — Студент оттолкнул Покатилова, достал крошечный клочок бумаги.

Воцарилась тишина. Студента окружили, придвинули лампы.

— «Верю глубоко в социализм, в русское революционное движение! Почему я вам не сказал — никому ничего? На решение мое вы не повлияли бы, слишком оно было для меня ясно, срослось со мной. Прощайте, не поминайте лихом! Завет всем вам: боритесь за свободу! Обо мне забудьте...» — Голос студента задрожал, он снял фуражку.

Горечь и боль переполняли сердце Конкордии. Еще один ушел... Молчание, наступившее после прочтения письма, взорвалось. Все заволновались. Решение о демонстрации у Казанского собора приняли сразу. Начали обсуждать листовку, и тут ворвалась полиция...

Опустив глаза, чтобы не видеть жандармов, Конкордия старалась все взвесить. Дома сделают обыск, на полке найдут нелегальные издания. Наверняка конфискуют книги Степняка-Кравчинского. Достать их удалось совсем недавно, и было жаль, словно живого человека. Она начала раздумывать о Кравчинском. Богатырь с простодушными глазами, он тоже поднял руку, чтобы приостановить реакцию: среди бела дня заколот кинжалом Мезенцева, шефа жандармов. Кинжалу предшествовала трагедия. Казнили Ковальского с товарищами по Одесскому университету, оказавших при аресте вооруженное сопротивление. Их судили военным судом, а по их свежим могилам прошли войска с музыкой. Конкордия всегда с ужасом вспоминала об этом. Представился Кравчинский в широкополой шляпе, в золотых очках с простыми стеклами для конспирации. Он знал, что у него больше шансов погибнуть, чем остаться в живых, и все же решился. Воспользовавшись замешательством, Кравчинский скрылся на Вάρваре — рысаке, быстроходном друге народовольцев. Он покинул родину и поведал миру о муках борцов за свободу. Книгами Кравчинского увлекалась вся прогрессивная Россия. Зачитывалась ими и Конкордия, зная, что за хранение нелегальной литературы полагается тюрьма. Жаль, пропадет книга!

Мысли Конкордии потекли спокойнее. Все лучшие люди прошли через допросы, тюрьмы, изгнания — такова российская действительность!

Карета остановилась. Офицер приподнял занавеску. Кон-

кордия припала к окошку. Строгое четырехэтажное здание, длинные ряды сводчатых окон. «Дом предварительного заключения,— узнала его Конкордия.— Тот самый «двуличный дом», как называл его Кравчинский».

Бесшумно распахнулась калитка в воротах, словно ловушка, неприметная для непосвященного глаза. Конкордия прошла за офицером. Часовой повернул огромный ключ в замке. Открылась боковая железная дверь. Офицер сделал знак Конкордии войти и передал ее дежурному в необычном мундире: на воротнике блестели золотые ключи. Дежурный с неудовольствием (был ранний час) вскрыл пакет. Угрюмо взял книгу, занес в нее имя, фамилию, возраст. Окинул девушку безразличным взглядом, нажал кнопку звонка. Конкордия услышала тяжелые шаги, оглянулась. Рослая мужеподобная надзирательница поманила ее. Предчувствуя что-то недоброе, Конкордия шагнула за ширму, расположенную рядом с изразцовой печью. На стуле лежала тюремная одежда, холщовая рубашка, косынка, коты, ядовитого цвета чулки. Пахло сыростью.

— Раздевайтесь! — простуженным, хриплым голосом приказала надзирательница.

Конкордия с отвращением глядела на нее. Прыщеватое лицо, на подбородке бородавка, глаза мутные. Конкордия сняла пальто. Надзирательница быстро вывернула карманы и бросила пальто на ширму. Выхватила муфту, которую Конкордия машинально прижимала к груди. Девушка зябко поежилась: на ней легкая блузка из сарпинки. Она даже не очень хорошо понимает, что от нее требуется.

— Раздевайтесь совсем! — торопит надзирательница.

Одежду она осматривает бегло. Видно, займется ею позднее. Зато тщательно перебирает каштановые пряди волос: вынула шпильки из прически, распустила косу. Проводит грубыми руками по плечам, заглядывает в уши, заставляет открыть рот. Какое унижение — этот так называемый личный обиск!

— Родинка в горошину на правом плече. На руке оспенная прививка, небольшой шрам за левым ухом! — выкрикивает надзирательница «особые приметы».

Конкордия до крови закусывает губы, боится расплакаться от обиды и унижения. На смуглых щеках все ярче разгорается лихорадочный румянец.

— Одевайтесь! — бросает надзирательница и, схватив платье девушки в охапку, выходит из-за ширмы.

Конкордия быстро натягивает арестантский халат, чувствуя нестерпимый холод: у нее дрожат руки и стучат зубы.

— Увести номер тридцать девятый! — кричит дежурный.

С обеих сторон — надзиратели. Железная лестница, по которой ее ведут, кажется бесконечной. Двери, двери, двери. Узкие переходы, стены, выкрашенные черной краской, коридоры, освещенные тусклым светом газовых рожков. Тюрьма в несколько этажей. Слева — лестницы, напоминавшие железные балкончики. Конкордия насчитала их три, один над другим. Ее привели на второй балкон. Служитель остановился, сунул ключ в замок. Грохот двери всколыхнул тишину. Камера, выкрашенная в черный цвет. Конкордия медленно переступила порог. Служитель чиркнул спичкой у газового рожка.

— Устраивайтесь! — Он повернул крюк у стены, опустил койку. — В углу водопровод. Кружка на столе.

Снова громыхнула дверь. Конкордия осталась одна. Прошла по камере: три шага в ширину, пять в длину. Низкий потолок, черные стены. Койка из железных полос. Металлическая раковина. Конкордия открыла кран, подставила лицо. Холодная вода освежила. Окошко совсем под потолком. Решетка ржавая, частая. Резкий стук отвлек ее. Конкордия оглянулась. В двери волчок за проволочной сеткой. Там — большой настороженный глаз служителя, и так каждые десять минут. Девушка села на койку. Вот она какая, тюрьма!

Ей почудились ритмичные удары. Наклонила голову, прислушалась. Да, стучали по железу. Конкордия ничего не разобрала, и все же стало спокойнее — рядом друзья. Она застучала торопливо, как стучат новички.

Кабинет следователя поразил Конкордию теплом и светом. Голландка приотворена, домовито потрескивали дрова, красные язычки закручивали в тугие катушки белую кору. Следователь Матушкин, жандармский подполковник, указал на стул, обитый желтой кожей, и углубился в чтение бумаг.

Конкордия прикрыла глаза рукой. Солнце, залившее кабинет, слепило глаза. Приятная теплота обволакивала ее. Третий месяц Громова в тюрьме. Холод и полумрак, мертвая тишина и звон ключей — ее единственные спутники.

Она удивленно оглядывалась по сторонам. Слушала рит-

мичное постукивание маятника часов в стеклянном колпаке, рассматривала цветы в горшке.

— Чаю не хотите? — сочным, красивым голосом поинтересовался следователь. Рука его взялась за серебряный колокольчик.

Служитель в знакомом мундире с золотыми ключами на воротнике принес на подносе стакан чая, крепкого, душистого, вазочку с земляничным вареньем, пухлую сдобную булочку, ванильные сухарики. Как резко все это отличалось от железной кружки и чая из алюминиевого ведра!

— Прошу, Конкордия Николаевна! — Матушкин любезно придвинул поднос.

Конкордия смотрела на его румяное полное лицо, на безупречный пробор в густых с проседью волосах, на холеные руки. Ей был глубоко антипатичен этот улыбающийся благополучный человек. Крепко сцепила пальцы, насмешливо взглянула.

— Благодарствую, чай пила в камере.

— Гм... Тогда перейдем к делу. Вы привлекаетесь к дознанию по обвинению в организации противоправительственной демонстрации. Значит, по статье тысяча тридцать пятой Уложения о наказаниях.— Следователь захлопнул папку.— С госпожой Фокиной давно знакомы?

— Я с ней не знакома.

— Удивительно! Вас арестовали в ее квартире.

— Случайно зашла по этому адресу, зная, что там предполагается студенческая сходка.

— А раньше с нею были знакомы?

— Я же ответила, что в знакомстве с Фокиной не состояла.

— Как все тривиально, Конкордия Николаевна.— Следователь выпускал дым аккуратными кольцами.— Согласитесь сами: полиция вас застает в квартире Фокиной. При обыске обнаружены противоправительственные листовки, симпатические чернила, явки. Тем не менее вы утверждаете, что с госпожой Фокиной незнакомы... Нас чрезвычайно интересует госпожа Фокина, круг ее знакомств. Вы могли бы помочь следствию и облегчить собственную участь.

Конкордия гневно выпрямилась. Черные брови сошлись, лицо посуровело.

— Не собираетесь ли вы предложить мне сотрудничество? Кажется, я такого повода не давала.

— Сразу в амбицию! — Следователь добродушно улыбнулся в усы. — Согласитесь, как мало у вас общего с нигилистами. Вы ведь русская дворянка, а это обязывает.

— Дворянкой была и Софья Перовская!

— Позвольте заметить — сравненьице!.. Так зачем вы оказались в квартире Фокиной, незнакомой вам? — Следователь с иронией сделал ударение на последних словах.

— Оставаться равнодушной к тому, как своеобразно используются «Временные правила»? Мне довелось узнать, что у Фокиной собираются студенты и курсистки, решившие помочь студентам-солдатам. Я пошла туда. — Конкордия большими карими глазами в упор смотрела на следователя. — Если бы пришлось вновь решать, я бы вновь пошла.

— Откровенность делает вам честь! — Следователь Матушкин вышел из-за стола и опустился на стул напротив девушки. — Кому в молодости несвойственны ошибки? Ложное понимание долга, чести нередко толкает к заблуждениям. Я был бы неискренен, если бы отрицал заблуждения своей молодости. Время, годы — лучшие врачеватели. Много передумал и вот, как видите, служу царю и отечеству.

— Царю безусловно, а отечеству... — Конкордия насмешливо улыбнулась.

Следователь вспыхнул, нервно хрустнул пальцами, произнес сухо:

— Вернемся к сути дела. Где предполагал Покатилов печатать гектографированные издания?

— Даже не слыхала. Шум стоял невообразимый. Люди все незнакомые. Мы и поговорить-то толком не успели.

— Разговор шел о Карповиче. Не могли бы передать его?

— Я такого разговора не слышала.

— Вы утверждаете, что никого не знали из собравшихся? А Прасковью Куделли? В квартиру Фокиной вы шли вместе. — В глазах Матушкина вспыхнули хитроватые огоньки.

— Я сказала все, что считала нужным. Вы только что сказали о себе, как о человеке передовом... Как же может общество, прогрессивное и либеральное, оставаться равнодушным к преследованиям студентов?! Даже газеты сообщают, что правительство вынуждено заняться вопросами народного образования.

— Правительство и лично государь император, — следова-

тель почтительно произнес эти слова,— интересуются этой проблемой.

— Похвально! Так в чем же мой проступок? Проступок тех, кто собрался у Фокиной?

Следователь нахмурился. Да, девушка умна, отказать ей в этом нельзя. Очевидно, разговор бесполезен. Он прошелся по ковровой дорожке, искоса поглядывая на Конкордию. Владеет собой хорошо — ведь это первый допрос! Ни трусости, ни позы. Он многих повидал на своем веку, в людях привык разбираться безошибочно.

— К сожалению, не один год вам придется провести в тюрьмах, простите за откровенность.— Следователь раскрыл папку, пробежал глазами протокол ареста.— К нашему удивлению, при обыске в вашей комнате под матрацем обнаружен револьвер. Не возбуждать же дела о незаконном хранении оружия! Надеюсь, не следует объяснять всю серьезность положения?

— «Серьезность»! — Конкордия непринужденно рассмеялась.— Револьвер привезла из Иркутска, возвращалась с летних вакалов. Знакомые настояли. В Сибири по лесам бродить не так безопасно, как по Петербургу.

— Но вы же были у матушки. Не приходилось же вам дома обороняться!

— Не так все просто. Приехала в Иркутск из столицы — как не навестить родственников. Да на меня целая очередь была установлена: тетки, дядьки, кузины... Частенько отправлялась на бричке в тайгу — без оружия в такой путь не пускают. Медведи, волки... Стрелять меня охотники научили в детстве.

— Сибирь, тайга — все это звучит правдоподобно! — Следователь не отрывал от Конкордии внимательных, изучающих глаз.— Но вероятнее совсем другое. После убийства министра Боголепова в столице начались аресты. Кто-то из знакомых студентов передал оружие на хранение. Вина ваша в этом случае небольшая, но мы должны знать, кому оно принадлежит.

— Револьвер мой! Я рассказала об обстоятельствах, принудивших меня приобрести его. В Сибири оружие в каждом доме. Никто не видит в этом предосудительного.

Конечно, все это чепуха! Но девушка говорила с такой непринужденностью. Она не отрицала своего несогласия с по-

литикой правительства в отношении студенчества. «Сколько людей — столько и характеров!» Следователь любил пофилософствовать, гордился своим либерализмом и слыл отчаянным добряком.

— Чем объяснить ваш интерес к Кравчинскому? Книги его в России изъяты. Почему-то молодежь всегда тянется к запретному.

— Интересно, блистательно написано! Я поклонница литературного мастерства. К тому же Кравчинский в моде на курсах. В дни студенческих волнений интерес к нему вполне понятен.

«Да, Кравчинского читают все. Даже дома у сына как-то нашел его книги на полке. Сами не очень умны, подчас круты. Этим отталкиваем думающих, честных. Врагов достаточно, нужно уметь держать молодежь в рамках лояльности.— Матушкин задумчиво курил.— Дураков среди чиновников не счесть, только получением орденов озабочены». Матушкина обошли в рождественские дни наградой.

— Дело будет рассматривать особое совещание. Думаю, из тюрьмы вас освободят. Наказанием послужит предварительное заключение. Петербург придется оставить. Остерегайтесь сомнительных знакомств.

Следователь позвонил.

ОДИНОКИЙ АИСТ

Петербург шуршал желтым листом, плакал мелким осенним дождиком. Конкордия в канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника получила заграничный паспорт, уезжала в Париж.

Почти год пробыла она в Иркутске после исключения с Бестужевских курсов. Отдохнув после ареста, попробовала устроиться на службу в Переселенческом управлении, но не тут-то было. Чиновник принял любезно, долго разглагольствовал о роли интеллигенции, но сразу изменил тон, когда узнал о высылке ее из столицы. Засуетился, попросил повременить. Оказывается, нужно было запросить жандармское управление. Тянулись неделя за неделей, и наконец пришел ответ. Чиновник развел руками: пребывание на службе

считается нежелательным. Что же, сидеть и ждать женихов, как мечтала мать? Жить в Иркутске было тяжело: по городу шли обыски, аресты. Мать состарилась за это время; каждый шорох, каждый подъезжающий экипаж пугал ее — жандармы! Поднималась к дочери на антресоли, жарко целовала, умоляла уехать в Париж.

В городе начались волнения семинаристов. Конкордия побывала на сходке в лесочке близ архиереевой дачи. Там узнала подробности. Ректор обзывал семинаристов жуликами, свиньями, ругался даже в алтаре во время службы. Возмущенные семинаристы устроили козлодранье в присутствии инспектора. Семинаристов судили, шестнадцать человек приговорили к денежному штрафу. Конкордия первая отдала все свои деньги в камере мирового судьи.

Дома ждал тяжелый разговор. Плакала мать, ходила с распухшим от слез лицом сестра. Конкордия решила ехать в Петербург — хлопотать о заграничном паспорте.

Теперь всё позади. В сером дорожном платье она сидела у окна. Провожала взглядом леса, уже тронутые золотом, ели, седые от мха, траву, обожженную солнцем. Поезд все дальше уносил ее от Петербурга, и за окном тянулись унылые бескрайние просторы. Убогие деревеньки. Скирды и стога, разбросанные по полям, точно одинокие странники. Кресты деревенских церквушек. Желто-зеленые ковры из облетевших листьев. Озера с камышовыми заводами.

Горькие родные места, они напоминали о поездке на юг. В тот год Бессарабская губерния была охвачена голодом, словно огнем...

Столичные газеты кричали о начавшемся голоде. Неурожай следовали один за другим. В Петербурге возник Пиროговский комитет по оказанию помощи голодающим. Долгими днями Конкордия обивала приемные важных сановников, светские гостиные, вела сбор пожертвований. Принялась штудировать медицинские книги — в Петербург пришли известия о начавшейся на юге эпидемии тифа и холеры. Кто знает, с чем придется столкнуться на месте? Конкордия только поднялась после бронхита, исхудала отчаянно. Подруги уговаривали отказаться от рискованной затеи, тем более что вести поступали неутешительные: одна из курсисток, выехав-

шая ранее, заразилась тифом и умерла. Но Конкордия не могла откладывать поездку — народ страдал!

Закупив на собранные деньги продовольствие, собрав аптечку, Конкордия двинулась в путь. Ее определили в Аккермановский уезд, в котором особенно свирепствовал тиф.

На тряской телеге добралась до села Михайловки, где должна была организовать столовую для голодающих и открыть медицинский пункт. Студент-медик тяжело заболел, все заботы легли на нее.

Село поразило Конкордию своим убожеством. На глинистой земле, выжженной солнцем, разбросаны хаты, завалившиеся, облупленные. Красная пыль висела в раскаленном воздухе. Камышовые крыши словно косматые шапки. Сиротливо стоял аист на длинной ноге. У дороги валялся вздувшийся труп собаки. Над крайней хатенкой высокий шест с белым полотнищем. Слышался плач.

— Покойницу обряжают, царство небесное! — Возница стянул войлочную шапку, перекрестился.

Выбежала девушка в пестрой домотканой юбке. Волосы распущены, лицо печальное. К ней подошла подруга. Они обнялись, громко зарыдали.

— Поди, родственницы! — участливо протянул возница.

Толпа нищих заполнила большую площадку перед хибаркой. Телега свернула с дороги, чтобы пропустить похоронную процессию. Конкордия слезла с телеги. Невысокий мужик с красным лицом и слезящимися глазами пронес старенькие хоругви с ликом Христа. За мужиком, припадая на правую ногу, семенил священник. Он был пьян, блаженно улыбался и дребезжащим голосом выводил молитву. Рука его

сжимала почерневший крест на выношенной рясе. На длинных дорогах возвышался пестро раскрашенный гроб. Виделось полудетское лицо покойного в венчике бумажных цветов. За гробом шла толпа со свечами в руках. Их не зажигали из экономии.

Конкордия с грустью смотрела вслед процессии. Возница натянул шапку.

Под столовую сняли самую просторную хату. Побелили печь, занимавшую добрую половину. На печи под тулупом голые карапузы. У ребятишек блестящие от голода глаза, испуганные лица. Матери доносили их до столовой и оставляли здесь на день. Одежды у детей не было — они спасались под тулупом в ожидании лишнего куска.

Дни проходили в тяжелом труде. Конкордия таскала медные котлы, варила щи с пшеном. Безменом развешивала хлеб — отруби с горохом. Руки ломило от тяжести ведерных кастрюль. Серdito гудел огонь в печи. Девушка смотрела на безмолвных женщин с железными мисками в синеватых руках. Жадно прятали они ломти хлеба в красные платки.

Вечерами она обходила село, помогая больным и престарелым. Нищета. Она и сама еле держалась на ногах. По субботним дням у хибарки, где она остановилась, выстраивалась молчаливая угрюмая очередь. Бабы и мужики садились под окнами и часами ждали приема. На нее смотрели как на исцелительницу. Микстуры принимали с земным поклоном, переливали в синеватые пузырьки, в которых раньше держали святую воду. Запас лекарств истощался с невероятной быстротой. Пришлось собирать травы, варить настои, а порошки делить на микроскопические дозы. Каждый день, раскрывая белую с красным крестом шкатулку, ужасалась. Пуста, почти пуста... Да и могли ли помочь порошки и микстуры при таком голоде и нищете.

Много слез пролила она от жалости и бессилия. После приема больных валилась на полати. Сколько может терпеть русский мужик?! Жизнь заставила подумать о многом. Начала интересоваться крестьянскими наделами, налогами, спорить со старостой. И тогда урядник предложил Конкордии покинуть село во избежание серьезных неприятностей. Она

смотрела в грубое, квадратное лицо урядника и говорила об утеснениях, творимых старостой. Ей хотелось написать статью в «Северный курьер» — столичную газету, привлечь внимание к ужасам деревни. Староста начал ее преследовать. Дал ей кличку «уд»-человека, «улавливающего души», как раньше называли народников. Крестьяне начали сторониться ее, приходили украдкой. А тут кончились деньги, лекарства, пришлось уехать. Провожали ее далеко за село, низко кланялись, девушки подарили вышитый платок.

Конкордия уезжала больная от всего пережитого.

И опять за окном убогие домишки, бескрайняя степь, одинокие аисты. Она уезжает за правдой. Гудит паровоз, стучат колеса, все дальше отодвигаются родимые места.

«ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ ДОВЕРИЯ»

- Битва русских с кабардинцами.
- Или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа.
- Где вы читали эту книгу?
- Там, где любят женихов!
- Хорошо ли там жилось?
- Насчет пищи ничего, а спать было холодно.

Конкордия с облегчением произнесла последнюю фразу пароля, «третьей степени доверия». Пароль, который она получила в Париже, давал ей право войти в жизнь Тверского комитета РСДРП. Гусев, молодой худощавый человек, — с ним она обменивалась паролем, — долго тряс руку.

С шумом распахнулась дверь. Куделли, смеющаяся, счастливая, вбежала в комнату и бросилась на шею:

- Кона, милая! Какое счастье!
- Вот уж кого не ожидала встретить! — обрадовалась Конкордия.

Конкордия стояла, держа подругу за руки. Солнце освещало ее высокую фигуру, энергичное лицо с карими глазами и широкими черными бровями. Полотняное платье с матросским воротником перехвачено синим поясом. Широкополая

шляпа с синей лентой едва держалась на густом узле мягких каштановых волос. Куделли не отрывала от нее восторженных глаз: обладательница пароля третьей степени!

— Из Парижа, Кона, да? Что слышно про съезд? — Радостная, взволнованная, она теребила подругу: — Отвечай же!

— Как отвечать, когда ты слова не даешь вставить! — Конкордия широко улыбнулась, что всегда очень шло ей. Обняв Пашу за плечи, кивнула на диван. — Присядем. Почему ты здесь?

— Долгая история. Тогда, после ареста у Фокиной, тебя в Иркутск, а меня в Псков. Потом побывала в Лондоне, Женеве. Вновь в Петербурге... Арест, и вот я в Твери. По правде говоря, мне повезло. Недалеко от обеих столиц, район рабочий. Морозовская мануфактура. Дел хватает!

Гусев не стал мешать разговору подруг, прикрыл дверь.

— У нас без конца аресты. Уранов словно взбесился: обыски по всему городу. Да что обыски — всю ночь громыхали тюремные кареты, арестовывали правого и виноватого.

— Уранов? — переспросила Конкордия.

— Да, Уранов, начальник Тверского жандармского управления. Наш партийный комитет ему снится. Очень много усердия, да мало результатов.

— Говорят, в городе арестовали более двухсот человек. Даже мой шурин, Иннокентий Иннокентьевич, которого никак не назовешь социалистом, и тот возмущен. Ну, а комитетчики уцелели? — Конкордия провела рукой по волосам.

— Уцелели. Правда, Гусева едва не схватили. Квартира его давно на примете. Вчера вернулся с заседания, раздеться не успел — звонок. Сразу понял, что за птицы. Начал нелегальщину прятать, дверь сорвали с петель. Жандармы с порога кричат: «Господин Гусев, вы арестованы!» Кто-то выстрелил. Гусев схватил лампу со стола, бросил в жандармов и выскочил в окно, а там садами до конспиративной квартиры. Здесь и укрыли. Как мог удрать — диву даемся! — В голосе Куделли Конкордия уловила мягкость.

— Силы приходят к человеку в момент опасности. Много хорошего мне говорили о Гусеве, да и впечатление он производит приятное. Вы его на съезд прочите? Кажется, он мой земляк... Шурин мне рассказал анекдот. Охранка платит по две тысячи наградных за выдачу комитетчиков. Какой-то шут-

ник распустил слух, что комитетчики ходят в черных шляпах и крылатках. Вот всех и хватают. Черная шляпа и крылатка — вне закона!

— А знаешь, Кона! У императорского дворца на бульваре вечером задержали человека. Городовой грубо спросил: «Кто вы?» — Куделли едва сдерживала смех, в глазах озорные огоньки. — Тот, заикаясь, ответил: «Товарищ прокурора». Каков же был его ужас, когда вслед за оплеухой услышал: «Вот товарищей-то мы и забираем!»

— Видно, славно поработал комитет, если вызвал такую ярость... Куда определите меня? — На лице Конкордии сосредоточенное выражение. — Без дела сидеть не могу.

— Дело найдется. Обсудим на комитете вместе с Гусевым. Долго ли была в Париже?

— Почти год. Слушала лекции в «Высшей школе общественных наук» у Ковалевского. Наездами там бывал Владимир Ильич, читал лекции. И знаешь, малодоступное делалось простым и понятным. Он блистательный и образованный марксист. Владимир Ильич подолгу разговаривал с каждым, кто приехал из России. Как-то он говорил товарищу: «Езжайте в Россию. Вы ведь практический работник, в таких у нас особая нужда». Вот, думаю, и мне пора. Уложила вещи — и в Тверь. Остановилась я у сестры, дом ее неподалеку от Кафедрального собора; шурин — смотритель духовного училища. Более удачный вариант трудно подобрать. Товарищи за границей советовали им воспользоваться. Жду тебя вечером... Есть хорошие подарки.

...К вечернему чаю собралась вся семья. Наталья Николаевна, старшая, радовалась приезду матери и сестер. Она рано покинула дом и очень скучала. Попадьи и поповны — их общество претило ей. Вечные разговоры о выгодных приходах, сплетни... Правда, муж ее, Иннокентий Иннокентьевич, был тут белой вороной: образован, добр. В «обществе» ее недолгивали, считали гордячкой. Муж мягко уговаривал проявлять терпимость. Она смирилась ради него, но тосковала по настоящей жизни.

Наталья не видела Конкордию пять лет. Нашла ее совсем взрослой и похорошевшей. Но прошлое Конкордии тревожило: арест, исключение с Бестужевских курсов, непонятная поездка в Париж. Опасалась и ее открытых демократических взглядов, знакомств.

Конкордия приехала к ней из Парижа. В таком городе, как Тверь, это расценивалось почти как сенсация. Наталья хотела пригласить знакомых. Об этом ей уже намекали. Сам архиепископ Филарет выразил интерес к госте. Поговорила с Конкордией, но та только рассмеялась. Удивлялась Наталья и изящным вещицам, которых сестра навезла великое множество. Странно, Конкордия никогда раньше не обращала внимания на них... Наталья рассматривала репродукции, такие красочные, яркие. Альбом с видами Парижа положила на ломберный столик, сразу же при входе в гостиную. Нет, положительно Конкордию трудно понять. А эти частые отлучки из дому, которые так тревожат матушку? У Конкордии есть другая жизнь, которая пугает и страшит семью. Наталья поговорила с матерью, помолилась в Калязинском монастыре и решила ввести в дом отца Павла. Молодому скромному священнику симпатизировал Иннокентий Иннокентьевич. Загадывать рано, но есть же «господин случай»! Сегодня на чай, а вернее, на рассказы о Париже приглашен и он.

В гостиной мать, сестры, Иннокентий Иннокентьевич с отцом Павлом.

Наталья окинула стол озабоченным взглядом. Кажется, все в порядке: серебро, китайский сервиз. Во главе стола усадила мать. Незаметно для других похвалила ее туалет: черное атласное платье с тюлевой вставкой и воланом. Мимоходом поправила белую розу в волосах Калерии; младшая совсем недавно стала появляться на вечерах и мило конфузилась. Зато Конкордия удивила ее несказанно: вышла в домашнем полотняном платье. Так манкировать приличиями в провинциальном городке! Она переглянулась с матерью и усадила сестру рядом с отцом Павлом.

Молоденькая горничная на вытянутых руках внесла серебряный самовар. Запахло угольком, острые красные искорки упали на поднос.

Конкордия радостно улыбнулась:

— Самовар! К кофе я так и не привыкла. В Париже все вспоминала самовар. Налей, пожалуйста, покрепче. Проголодалась отчаянно.

Отец Павел предупредительно придвинул корзиночку с бисквитами, наложил в блюдечко варенья.

— Как вам понравился наш городок? Не правда ли, после Парижа маловат?

— Позволю не согласиться. Я — патриот Твери, поклонник ее славной истории.— Иннокентий Иннокентьевич запра-вил салфетку за воротник сюртука. В домашнем кругу он позволял себе вольности.— Тверь дала Руси славные имена. Архимандрит Сергей присутствовал при венчании на царство Федора Алексеевича, а игумен Феодорит — при четвертом бракосочетании царя Ивана Васильевича.

Конкордия с аппетитом уничтожала бутерброды, запивая их крепким чаем. Удивленно подняла брови.

— В свое время по селам Тверской губернии ходил в народ Сергей Кравчинский. Он поселился у отставного артиллерийского офицера Ярцева как батрак и ратовал за установление республики.

— Какой Сергей Кравчинский?— обеспокоенно поинтересовался Иннокентий Иннокентьевич.

— Да тот самый, что заколол кинжалом Мезенцева в Петербурге. Это был ответ на казнь Ковальского. При налете на квартиру Ковальского жандармы дали залп из винтовок, ранили его, а потом связали веревками, топтали ногами. Смертный приговор Ковальскому читали более получаса у раскрытой могилы. В безоружного стреляли пятнадцать солдат. Яму забросали землей, а потом по могиле прошли с музыкой церемониальным маршем войска.— Щеки Конкордии горели, но говорила она сухо, сдержанно.

Калерия всплеснула руками. Любовь Петровна, мать Конкордии, нервно теребила шелковый платок. По ее крупному красивому лицу бежали слезы. Участливо и тревожно смотрела на Конкордию, страшась за ее судьбу. Наступило неловкое молчание. Наталья, вся в красных пятнах, стала предлагать чай.

Отец Павел провел рукой по бородке.

— Ужасный случай вы рассказали. Насилие и братоубийство объяснить трудно. На пасху мне пришлось служить на Морозовской мануфактуре. Так знаете — скандал! Рабочие возбуждены. Старики попросту заявили, что не могут от души произнести «Христос воскрес», пока распинают их братьев... Гибнут невинные даже в пасхальные дни, когда все глаголют о воскресении Христа. Так-с... Не подумайте плохого: я против смутьянов и бунтовщиков, но крайние меры не всегда себя оправдывают.

— Давайте о чем-нибудь другом! — Иннокентий Инно-

кентьевич под красноречивым взглядом жены пытался переменить тему разговора.

— Конечно, конечно! А как наши соотечественницы ведут себя в Париже?— оживилась Наталья.

— Большинство — бесподобно. Одеваются по парижской моде: красные шляпки, оранжевые платья и голубые зонтики. Парижане называют это яичницей красок.

Наталья преувеличенно громко рассмеялась.

— Я поселилась в пансионе, где было два пианино. Там жили студентки консерватории. Представьте мою радость, когда предупредительная хозяйка привезла третье! — Конкордия мягко взглянула на мать. Она понимала, что та расстроенна, и ей хотелось, чтобы вечер закончился спокойно.— Я сбегала, как последняя трусиха.

— Но ты же так любила музыку! — удивилась Калерия.

— Ее оказалось слишком много! У злобы черная радость, говорил Виктор Гюго. Такую же радость испытала я, когда закрыла за собой дверь пансиона.

Наталья заметила, как восхищенно поглядывал на Конкордию отец Павел. «Удивительная девушка», — думал он. К тому же разговор на социальные темы, модный в обществе, придавал известную остроту и оригинальность вечеру.

— Как трудно в житейском океане найти свое место! Только религия может помочь человеку.— Отец Павел придвинулся к Конкордии.

— «Давно называют свет бурным океаном, но счастлив, кто плывет с компасом!» — Конкордия задумчиво помешивала ложечкой в стакане.— Частенько вспоминается мне Карамзин. Только компас у каждого свой. Он зависит от чести и совести.

— Полно, Кона... Покажи лучше виды Парижа.— Наталья подала сестре альбом в сафьяновой коже с медными застежками.— Я так тебе благодарна.

Альбом пошел по рукам. Конкордия рассказывала, радуясь оживлению сестер. Глаза ее часто останавливались на матери. Она вынула из карманчика часы — скоро восемь! В прихожей звякнул колокольчик. Наталья взглянула на горничную.

— Нет, это ко мне. Извините, возьму альбом показать подруге.

...Комната, которую сестра приготовила к ее приезду, была небольшой, уютной. Стены оклеены белыми обоями, на окнах прозрачные тюлевые занавески. Низкая кровать в белой пене кружев. Мебель мягкая, удобная. Овальный столик, инкрустированный перламутром. На нем букет гвоздик: Наталья знала, какие цветы сестра любит больше всего.

Куделли с удовольствием огляделась.

— Настоящая светелка! — Она взяла со столика зеркальце в медной окантовке.

— Парижское... Вот еще альбом... Коробка от Пакэна, самого модного магазина в Париже. В ней я привезла матушке тальму с гарусом.

Куделли удивленно взглянула на нее. Помолчала. Повертела коробку с яркой наклейкой.

— Однако не думала, что ты там туалетами занималась.

— Приходилось...

Тихонько постучавшись, в дверь вошла Калерия. Конкордия мягко попросила сестру:

— Принеси, пожалуйста, таз с теплой водой.

— Таз? — не поняла Калерия.

— Да, эмалированный. И чтобы вода непременно была теплой.

Когда сестра вернулась, Конкордия закрыла на задвижку дверь. Куделли осторожно наливала в таз воду из голубого кувшина. Калерия не отводила глаз от сестры.

— В Париже в холодные дни постели согревают глиняными кувшинами с горячей водой. Осень там промозглая, кампы не спасают. Зато весной Париж прекрасен: бульвары в зеленом пуху, пестрые тюльпаны, каскады фонтанов. — Конкордия говорила неторопливо, ловко сняла ножницами медный ободок с зеркала. Она отделила стекло, а картон, на котором оно было закреплено, опустила в таз.

— Кона, что ты делаешь? — На круглом лице Калерии испуг. — Ты же испортишь!

Куделли ласково обняла девушку за плечи.

— Сейчас мы с тобой всё увидим, — проговорила она и, вдруг догадавшись, придвинула к Конкордии коробку от Пакэна, бесцеремонно сорвала медные застёжки с парижского альбома.

Разрозненные печатные листы с видами Парижа Конкордия погрузила в теплую воду.

— Ну, девочка моя, ты нам помогла, а теперь поди последние, чтобы никто из домашних не поднялся сюда ненароком.— Конкордия подтолкнула оторопевшую сестру к двери.— Заговори их, задержи в случае чего.

Куделли, закатав рукава белой блузки, безжалостно взрезала паспарту острым ножом, счищала верхний слой с нарядной картинкой.

— Видишь, ничего особенного,— довольно улыбалась Конкордия.— В Тверь прибыл «мелкий транспорт». Провозить через границу литературу с каждым днем труднее. Чемоданы с двойным дном, шляпные коробки — все проваливалось. Таможенники по стуку стали обнаруживать «Искру».— Конкордия подлила теплой воды в таз.— Действие рождает противодействие. Этот клеевой состав изобрели совсем недавно. Им пропитывают листы отпечатанной бумаги совершенно без ущерба для текста. Склеивается много листов — и объем получается небольшой, и для таможенников он практически неуловим. Вот получай прекрасные картины Бёклина и не менее прекрасные номера «Искры».

Конкордия осторожно отдирала один от другого тонкие листы газеты, темные от шрифта, бережно раскладывала их на кружевном покрывале.

Куделли расцеловала подругу.

— Нужно составить опись, распределить литературу по районам, особенно в Заволжский. А то там крутятся дамы-благотворительницы из «Общества доброхотной копейки». Сами копейки в базарный день не стоят, а вреда от них... КружкИ нужны. Возьмешься?

— Конечно! — Конкордия ловко прихлопнула мокрый листок на стенное зеркало.

КОМПАС У КАЖДОГО СВОЙ

Река отливала перламутром. По отлогому берегу били волны, шурша обкатанной галькой. Редкими самоцветами сверкали речные камешки. Конкордия набрала их в ладонь, но, едва обсохнув, камни тускнели. Разочарованно бросала в волны: «Вот и иные люди становятся бесцветными и неинтересными, как узнаешь их поближе».

Шел третий месяц ее пребывания в Твери. Конкордию ввели в партийный комитет. Время тревожное, 1903 год. Город кишел филерами полковника Уранова. А тут еще меньшевики понаехали, стараются восстановить комитет против решений Второго съезда. Кричат о расколе, пугают дисциплиной. Сколько боев пришлось выдержать!

От раздумий Конкордию отвлек гудок. Кончилась смена на фабрике Берга. Она отряхнула песок с платья, легко поднялась по круче, любовным взглядом окинула реку. За эти месяцы она привыкла к небольшому городку, раскинувшемуся на берегах Волги. Часто смотрела со Скорбящей площади, самого высокого места в городе, на златоглавые церкви, старинные соборы, дома с колоннами. Но больше всего любила Волгу. В голубые сумерки приходила сюда радоваться широкому речному раздолью, белым парусам, огням волжских пароходов. Она шла по пыльной улице, усаженной липами, обогнула старинную церковь и села в конку. Сытые лошади легко несли желтый вагончик. На остановках кондуктор дергал шнур, раздавался резкий звонок.

Конкордия пристроилась у открытого окна. Путь предстоял через весь город. Пестрой лентой убегала дорога с деревянными домами в зелени садов. У театральных круглых тумб толпились чиновники и конторщики, мелькали соломенные канотье и нарядные капоры. Блеснул купол императорского дворца, в котором останавливалась Екатерина, чем гордились тверичи. Невысокое здание городского театра. Духовное училище за зеленым забором. Потянулись однообразные красные корпуса Морозовской мануфактуры с высокими кирпичными заборами.

Конкордия остановилась у проходных ворот, массивностью и аляповатостью напоминавших тюремные. Красный кирпич с цветными изразцами, висячие груши фонарей, огромный двуглавый орел. Белела славянская вязь: «Тверская мануфактура».

У проходной будки — молодцеватый сторож в синей суконной поддевке с начищенной бляхой. Конкордия смешалась с толпой женщин. Сегодня день полочки: жены пришли встретить мужей, боясь «казенки». Рабочие выходили усталые, с небольшими узелками. Позвякивали котелки, бутылки: баков с кипятком в цехе не ставили, вот и приходилось таскать воду с собой. Высоченного роста жандарм с соломенными усами

вырывал кого-нибудь из толпы, о чем-то расспрашивал резким голосом.

Конкордия дожидалась Петра, рабочего из прядильного цеха. Петр сразу заметил комитетчицу, издали ей улыбнулся. Лицо его покрыто редкими веснушками. Голубые глаза в густых ресницах смотрят доверчиво. Он ласково обнял сестренку, девчущку лет тринадцати с тоненькой русой косичкой, вынул деньги, завязал в платок.

— Беги к маманьке, я тут задержусь. Деньги передай, а то лавочник и впрямь заявит в полицию.— Он легонько подтолкнул ее.— Топай. Смотри, деньги не потеряй, так и держи в кулаке.

Конкордия в простеньком ситцевом платье в голубой горошек, отделанном пышными оборками. Светлый платочек повязан по-фабричному. Петр должен был проводить ее в Желтиковскую рощу, показать обгорелый пенёк, у которого собирались кружковцы. До рощи решили добираться проходными дворами и огородами. Дорогу Петр знал: не раз хаживал.

Позади остались казармы — двухэтажные почерневшие корпуса под железными крышами. Как-то Конкордии довелось побывать в них. Увиденное мучило, как кошмар. По обеим сторонам длинного полутемного коридора — комнаты, в них селилось по несколько семей. У больших круглых печей громоздились нары, на которых спали в три смены. В углу зловонная лохань. Узкие окна под потолком. По статистике недавнего губернского съезда врачей одно окно приходилось на восемь человек. Где уж тут санитария, элементарная гигиена! Да, выносив русский человек...

Миновали последний дом у дороги. Конкордия вслед за Петром нырнула в улочку, узкую, кривую, мостовая ее выложена тонкими бревнами. После недавнего дождя под ногами чавкала грязь. Бревнышки перекатывались, и Конкордия боялась поскользнуться. Город остался позади в туманной дымке. Начались огороды, амбары, крытые соломой.

Зеленой громадой придвинулся лес. Конкордия пробиралась по болотистой опушке, усеянной красными брусничными листочками. Ноги ее мягко ступали по мшистому ковра. Сквозь сухой камыш посверкивало зеркальце озера, ветерок шевелил бархатные початки. Раскачивались папоротники. Кружилась голова от сладковатого запаха дурман-травы.

Малоприметной тропкой обошли озерцо. Места стали по-

суше. На почерневшей земле торчали обгоревшие пни, окруженные высоким кипреем. Конкордия пробиралась молодым соснячком с хилыми бледно-зелеными иглами. Зеленым островком зашуршали осины. За осинником начался настоящий лес: дубы с тяжелыми литыми листьями, сосны с могучими вершинами. На макушках деревьев громоздились орлиные гнезда, так добротно сделанные, что напоминали настоящие сооружения. Конкордия запрокинула голову — гнезда были пустыми. Петр раздвинул кустарник; открылась поляна с большим обгорелым пнем.

— Вот и пень! Замаялись? Это с непривычки далеко кажется.— Петр замахал рукой. Из-за густого кустарника поднялись рабочие.

Степенно поздоровавшись, начали рассаживаться вокруг пня.

— Волнухин, покарауль-ка на тропке. В случае чего, прокричишь вороной!

Парень, чернявый и угрюмый, зашагал неохотно. Вынул из кармана цветастый кисет, скрутил сигарку, буркнул сердито:

— Смени, долго стоять не буду. Послушать охота!

Петр кивнул головой, сказал приятным баском:

— Знакомьтесь! Товарищ Вера. Прислал Городской комитет, будет кружок вести.

Рабочие с любопытством разглядывали комитетчицу. Преодолевая волнение, Конкордия сказала:

— Начнем изучать законы развития капиталистического общества.

— Вопросик можно?

— Конечно.

— Прибавочную стоимость будем?

— Обязательно, а что?

— Плохо дело! — вздохнул старик в ситцевой косоворотке, пряча лукавую усмешку.

Слушатели дружно рассмеялись:

— Ну и дедка!..

Конкордия вопросительно посмотрела на Петра.

— Да вы их не слушайте! — Петр смеялся вместе со всеми.— Пропагандисты-то менялись. Каждый начинал с капитализма, а как до прибавочной стоимости доберется, так и исчезнет. Вот они и боятся, что дальше прибавочной стоимости и вы не двинетесь.

Конкордия улыбнулась, села у пня.

— Нет, занятия начнем с покушения ткача Логинова на Кукка.

Вся Тверь знала об этом. На фабрике Берга было совершено покушение на директора, известного своей грубостью и жестокостью. Вечные штрафы и угрозы довели Логинова, человека уже немолодого, до крайности — он в цехе, на глазах у всех, выстрелил в Кукка. Логинов сам явился в полицию и дал показания. Рабочие жалели Логинова, сочувствовали его семье. Молодежь же считала его своим спасителем.

Долгим оказался разговор.

— Конечно, выстрелом тут дело не поправишь! Только Кукк был уж больно ядовит. Штрафами замучил: за опоздание — однодневный заработок, за отлучку с работы — трехдневный, за проживание родственников в казармах — опять однодневный! — Старик в сатиновой рубаше медленно загибал заскорузлые пальцы. — Случается, молодые затеют в обед кулачки, так и тут налетит мастер...

— Да чего тут зря говорить! Мы люди рабочие, и интеллигентам наших бед все равно не понять. Знамо дело — игрушки! — прервал его рабочий.

Конкордия недоуменно посмотрела на него. Высокого роста. Люстриновый пиджак, плисовые брюки. Глубоко посаженные глаза и низко сросшиеся брови придавали лицу угрюмое, озлобленное выражение.

— Ну, Швецов, опять волюнку затянул об интеллигентах! — недовольно бросил Петр.

В глазах Швецова неприязнь. «Зубатовец или просто не понимает», — расстроено думала Конкордия. Внимательно вслушалась. «Нет, зло говорит, да и песня то старая: у рабочих свои интересы, им не по пути с интеллигентами... И до души дошел, которую никто, кроме рабочего, не сможет понять».

Швецов, недобро прищурившись, спросил:

— Вы сами-то откуда? Да и звать как? Вере... не верим!

— Ну, приятель, далеко зашел! — Петр поднялся, сжал кулаки.

— Пускай договаривает!.. Боюсь, что с чужого голоса поете, Швецов! — Щеки Конкордии вспыхнули, взгляд стал твердым. — Меня прислал Тверской комитет Российской социал-демократической рабочей партии. По условиям подполья ношу конспиративное имя. Это верно: я интеллигентка по воспита-

нию, но у меня нет иной жизни, кроме борьбы за рабочее дело.— Голос ее звенел от возмущения.— Жандармский полковник Зубатов решил взять рабочих под контроль. Для этого он вербует среди рабочих сыщиков и фискалов. В Москве возникло общество, куда вошли капиталисты и рабочие без интеллигентов. Долго ли оно просуществовало? До первого столкновения рабочих с капиталистами. И вместо народного дворца, который обещали рабочим, общество очутилось у разбитого корыта!

Над лесом нависли ранние сизые сумерки. Рабочие приехали. Словно звездочки, вспыхивали огоньки папирос.

— Зубатовцы, а за ними и несознательные рабочие кричат: не надо, мол, интеллигентов, не надо политической борьбы, у нас свои особые интересы! — Конкордия повернулась к Швецову.— Я не хочу обидеть вас. Может быть, вы чего-то не понимаете. Но вдумайтесь: интеллигенция идет с рабочими, не требуя за это ни наград, ни почестей. Идет на каторгу, в тюрьмы и даже на эшафот. Сколько сгноил царизм в своих казематах, сколько приняли мученическую смерть! На их место приходят люди великого ума и таланта. Нас хотят заставить отказаться от политической борьбы. Есть проверенный путь — оттолкнуть интеллигенцию, передать рабочее движение в руки провокаторов и охранки.

— Ай да барышня, отрезала! Молодец! За такой в Сибирь идти не страшно! — Старик восхищенно ударил рукой по колену.— Вот она, интеллигенция!..

Возвращались из Желтиковской рощи в темноте. На небо высыпали бело-голубые звезды. Шли гурьбой. Конкордия чувствовала, что этот разговор их сблизил. Лишь Швецов шагал поодаль, переговариваясь с Волнухиным, который был, как показалось Конкордии, целиком под его влиянием.

У развилки дорог расстались.

ГЕНИАЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ЭДИСОНА

Конкордия зачастила в Троицкую церковь, старинную, семглавую. Стояли успеньевы дни. Верующие толпами валили по деревянному мосту через Тьмаку — мутную речушку, на берегу которой возвышалась церковь.

На рябой от дождя реке дрожало и множилось отражение витых куполов. Конкордия задержалась на мосту, осторожно оглядываясь по сторонам. Да, опять этот тип в серых панталонах и круглой соломенной шляпе, надвинутой на глаза. Она заметила его в конке. Попегляла по пыльным улочкам и опять обнаружила на мосту. Шпик... Девушка подождала, пока с ней поравняется тучная купчиха, окруженная домочадцами, и вместе с ними вошла в церковь.

Было прохладно и угрюмо. Продолговатые оконца едва пропускали свет. Железные решетки разрезали солнечные лучи. Конкордия огляделась. Круглые деревянные своды поддерживались массивными столбами, отчего в церкви казалось тесно. Низко опускалось железное кованое паникадило с шандалами в два яруса. Сверкали царские врата, переливаясь цветной слюдой. Над алтарем пестрела роспись, изображающая Благовещение. Пресвятая дева низко склонилась над прялкой, искрились рубиновые нити, голубело покрывало.

Гнусаво пел дьячок с козлиной бородкой, тихо разливался хор на клиросе. Конкордия дождалась окончания обедни, вышла. Укутала голову кружевным шарфом, заторопилась. Видела, как шпик тревожно вглядывался в толпу, нервно мял папироску в руке. Толпа валила густая, уйти удалось незаметно.

На отшибе, неподалеку от Троицкой церкви, стоял домик старинной архитектуры. Резные наличники на окнах украшали его. Крыльцо низкое, покривившееся скрывали кусты дикого персика с серебристым благовонным листом. Домик утопал в яблонево́м саду. Клонились ветви, усыпанные антоновкой. Листьев не видно — одни яблоки. Когда-то дом принадлежал любителю-садоводу. Лучшие сорта яблонь, вишни, груши рассадил он аккуратными квадратами. Тропинку, ведущую к дому, окаймляли пушистые сибирские пихты.

Этот укромный дом разыскала Куделли для особо конспиративных целей. Охранка орудовала так яростно, что типографии проваливались раньше, чем начинала работу. Последней провалилась типография в лесной сторожке близ Дорошихи. Оставшийся шрифт Конкордия собрала по горсточке, зашила в холщовые мешочки. Шрифт переносила небольшими порциями, боясь привлечь внимание охранки. И вдруг этот шпик. Случайность? Или?..

— Наконец-то, Кона! — Куделли встретила ее в полутем-

ной прихожей. Конкордия уловила настороженность в ее глазах.— Опоздала-то как!

— Ровно на обедню! — Конкордия улыбнулась, чтобы успокоить подругу.— Проторчала в церкви. Хорошо придумала? Право, славное соседство.

Конкордия осторожно сняла синий жакет, отвязала мешочки со шрифтом. По сдержанности движений Куделли поняла, что она взволнована.

— Кона, что произошло?

— Шпик! Субъект в серых панталонах со стертым лицом...— Конкордия развела руками.— Благо кончилась обедня, смешалась с толпой.

— Нет, это не случайность! — словно читая ее мысли, отозвалась Куделли.— Поспрашиваю в комитете, а пока прекратить ездить в Дорошиху. Типография, к сожалению, несбыточная мечта...

— Прекратить поездки согласна. Шрифт-то перевезла весь — два пуда по горсточке. А типография...

— Перестань, Кона! Станка нет, наборных касс нет, печатников нет. Полковник Уранов подрезал нас основательно. А тут еще шпики завертелись!

— Я тебе расскажу прелюбопытную историю со слов Бонч-Бруевича, только наберись терпения, о том, как в Москве повторили изобретение Эдисона — мимеограф...

В окно ударили крупные капли дождя, застучали ветви. Куделли разогрела на спиртовке кофе, поставила на стол кусок отварного мяса.

— Ну и погода! В такую только и слушать истории.— Она заметно повеселела, успокоившись за Конкордию.

— Газеты наводнило сообщение о гениальном изобретении Эдисона — мимеографе. Этот аппарат легко и быстро воспроизводил с печатного листа до тысячи оттисков. Конечно, подпольщики заволновались. На Кузнецком мосту в магазине Блока публика глазела на мимеограф: компактный, блестящий, изящной отделки. На Кузнецкий мост зачастил и Бонч-Бруевич. Мимеограф нужен был в подполье, но стоил больших денег. Изготовить мимеограф взялся Радин, связанный с подпольем. Взялся! Легко сказать, когда ничего не известно. Думали, думали и надумали...— Конкордия весело сощурилась.— Однажды в магазине появилось четверо молодых людей в костюмах велосипедистов: узкие бриджи, шапочки с блестящим

козырьком. Бонч-Бруевич накануне обегал всех знакомых, чтобы раздобыть эти костюмы. Радин оделся посolidнее: еще бы, дядюшка четырех недорослей! В магазине продавались велосипеды. Красные, с никелированными горящими спицами, низкими сиденьями; они стояли в углу, удивляя москвичей. Стоили дорого, и охотников было немного. Хозяин магазина Блок, немолодой коммерсант, засуетился около покупателей, желавших приобрести сразу четыре велосипеда. Доказывал их преимущества, особенно подчеркивая, что шины из каучука. У Бонч-Бруевича глаза разгорелись...

Куделли посмеивалась, слушая подругу. Она хорошо знала Бонч-Бруевича, высланного в Тверь под надзор полиции. Высокий, сутуловатый, с добрыми близорукими глазами, он оживал в рассказе Конкордии. Наконец прервала ее:

— Неужто Бонч-Бруевич такой заядлый гонщик?

— Да, отчаянный! Можно представить, что он чувствовал, когда осматривал эти чудо-машины. Торговались долго. Дядюшка сдерживал молодых людей, затевавших невиданное дело — поездку в Петербург во время летних вакаций на велосипедах. Блок уверял, что на Западе поездка на велосипедах дело привычное и молодые люди правы. Наконец сторговались. За велосипедами Радин пообещал зайти через денек. Потом стали рассматривать всевозможные диковины, выставленные в магазине. Дядюшка постучал пальцем по пишущей машинке. Не спеша остановились у мимеографа, посмеялись над блестящей, но бесполезной вещью. Хозяин обиделся. По секрету сказал, что за продажей мимеографов наблюдает полиция: каждый аппарат на учете, и смешного в этом мало. Он протянул схему, которую дядюшка небрежно засунул в карман резинового пальто: посмотрит, мол, на свободе. У него завод, надо множить документы. И тут свершилось то, ради чего была затеяна вся эта комедия. Хозяин оживился, решил показать прибор в действии. Радин развалился в кресле, племянники окружили аппарат. Блок намазал мимеограф краской, наложил вощеную бумагу, начал вращать ручку. Появились оттиски. Племянники незаметно делали свое дело: кто отковырнул краску, убрав в пробирку, кто засунул в карман вощеную бумагу, кто задавал отвлекающие вопросы. Так закончился визит в магазин Блока. Начались мучительные поиски. В московском подполье у Новодевичьего монастыря был повторен мимеограф. — Конкордия помолчала. — И понимаешь,

Паша, меня больше всего поражает настойчивость, с которой связан каждый шаг в подполье.

— Так ты захотела повторить мимеограф? — удивилась Куделли.

— Не совсем. Но у нас есть шрифт, богемское стекло, краски, а главное — желание! Подожди, скоро Уранов опять будет хвататься за голову — в городе заработает типография. Владимир Ильич очень интересовался печатным делом на Западе. Он настаивал, чтобы в Россию перевозили матрицы, тогда типографии были бы избавлены от самой трудной части — набора. Но как это сделать здесь? Ты, Паша, дай-ка мне в помощь Потапыча — печатник он хороший, да и человек проверенный.

Наборных касс не было. Потапыч покачал головой и по привычке подвязал седые волосы тесьмой, чтоб не падали на глаза. Конкордия долго не могла привыкнуть к литерам. Потапыч дивился ее упорству и лишь изредка покрикивал, когда она не сразу узнавала нужную букву. В комнате душно, пахнет краской. В окна вставили щиты, обитые войлоком. Конкордия сутками не выходила из типографии, сказав родным, что гостит у подруги. Дома верили и не верили. Конкордия жалела мать, но дела оставить не могла. У Потапыча неожиданно поднялась температура, и первый набор пришлось делать самой. С пинцетом в руках старалась она извлечь из груды литер одну нужную ей. Мешочки путались, шрифты высыпались, и приходилось вновь и вновь переделывать набор. При первом же неосторожном движении набор рассыпался...

Медленно росла стопка отпечатанных листовок.

«События всколыхнули застоявшееся болото нашего захолустья, заставили говорить о себе и город, и деревню, и фабричную массу. Теперь все убедились, что наши ряды, ряды борцов за человеческое счастье — не фикция. Теперь все убедились, что социал-демократы и у нас в Твери представляют из себя известную силу, силу организованную и революционно настроенную...»

Конкордия перечитала листовку, удовлетворенно вздохнула.

Листовки разложила аккуратными стопками. Скоро одиннадцать. Через час придет Куделли, и они разнесут их по городу. Вот когда пригодятся модные накидки, скрывающие

фигуру. Сильно удивилась бы матушка, увидев, как располнела ее дочь за эти сутки! Листовки нужно доставить в казармы гренадерского полка, на фабрику Берга, Морозовскую мануфактуру. А там уж товарищи расклеят их на кирпичных стенах, на уличных фонарях и до дверей полицейских участков доберутся. Полковнику Уранову придется побеситься. В Твери подпольная типография! Будет охранке работа. Ничего, пусть покрутятся.

Задребезжал звонок. Конкордия прислушалась: два длинных, один короткий. Условный. Но почему не в условный час? Потапыч сдвинул очки на кончик носа, взглянул на часы.

— Пожалуй, «тетушка» пришла за товаром.

У Конкордии дрогнуло сердце: до прихода Куделли час, без крайности она беспокоить не будет. Помедлив, осторожно прикрыла дверь каморки, где печатали листовки, набросила кружевную накидку. Улыбнулась Потапычу, прежде чем запереть его на ключ. Положила ключ в горшок герани, припорошив его землей. Только после этого пошла к двери.

— Хорошо, что застала тебя! — Куделли раскраснелась от быстрой ходьбы, тяжело дышала. — Нужно завтра же уезжать!

— Ты что? У меня завтра занятия, да и вообще я не собираюсь покидать город.

— Так решил комитет. В кружке провокатор. Кажется, Волнухин. О тебе известно в полиции, адрес прослежен. Уранов подписал ордер на арест. Вот деньги. Переждешь день на квартире доктора Ваксмана, с ним договорено. Утречком принесу билет до Екатеринослава...

— В Екатеринослав! — не могла прийти в себя от изумления Конкордия.

— Да... Явка на Пушкинской улице у зубного врача Фриче. Пароль: «Мне нужно вставить фарфоровый зуб... Фарфорового зуба у меня нет. Приходите завтра. Возможно, привезут из Гомеля». Запомнила?

Конкордия кивнула.

— Фриче тебя свяжет с комитетом. Дела там тяжелые — провалы, обыски, да и типографию нужно ставить. — Куделли прижалась к Конкордии, тихо гладила ее по волосам. — Если бы ты знала, как трудно мне с тобой расставаться. Кружковцы привязались к тебе, в комитете меньшевики притихли...

— Нужно разнести все это. Мы с Потапычем славно поработали. Знаешь, набор почти ничем не отличается от настоя-

щего. Жаль бросать дело! Может быть, все уж не так серьезно? — Конкордия с надеждой смотрела на Куделли.

— Нет, все сложно! Уранов разработал систему завербовать провокаторов среди рабочих. Рабочих допрашивал сам, предлагал папиросы, рассказывал о социалистах, «волках в овечьих шкурах». В общем, второй Судейкин. Вот на такую удочку и попался Волнухин. Парень он молодой, в рабочей среде не варился, на деньги жадный. За двадцать пять рублей взялся проследить, кто из социалистов занимается в кружке. Для Уранова находка! А потом Волнухин проговорился Швецову, что скоро получит деньги и махнет в деревню.

— Швецову? — удивилась Конкордия, припомнив неприятный разговор в кружке. — Уж больно он на зубатовца смахивает...

— Ты неправа, Кона! — резко перебила ее Куделли. — Именно Швецов-то нам и передал этот разговор. Спас тебя, а ты с подозрениями.

— Нехорошо, если так, но впечатление он оставляет неприятное.

— Человек он честный!.. — запальчиво возразила Куделли. — Полно, давай о деле поговорим.

— Попроси зайти ко мне Калерию попрощаться, а то волноваться будут. Она и матушку подготовит.

— Как же, Кона! За домом, наверное, слежка. А главное, водить на конспиративную квартиру без надобности... — Куделли развела руками.

— Я могла бы встретиться с нею в городском саду или у Отроч-монастыря.

— Нет, рисковать не стоит. Подумаю, что можно сделать.

В окно ударили крупные капли дождя. Ветер поднимал опавший лист и пригоршнями бросал его на низенький домик.

ПИСЬМА

День хмурился. Низкие облака закрыли солнце. Потемневший липкий снег завалил мостовую Екатеринослава.

Конкордия в модной шубке, отделанной белкой, стояла у строгого двухэтажного особняка и смотрела, как по Екатерининскому проспекту проползала жиденькая патриотическая

манифестация. Началась русско-японская война, и лавочники вышли на улицы с царскими портретами и хоругвями. Манифестантов сопровождал наряд полиции. Впереди вышагивали два купца, известные в городе громилы, с царским портретом в руках. Нести портрет одному человеку оказалось тяжело, а для двоих он был легковат. К тому же купцы были разного роста. Тот, кто шел справа, низенький, круглый, на толстых ножках, напоминал красную головку сыра. Его партнер был худым и длинным. Шли они не в ногу, и потому царь переваливался с боку на бок. Уличные мальчишки, сдвинув на макушку меховые треухи, бежали за процессией. Хрипло, нестройно звучало:

Боже, царя храни!..

Боже, царя храни!..

У механической мастерской братьев Гаркснис процессия остановилась. В воротах показались мастеровые в больших холщовых фартуках. Под настойчивые окрики полиции рабочие неохотно стянули шапки. Вперед вырвался подросток с лицом, перемазанным мазутом, в небрежно наброшенном на худенькие плечи пиджаке. Мальчишка выскочил на мостовую, прямо в огромную лужу, и начал разбрызгивать грязь. Он строил уморительные рожи, выкидывал коленца. Грузный городской, приподнимая полы черной шинели, бросился к подростку. Но тот не испугался, а еще раз прошелся колесом по луже, забрызгал царский портрет и, смешно копируя неуклюжего городского, скрылся в проходном дворе. Городовой, задыхаясь от быстрого бега, погнался за мальчонкой, но на пути стояли рабочие, плечом к плечу. Пробриться нелегко.

Рядом с Конкордией щеголеватый офицер громко возмущался поведением мальчишки и неловкостью городского. Офицер оказался знакомым... В одном купе ехали из Киева, где Конкордия получила транспорт литературы.

В поезде Конкордия обрадовалась попутчику-офицеру. За ней началась слезка. Замелькал человек в коричневом пальто с каракулевым воротником и с неизменной газетой, прикрывавшей лицо. В Киеве стоило немало труда отделаться от преследователя, но у поезда он ее поджидал. Офицер, который выказывал Конкордии явные знаки внимания, видно, сбил его с толку. В Екатеринославе коричневое пальто не появлялось,

но настороженность не покидала девушку. Офицер приехал хоронить тетушку, надеялся на наследство. На вокзале в Екатеринославе Конкордию не встретили, хотя телеграмму она подала заблаговременно. Девушка мучительно соображала, куда ей направиться со своим чемоданом. Извозчиков у вокзала не оказалось. Были заняты полицией в связи с происходившей в городе манифестацией. Пришлось пойти с офицером. Он нес чемодан, проклинал бездельников-извозчиков, сердился на полицию. Время шло, а Конкордия все не могла придумать, как отвязаться от попутчика. Не вести же его на конспиративную квартиру?.. Офицер добивался адреса. Конкордия посмеивалась — что ж, назвать Чечеловку, рабочий район, где она снимала комнату у путевого обходчика...

Офицер вопросительно взглянул на девушку. Розовое лицо, с аккуратной ниточкой усов. «Уж не догадывается ли? Кажется, кокетством и жеманством больше не продержаться». Мысль работала быстро. Лукаво улыбнулась, грассируя, сказала:

— Благодарю вас, блужданиям нашим пришел конец. Я дома.— Она подняла глаза на блестящую медную табличку на парадном.

— «Присяжный поверенный А. Александров!» — удивленно прочитал офицер.— Вот уж не думал.

Конкордия повернула голову. Действительно, она остановилась у дверей известного в городе адвоката. Скромно потупила глаза и, едва удерживаясь от смеха, проронила:

— Да, это мой родственник! — подхватила чемодан, протянула руку в тонкой перчатке.— Принимаем по вторникам и субботам. Милости прошу!

Грациозно наклонила голову, нажала кнопку звонка. Массивная дверь распахнулась. Конкордия подала бородатому швейцару чемодан, оглянулась. Офицер приветливо махнул рукой, затаился папироской и неторопливо двинулся вдоль улицы.

— Мне нужен господин Александров,— сказала Конкордия, втайне надеясь, что адвоката не окажется дома.

— Прошу наверх. Разрешите! — Швейцар помог Конкордии снять пальто и с легким полупоклоном указал на лестницу.

Конкордия машинально оглядела себя в зеркало. Узкое темно-серое платье, шапочка-пирожок, беличья муфта. Про-

вела рукой по лицу, словно собираясь с силами, и стала подниматься по лестнице. Черные ботинки утопали в пушистом ворсе ковра.

Александров, высокий мужчина с энергичным лицом и орлиным взглядом, принял ее приветливо. Она опустилась в кожаное кресло, лихорадочно соображая, как начать разговор.

— Чем могу служить, сударыня? — Его черные глаза изучающе смотрели на девушку.

— Решила посоветоваться с вами. Моего кузена арестовали и отдали в солдаты во время студенческих волнений. Я хотела бы знать, есть ли юридическая возможность освободить его и вернуть в университет?

— Простите, с кем имею честь разговаривать? И кем вы интересуетесь?

— Мне не хотелось бы называть фамилию. — И, желая смягчить отказ, добавила: — У меня есть причины...

— Сударыня, чем же я могу быть вам полезен, если вы не желаете назвать себя? — Он откинулся в кресле и забарабанил пальцами по сукну. — При таких условиях я вряд ли что-либо могу для вас сделать.

— Простите, но я не хотела вас обидеть. — Конкордия была искренне огорчена. — Разрешите мне зайти в другой раз...

Конкордия поднялась, невольно посмотрела в окно. У парадного топтался субъект в коричневом пальто с каракулевым воротником. Она почувствовала, что бледнеет. Адвокат тоже взглянул на улицу. Внимательно посмотрел на посетительницу, вздохнул.

— Вы пришли с вещами?

— Да... Попросите швейцара вызвать извозчика и подтвердить при необходимости, что я ваша дальняя родственница. Мне нужно вернуться на вокзал. Может быть, успею к вечернему поезду...

— Гм, родственница, дальняя родственница... — Пальцы его все быстрее барабанили по столу. — А пока по чашке кофе?

Швейцар вынес чемодан. Александров проводил Конкордию до извозчика, раскланялся. Извозчик гикнул, лошади понеслись.

У вокзала Конкордия увидела студента-технолога, которому должна была передать чемодан. Он беспокойно окидывал

взглядом толпу. Девушка подняла руку, студент поспешил навстречу.

— Как я рад! Кто знал! Оказывается, с сегодняшнего дня курьерский приходит на два часа раньше обычного.— Он бережно снял чемодан.— Да, забыл на радостях, вам письма. Держите...

...В маленький домик на Чечеловку Конкордия добралась к вечеру. Она долго не решалась распечатать конверт, надписанный круглым детским почерком Калерии.

Припомнился последний вечер в Твери. Мать повидать не удалось. За домом следили, и она боялась подвергать родных опасности. Торопливо написала записочку Калерии: просила принести самые необходимые вещи, уложив их в желтый парижский саквояж.

В окно стучал ветер кленовым листом, по черному стеклу текли тяжелые дождевые капли. Гнулись и скрипели деревья в саду. Конкордия прижалась лицом к окну и вслушивалась в вой ветра и шум дождя. Поезд уходил ночью. Она ждала сестру.

Дрогнула калитка. На узенькой дорожке цветника послышались торопливые шаги. Закутанная Калерия перепрыгивала через лужи. Конкордия распахнула дверь, поцеловала сестру. Свет в прихожей не зажигали, и на лице ее выделялись лишь черные дуги бровей да пухлый полудетский рот. Конкордия сжимала худенькие плечи, чувствуя, как все тело содрогается от рыданий. Поправила мокрые пряди волос, выбившиеся из-под шляпки. Калерия смущенно улыбнулась и торопливо стала рассказывать, что из вещей удалось ей собрать. Робко протянула шитый бисером кошелек с деньгами. Оказывается, ее в парадном встретил Иннокентий Иннокентьевич, потребовал сказать, куда она собралась в такое ненастье. Она отказалась отвечать, тогда он выдернул ключ из двери. Калерия, боясь опоздать, сказала правду. Шурин вынул из кармана деньги, отдал их ей. Конкордию это растрогало. Она понимала — ему без неприятностей не обойтись. Сестра просила адрес, по которому можно будет писать. Конкордия грустно улыбнулась: адреса она и сама не знала. Решили писать в Киев на имя знакомого студента Шипова, а тот уж будет эти

письма пересылать по назначению. Конкордия будет писать на винный склад в Тверь, где у Калерии оказался друг.

Провожать себя на вокзал Конкордия не разрешила. Было опасно. Потоки воды яростно обрушились на притихший город. Чавкала грязь под копытами тощей клячи. Дождь хлестал. Сутулился извозчик в брезентовом капюшоне. Раскаты грома перемежались яркими вспышками молний. Конкордия вымокла до нитки, зонт не спасал. Она надеялась, что в такую непогоду мало найдется охотников торчать на вокзале. По перрону торопливо пробегали пассажиры. Падал косой свет из освещенных вагонов, да в лужах дрожали зеленоватые круги станционных фонарей. Она поплотнее повязала голову платком и, разбрызгивая фонтаны воды, прошла к вагону второго класса.

По условленному адресу она написала сразу же. Вести доходили тревожные. Уранов проявил редкостную настойчивость, которой она не находила объяснения. Безмерно огорчена старшая сестра, в «обществе» мусолят ее имя! Но главное — мама...

А Калерия держится молодцом: лишили права выезда, отдали на поруки Иннокентию Иннокентьевичу, фотографируют, как преступницу...

И вот теперь пришли письма.

13 января. Сегодня я, дорогая Кона, получила твое письмо, вечером того же дня отвечаю тебе. Рада всей душой, что ты здорова и благополучно пока живешь (на свободе). Времени прошло с тех пор, как мы расстались, не так уж много, но пережито достаточно. Теперь же успокойся и не думай обо мне: я тоже совсем здорова.

Более или менее неприятные дни я пережила уже, да не всегда же мы должны жить исключительно для себя. Ради родной сестры или брата все можно пережить, даже и для чужого человека должна была бы сделать это, так что все это пустяки.

В данное время я живу в Твери одна. Мама уехала к Соне 11 января. Хотела поехать с нею и я. Да, представь, два раза ходила в это «бесовское учреждение», но все одно и то же говорят: «Поживите», до каких пор — неизвестно. Деньги, которые просила уже не один раз (100 руб.), не отдают, хотя вид

мой возвратили и продолжают приставать, хоть не в такой степени, как раньше.

Недавно вызвали меня в фотографию Орлова и сняли три карточки. Фотограф при этом заявил мне, что «для правительства». И когда я попросила сделать мне еще три, то он ответил, что надо сперва спросить в «бесовском учреждении».

Письма наши все задерживают, об этом узнавал Ин. Ин., так как у него есть деловые из Иркутска, но ему ответили, что их возвратят нам, но еще не скоро. Меня теперь, после отъезда мамы, сдали ему на поруки и обязали его дать подписку, что он ответит строго, если я исчезну из Твери. Письма задерживают, потому что думают найти твой адрес, ибо они тебя совсем потеряли из виду, а о том, где ты, им все-таки, как видно, хочется знать. Я думаю, Кона, вся эта ерунда протянется еще с месяц, а там буду свободна. Все наши, то есть семья Наташи, здоровы. От Сони получаю часто письма, она здорова и, как видно, не скучает. О чем ты просишь передать ей — напиши...

14 января. Уже два месяца, как мы ниоткуда не получаем писем, за исключением твоих последних, которые ты мне послала по последнему адресу. Когда Ин. Ин. спрашивал, почему не доставляют нам писем, то ему сказали, что они лежат в «бесовском учреждении» нераспечатанными, а когда их вскроют, то, пожалуй, найдут в каком-нибудь из них твой адрес, а ведь это самое печальное: тебя найдут. Если ты можешь, то сама, конечно, поразмысли, что тебе предпринять: оставаться в этом городе или уехать куда-нибудь. Я уж, право, не знаю. Когда будут распечатывать письма, наверное, позовут и меня. Но когда это будет — для меня неизвестно. Ты, Кона, пиши мне пока одной по адресу: Винный склад, такому-то, как и писала. На Ин. Ин. не посылай никаких известий... Деньги пересылаем тебе на имя Нины Вас. Зоценко, от нее ты и получишь. Последний мой адрес не опасен, можешь пока писать. Остаемся все здоровы, чего и тебе желаем. Пиши.

Конкордия задумалась. Закоптила лампа, запахло керосином. Фиолетовые язычки лизали стекло, оставляя широкие бархатистые полосы. Вздохнув, она распечатала книгу, пересланную из Твери. Нашла тринадцатую страницу, принесла

чугун с кипящей водой, сняла крышку. В лицо ударила горячая волна. Осторожно подержала страницу над паром. Над печатными буквами выступила тайнопись. По размашистому почерку узнала руку Куделли.

Паша писала, что против Конкордии в Твери возбуждено дело по обвинению в политическом убийстве. Оказывается, в ночь ее отъезда убили Волнухина — кружковца, которого подозревали в провокаторстве... Черную роль в убийстве Волнухина сыграл тот самый Швецов. Она еще заспорила о нем с Куделли накануне отъезда. Она не ошиблась — Швецов поддерживал отношения с охранкой: за деньги сообщал фамилии агитаторов, устанавливал их адреса. Он и Волнухина подбил, соблазнив двадцатью пятью рублями. Когда его приперли, он рассказал кружковцам о Волнухине. Ему не поверили, потребовали доказательств. Швецов завел Волнухина на мельницу, заговорил об Уранове. Волнухин все подтвердил; на злополучные двадцать пять рублей хотел купить в хозяйство лошадь. Кружковцы всё слышали. Волнухина убили, а вот Швецов вернулся. Как яростно он говорил тогда об интеллигенции!

Уранов разослал особые циркуляры с описанием примет Конкордии. Объявлен всероссийский розыск. Даны телеграммы на пограничные пункты о ее незамедлительном аресте и препровождении по месту совершения преступления. Послан запрос в Иркутск и настоятельное требование о ее задержании... Выехал филер в Москву... Калерию допрашивали долго, с пристрастием. Полковник Уранов делает карьеру, — политическое убийство! Интриган! Ему нужен громкий процесс.

Ходики, заскрипев, пробили восемь. Прокричала деревянная кукушка, выпрыгнув из игрушечного домика. Конкордия торопливо натянула поношенное пальто. Неподалеку в Чечеловке собирался кружок, которым она руководила.

ЭТАПОМ В ТВЕРЬ

Буферные тарелки ударили переливчато. Вагон подпрыгнул, быстро застучали колеса. Слабо мерцала свеча в железном фонаре. Скрипели полки под грузными телами жандармов.

Жандармов было четверо. Двое сидели напротив Конкор-

дии, опираясь на шашки. Ночное время поделили между собою: двое храпели; эти бодрствовали, не спуская с арестованной глаз. Унтер, крупный рябоватый мужчина, курил, стоя у окна. На остановках ревниво следил за всеми, кто останавливался около купе.

Конкордию усадили в углу. Арестовали ее на Чечеловке в тот день, когда она получила письма Калерии. Арестовали по доносу провокатора. В домике железнодорожника Ястребова, где собирались кружковцы, снимал комнату Салата. Был он молод, не обременен семьей, не задерган заботами, но всегда угрюм, озлоблен. Она не вступала с ним в разговоры, не разрешала себя провожать. Какое-то подсознательное чувство удерживало ее. В тот вечер хозяин, косая сажень в плечах, встретил ее с обычной приветливостью. На столе шумел самовар, Салата бренчал на балалайке на случай появления неожиданных гостей, хотя в возможность такого случая никто не верил.

Конкордия, скромно одетая, походила на кухарку. Она знала, что ее разыскивают, и каждый раз прибегала к маскараду, когда шла на занятие кружка. Из дома выходила в синем жакете, отделанном белкой, и меховой шапочке. В руках желтый саквояж, а в нем — потертый жакет с тесьмой, черный платок. Неторопливо шла по Пушкинской, заходила на конспиративную квартиру к зубному врачу. Там снимала модный жакет, шапочку. Низко повязывала голову платком, напяливала потертый жакет и исчезала черным ходом. Кухарка, ищущая место... Однажды она столкнулась с филером; тот равнодушно отвернулся, не спуская глаз с парадного. Ждал! Товарищи советовали ей оставить работу в кружках, но она не соглашалась. В тот вечер говорили о русско-японской войне. И вдруг в дверь забарабанили. В комнату ворвалась полиция.

Ротмистр усадил напротив Конкордии жандарма с револьвером и запретил двигаться. Обыск производили тщательно. Главное, что заботило ротмистра, — оружие. Девушку заставили положить руки на стол, заявив, что при первом резком движении будут стрелять. Ее принимали за террористку.

С грустью смотрела Конкордия, как перевернули все вверх дном в уютном домике, срывали со стен вышитые коврики, разворошили кровать, швыряли на пол подушки. По комнате летал пух. На крашенные половицы длинной кочергой выгребали золу, осторожно перекидывали тлевшие угли. Железными

крюками поднимали половицы. Черноглазая хозяйка только всплескивала руками, но муж останавливал ее. Ротмистр снял икону со стены. Икону перевернули, выломали заднюю крышку, а потом, разоренную и растерзанную, бросили на пол. Старик рабочий покрутил головой от такого святотатства. Да и на всех этот поступок произвел отвратительное впечатление: вот она, власть, которая твердит о божественном начале всех начал! Ротмистр спохватился, приказал повесить икону, но повесили ее криво, словно бросили на стену и она прилипла.

Обыск результатов не дал. Конкордия радовалась. Накануне она долго спорила с Ястребовым: листовки за иконами, литература под половицами — все эти уловки известны полиции. А тайничок в сарае, засыпанный опилками и заложенный дровами, — дело надежное. С какой благодарностью посматривала на нее хозяйка, понимая, что при отсутствии улики муж отдается легко.

Да, опыта прибавилось за эти годы. В Петербурге при первом аресте нелегальные издания стояли на виду на полке, а револьвер лежал себе под матрасом...

Ротмистр интересовался только Конкордией. Рабочим он заявил, что верит в их добропорядочность, вот только следствию они должны помочь. Начал расспрашивать, тщательно занося ответы в протокол. Только никто не признался, что видел ее раньше, что здесь происходило занятие кружка. Конкордия отказалась назвать свое имя, сказав, что сюда забрела случайно в поисках работы. Ротмистр, иронически оглядевшись по сторонам, бросил: «Конечно, в таком хозяйстве требуется экономка-мажордомша!» Конкордия спокойно продолжала объяснять: «Нет, зачем же. Хозяйка работает кухаркой у присяжного поверенного Александрова. Думала поговорить, может, поспособствует...» Хозяйка одобрительно кивала головой. Все присутствующие заявили, что собрались на именины хозяйина. Кстати, это совпало с николиным днем. Все, кроме Салаты... Дело не в том, что он ее выдал. Конкордию арестовали бы и без показаний Салаты: жандармы знали, кто она. Но человеческая подлость всегда причиняла ей боль. Предал товарищей, друзей... Салата стоял особняком, словно прокаженный. Все отвернулись от него. Он рассказал все: о тайной сходке, которой руководила эта интеллигентка, о том, как оскорбительно и неуважительно отзывалась здесь о царе-батюшке. Ротмистр будто помолодел: рука его быстро бегала по бумаге.

Он старался найти подтверждение у других, но те угрюмо молчали. Лишь хозяйка ругалась да стыдила доносчика. Ротмистр приказал выпроводить ее на улицу. Оттуда долго доносилась ее брань.

Конкордию отправили в жандармское управление. Там без промедления ее принял полковник. Предъявили фото петербургского ареста, выписку из дела... По торжественности, с которой допрашивали, чувствовалось, что всему придают большое значение. Ее даже сносно кормили, и все время стоял в камере глиняный кувшин с молоком: отпаивать на случай огорчения.

Спать не пришлось. У волчка торчал надзиратель, в камеру каждый час заходил офицер. А потом вели через весь город к вокзалу. Она с трудом вытаскивала ноги из грязи. Сыпал липкий снег с дождем. Конец февраля для Екатеринослава — начало весны. С крыш валил густой пар, била весенняя капель. На улицах толпа. А она шла по мостовой, прижимая к груди узелок. Впереди жандарм на рыжей лошади, которая забрасывала Конкордию грязью. По бокам жандармы с шашками наголо. Трудно поспевать за их шагом, ноги проваливались в рыхлый снег.

Раз-два... Раз-два... Раз-два... Так шли жандармы, привыкшие к муштре. Раз-два... Раз-два... Раз-два... Так шла она.

На повороте к вокзалу Конкордия заметила Александрова. При виде процессии он быстро надел пенсне, лицо сделалось озабоченным. На мгновение глаза их встретились. Конкордия улыбнулась, благодарная ему за ту, первую встречу. Александров держал под руку девушку. «Дочь!» — поняла Конкордия. В глазах девушки светилось восхищение. Она демонстративно поклонилась арестованной.

На вокзале отвели в комнату дежурного жандарма. К вагону проводили с осторожностью. Она прошла сквозь строй черных мундиров, вызывая любопытные взгляды. Проследить за отправкой приехал сам полковник. В его поспешности уловила тревогу. Боялись каких-либо инцидентов, и все же инцидент произошел. Ястребов солидно стоял неподалеку от вагона. Конкордия с трудом заставила себя сохранить серьезность. Шляпа-котелок, щегольское полупальто — все это так мало подходило добродушному гиганту. Она старалась не глядеть на него. Как можно быть таким легкомысленным! Но все же внимание друзей ее тронуло. Забылся позорный путь по горо-

ду, наглый блеск шашек и это страшное: раз-два... раз-два... раз-два...

Ястребову все же удалось бросить ей букет первых фиалок. Кажется, жандармы даже успокоились: они ожидали бомбы, а тут фиалки! Ястребова увели, а измятый букет вернули ей. И вот теперь она прикладывает к разгоряченному лицу цветы. Друзья мои, товарищи!..

Поезд разрезал темноту. В желтом свете фонарей мелькали полустанки. На каждой станции их встречали жандармы. Тверь, окутанная молочным туманом, приняла неприветливо. Грязные сугробы на разъезженной мостовой, черные липы на Дворянской улице.

И опять Конкордия шла под конвоем жандармов. На Дворцовой площади били старинные часы. Двенадцать! Обычно в это время возвращалась из городской библиотеки Калерия. Только бы не встретить сестру, не испугать ее. Каково ей будет увидеть сестру, окруженную жандармами с шашками наголо!

Так и есть! На перекрестке у театральной тумбы стояла

Калерия. Конкордия сразу узнала ее. Вот она отошла от тумбы и расширенными глазами смотрит на приближающуюся процессию. Ветерок дергает ее пелерину, концы полосатого шарфа. Конкордия с тревогой всматривается в лицо сестры. Калерия сделала несколько нетвердых шагов, побледнела. Большие, как у матери, глаза от волнения потемнели. Она поднесла руку к губам, боясь закричать. Конкордия сжалась, словно хотела стать меньше, незаметнее, невольно замедлила шаг. Она боялась окликнуть сестру, боялась не выдержать. «Бедная моя девочка, как много горя выпало на

твою долю! Крепись, крепись!» Один из жандармов прикрикнул:

— Про-хо-ди!

Калерия не вытирала слез. В грязи лежала папка с тетрадями — она даже не заметила, как обронила ее. Она тоже боялась окликнуть сестру. Конкордия поравнялась с тумбой, у которой замерла Калерия. Глаза ее потеплели в улыбке, да слегка дрожали губы. Жандармы маршировали по бокам. Раз-два, раз-два, раз-два... Ноги скользили по грязи. Раз-два, раз-два, раз-два...

Тверская губернская тюрьма была старой, прошлого столетия. Камера, куда поместили Конкордию, мало чем отличалась от екатеринославской одиночки. Сырая, мрачная. Окно, как иллюминатор, под сводчатым потолком за двойной решеткой. Койка привинчена к полу. Соломенный матрац и выношенное засаленное одеяло. Конкордию пытались переодеть в арестантское платье, но она заявила прокурору протест. Теперь она знала порядки!

Тоскливо разглядывала она весеннюю синь за окном. Кажется, надолго — обвинение в политическом убийстве. В городе прошли аресты. Уранов устраивал очные ставки. Приводили рабочих-кружковцев. По их расстроенным лицам, по сочувственным взглядам она понимала: признали. Один такой взгляд перехватил ротмистр. Подскочил к старому рабочему:

— Узнал? Она — Вера, она же Конкордия Громова...

— Нет, такой не видел. У нас была другая барышня. — Старик низко ей поклонился.

Ротмистра взорвало:

— Ты чего, мерзавец, поклоны отвешиваешь?! Говоришь, не та, а сам кланяешься? Хочешь в каталажку за ложные сведения, старый черт?!

— Не кричи, ваше благородие! — спокойно ответил рабочий. — Сказал, не знаю. А поступаю я по обычаю! — И он опять низко поклонился девушке...

Ротмистра сменил следователь Матушкин, ее давний знакомый по Петербургу. В чем-то провинился. Теперь его перевели в Тверь. Матушкин сидел respectable, насупленный. Он отменил очные ставки, увидев их бесполезность. От показаний Конкордия отказывалась. Матушкин пригрозил лишением

прогулок, но почему-то медлил. Видно, понимал ложность обвинения.

— Вы анархистка?

— Почему анархистка? Я сторонница разумного порядка, и притом строжайшего.

— И поэтому наводняете русское государство листовками, надеясь подорвать существующий строй? Ей-богу, вы заблуждаетесь! Зажигательными прокламациями можно лишь папиросы зажигать.

— Я отказываюсь говорить в таком тоне.

При допросе присутствовал Уранов. Он заговорил громко, зло. Конкордия, отвыкшая в одиночке от шума, с трудом слушала его.

— Заставим, непременно заставим! Потом на коленях будете просить, чтобы приняли показания! Только я не приму, да-с, не приму!

— Разговор пустой! Распорядитесь отправить меня в камеру. И предупреждаю, что при первом же посещении тюрьмы прокурором заявлю протест на недопустимое ведение следствия! И на допросы являться не буду.

— Силой приведем! Вы приложили ручку к такому делу, за которое веревочка полагается.— Уранов рассмеялся.— Веревочка!

Матушкин прикрыл глаза ладонью. Он старался вызвать подследственную на разговор, а этот солдафон... Матушкин морщился, как от зубной боли.

— Прикажите отвести меня в камеру! — требовательно повторила Конкордия.— Вы унижаете не меня, а себя.

С того дня Конкордию на допросы больше не водили. Она сидела в камере и целыми днями читала немецкие книги из тюремной библиотеки. Прогулок и права переписки ее лишили.

Конкордия страдала от неизвестности. Правда, надзирательница ей намекала, что за пятерку передаст записку, но Конкордия, боясь провокации, отказалась. И вдруг заговорила стена. Послышались удары — неуверенные, слабые, словно через вату. Бросилась на койку, прижалась к стене. Неужели в соседней камере, так долго пустовавшей, появилась узница? И эта узница... Паша Куделли! Конкордия оживленно начала выстукивать и вдруг опустила руку. А если? Нет, нужно убедиться, непременно убедиться...

Конкордия перешагнула порог своей камеры. Она попросила свидания с Матушкиным и, разумеется, сразу же его получила. Другого пути выбраться из камеры не было. За долгие бессонные ночи она все обдумала, рассчитала каждый шаг. Дежурный надзиратель впереди. Конкордия сделала несколько шагов, наклонилась поправить шнурок на ботинке. Надзиратель повернулся, недовольно поморщился. Конкордия бросилась к дверям соседней камеры. Под рукой скользнула круглая, как пятак, железка. Конкордия прилипла к волчку. За столиком сидела Куделли! Голова склонилась над книгой, крупные белые руки лежали на коленях.

— Паша! — звонко прокричала Конкордия.

Куделли сорвалась с табурета.

— Кона!..

Коридор наполнился криками. Заключенные барабанили в железные двери, слышались громкие голоса. Конкордию схватил надзиратель, она отчаянно сопротивлялась. По коридору громыхали сапоги, свистки, вой сирены.

— В карцер! Немедленно в карцер! — орал надзиратель с перекошенным от ярости лицом.

— Кона, милая! — кричала Куделли. — Что они с тобой делали?.. Кона!.. Кона!

КОРОБКА ОТ ЕЛИСЕЕВА

Над Москвой занимался поздний декабрьский рассвет. Бледным шаром проступало солнце. Клубилась поземка. Ветер озорно подхватывал снежинки. Тускло мерцали газовые фонари, озаряя улицы дрожащим светом.

На Лесную улицу, застроенную невысокими двухэтажными домами, вышла дама в меховой ротонде. У резных ворот конно-трамвайного парка топтался городской, потирая озябшие руки.

Городовой удивленно оглядел даму, поднявшуюся в столь ранний час. «Видно, из благородных. Меховая ротонда, поди, немало стоит: мех золотом отливает. А шапка-то и муфта куньи!» — размышлял городской, устав от безделья на посту.

— Милейший, надо бы извозчика! — потребовала дама.

— Да нет его, сударыня! — Городовой подошел поближе. — Время-то какое смутное. Бастуют-с...

— Эти глупости оставь при себе!

— Слушаюсь!

— Как же я доберусь на Ордынку? У княгини Дондуковой именины. Мне непременно нужно успеть к заутрене. — Дама переменила руку, в которой держала коробку с тортом.

Коробка большая. На блестящем картоне розы, перевязана красной широкой лентой.

Городовой виновато развел руками. Дама, круто повернувшись, пошла направо.

Город просыпался. На улицу выползали дворники в белых фартуках, расталкивали ночных сторожей у бакалейных лавок. Сменился караул у Бутырской пересыльной тюрьмы. За зубчатой красноватой стеной виднелась Пугачевская башня с закругленными оконцами. Дама замедлила шаг, рассматривая массивную стену, полосатую караульную будку, солдата с винтовкой.

Ветер ударил в лицо. Она прикрылась муфтой и, повернув на Долгоруковскую, прибавила шаг. У магазина Курникова заспанный приказчик снимал тяжелые болты на ставнях. Зевал рыжий худой пес. Топтался в больших валенках сторож, похлопывая рукавицами. Снег закружил быстрее. Стало плохо видно дорогу. Дама обрадовалась, услышав звон колокольчика. Из снежной пелены показалась лошадиная морда. Дама, путаясь в неудобной ротонде, перелезла через сугроб. Извозчик отвернул круглый овчинный воротник, остановил лошадь, лениво отстегнул медвежью полость.

— Побыстрее, тороплюсь!

Извозчик привстал, крикнул, и сани понеслись навстречу вьюге. Конкордия с облегчением откинулась на сиденье. На коленях коробка от Елисеева.

Вот уж пятый день, как она приехала в Москву из Одессы. Четырнадцать месяцев отсидела в тверской тюрьме, доказывая свою непричастность к убийству Волнухина. Сколько пережито допросов, очных ставок! И наконец Уранов признал себя побежденным. При последнем свидании глухо сказал, что следствие прекращено, хотя он лично уверен в ее виновности.

— В виновность мою вы никогда не верили, да и оснований нет! — рассмеялась Конкордия.

— А вся ваша жизнь? — желчно заметил Уранов.

— Жизни! — посерьезнев, ответила Конкордия. — Жизнь мы понимаем по-разному!

— Жизни! — отпарировал полковник. — Вечно по тюрьмам, нелегальным квартирам... Под страхом ареста...

Освободили ее условно. Ходатайствовала мать, а Иннокентий Иннокентьевич внес тысячный залог. Калерия, встретив ее в тюремной канцелярии, громко сказала: «Они оценили тебя в одну тысячу, мы — значительно дороже!» На залог пошло приданое сестры... Конкордия ушла в подполье и оказалась на нелегальном положении. И опять поздней ночью уезжала она из Твери. На вокзале торчал шпик — Уранов не оставлял ее в покое. После Твери она поехала в Николаев, затем в Одессу.

Одесса бурлила. Началась октябрьская стачка 1905 года. Бастовал порт, умолкли фабрики. На рейде взвился красный флаг. На улицах толпы народа. В комитете засели меньшевики.

Революция приближалась неотвратимо, словно девятый вал. При первом же известии о восстании Конкордия уехала в Москву. На одной из конспиративных квартир встретила Землячку, знакомую по Екатеринославу. Землячка, маленькая, хрупкая, в строгом черном платье, приняла радостно. Привычным жестом сняла пенсне и, щуя близорукие серые глаза, расспрашивала об Одессе. Больше всего ее интересовала судьба арестованного лейтенанта Шмидта. Землячка показала газету «Известия», напечатанную на шершавой желтоватой бумаге, заполненную призывами к баррикадным боям. Землячка входила в пятерку по руководству восстанием, и задерживать ее Конкордия не посмела. При прощании Землячка сказала: «Конкордия — хорошее у вас имя! Конкорд — значит согласие!»

Она получила явку на Малую Лесную.

Домик на Малой Лесной походил на провинциальную развальношку. Придавленный снежной шапкой, с тусклыми стеклами. В нем всегда горел свет. Сугробы закрывали окна; обитая клеенкой дверь поддавалась с трудом. Но зато здесь было два выхода: один на Малую Лесную, где тропку зажимали разросшиеся кусты бузины, другой сливался с анфиладой проходных дворов, кончавшейся у оптовой лавки восточных фруктов, неподалеку от Бутырки.

Хозяйкой его оказалась Мария Дмитриевна, миловидная молодая женщина. Она часто поправляла непокорные вьющие-

ся волосы. Делала все спокойно, неторопливо. У образа в красном углу светилась лампада. Темные блики расплзались по стенам. Образок плохо уживался с внутренним убранством комнаты, заставленной ящиками и мешками.

Мария Дмитриевна, выслушав пароль, начала сразу же собирать на стол. Конкордия, продрогнув от долгого блуждания по незнакомой Москве, отогревала руки у печи. В комнату частенько заглядывали молодые парни. Они тихо шептались о чем-то, исчезали с тяжелой ношей. Конкордия заметила, что никто из посетителей не знал настоящего имени хозяйки.

В углу храпел какой-то верзила, сладко причмокивая губами. Мария Дмитриевна бесшумно двигалась по комнате, прикрыла верзилу тулупом, достала чугунок из печи. Запахло щами. Только теперь Конкордия почувствовала, как проголодалась за день. Хозяйка усадила ее за стол, придвинула дымящуюся миску. Приложила к груди краюху, начала резать ножом, но хлеб держала неуверенно, резала плохо. Нож выскользнул из ее рук, и верзила проснулся. Кивнув Конкордин, отобрал краюху и подал ей большой ломоть, густо посыпав

солью. Вскоре он ушел, как и все, нагруженный тяжелой ношей. И опять в домик заходили рабочие.

Конкордию уложили на единственную кровать под ситцевым пологом. Утром она увидела: на полу вповалку спали рабочие. Положив красивую голову на руки, хозяйка спала за столом. Очевидно, она не прилегла в эту ночь. После бессонной ночи лицо ее припухло и казалось детским, напоминая чем-то Калерию.

Самовар фырчал, папахивал дымком.

Мария Дмитриевна налила Конкордии чай, положила кусок холодного мяса. Потом, осторожно переступая через спящих, повела ее в маленькую боковушку. На стене, оклеенной журнальными картинками, висела роскошная шуба, муфта, шапочка.

— Вам придется переодеться, маскарад выручает. В коробке из-под торта десять браунингов, нужно отвезти их на Пресню.— Она поглядела на Конкордию и прибавила: — Бойтесь — скажите. Здесь ничего зазорного нет. Найдут оружие — расстреляют на месте. Если спросят, откуда идете, назовите купца Мыльникова. Дом его на Бутырской, а родственников полным-полно! — наставляла Мария Дмитриевна.

Припоминая этот разговор, Конкордия и сейчас, сидя в саночках, улыбалась: столько тепла было в Марии Дмитриевне!..

Сквозь снежную метель разглядела всадников. Девушка вздрогнула, руки крепко прижали к груди коробку. За время работы в подполье у Конкордии выработалось безошибочное умение предугадывать опасность. Напряглась, подалась вперед. Саночки окружили драгуны. Тяжелые лица, будто высечены из камня. Взмывленные лошади.

— Стой! Кто едет? — Офицер щелкнул фонариком, направив луч на Конкордию.

Свет резанул, точно плетью. Конкордия быстро овладела собой. Чуть прищутив глаза, изящно наклонила голову и на отличном французском языке обрадованно воскликнула:

— Серж! Боже мой, какое счастье!

— Сударыня, не имею честь знать! — Офицер удивленно разглядывал девушку.

Конкордия высоко подняла голову. Из-под куньей шапочки

выбивалась каштановая прядь волос, лукаво искрились карие глаза, кокетливо изогнулась бровь, щеки покраснелись на морозе.

— Полноте... Припомните бал у Корсаковых на Мойке. Мазурка была ваша...— щебетала она.

Офицер придержал лошадь. Ему осточертело гоняться по морозу, подозревая в каждом смутьяна и бунтовщика. Даже на барышень стал подозрительно поглядывать. Балов у Корсакова кто не знал, на них съезжался весь Петербург. И он не раз танцевал в голубом бальном зале. Не беда, что девушка перепутала имя, поклонников, видно, предостаточно. Но как хороша! Какая осанка, сразу видна порода...

— Вам нужны документы? — насмешливо переспросила Конкордия, подчеркивая нелепость инцидента. — Маман отговаривала меня от поездки в Москву, считала ее безумием. Но мне не верится, чтобы бунтовщики оказались сильнее правительственных войск. К тому же княгиня Дондукова сегодня именинница, а я ее крестница! — Конкордия поклонилась ошеломленному офицеру, дотронулась до плеча извозчика. — Надеюсь вас там встретить.

КРАСНЫЙ АДМИРАЛ

После декабрьского восстания в Москве Конкордия вновь вернулась в Одессу.

Конкордия в сером пальто сидит на приморском бульваре, не отрывая глаз от бушующего моря. Вдали на черной линии горизонта виднеются миноносцы, расставленные словно на шахматной доске. На рейде застыли корабли.

Временами Конкордия поднимает глаза на Потемкинскую лестницу, разрубленную на маршах широкими площадками. Солнечные лучи затопили гостиницу «Одессу» — красивое здание в стиле ампира. Девять часов. Подъезд пуст. Конкордия раскрывает томик стихов, в который раз читает полюбившиеся строки Рылеева:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;

Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Мысли ее заняты судьбой лейтенанта Шмидта. Каким горем стала его мученическая смерть! Она обхватила руками голову. Задумалась.

Из гостиницы вышел человек, ради которого она пришла на приморский бульвар. Немолодой, в черной крылатке. Он быстро спускался к морю. Конкордия окинула его внимательным взглядом: энергичное лицо, борода с проседью, орлиный нос. Присяжный поверенный Александров, ее неожиданный спаситель в Екатеринославе. Тогда заявила к нему с чемоданом, полным нелегалыщины. Офицер еще нес тот злополучный чемодан с вокзала... А теперь Александров в Одессе проездом. Он был защитником лейтенанта Шмидта в столь шумевшем судебном процессе. Конкордия стремительно поднялась, пошла навстречу.

— Господин Александров! Мне хотелось бы поговорить с вами, вернее, узнать... — Конкордия умолкла, не в силах выговорить имя казненного.

Лицо Александрова печально, в глазах усталость. Адвокат узнал Конкордию.

— А, моя дальняя родственница! — попытался отшутиться он. Спросил озабоченно: — У вас все обошлось?

— У меня? — удивилась Конкордия, не сразу поняв его. — Ах да, в Екатеринославе... Обошлось. Кстати, в этом городе мы виделись с вами дважды.

— Вас же арестовали!

— Арестовали... Угнали этапом в Тверь. Отсидела четырнадцать месяцев, освободили за недоказанностью.

— Четырнадцать месяцев?! — Александров помолчал. — Хорошо, что мы встретились. Мне хотелось поговорить с человеком ваших убеждений, именно теперь — после казни Петра Петровича.

Александров взял Конкордию под руку. И они медленно пошли по аллее, обсаженной круглыми пушистыми платанами.

— Трудно поверить, что Петра Петровича нет в живых. Я недавно вернулась из Москвы. Там арестован Николай Павлович Шмит, фабрикант и социал-демократ.

— Сражались на баррикадах? — поднял жесткие кустики бровей Александров.

— Сражалась... — просто ответила Конкордия. — Так что же будет с Николаем Павловичем?

— Боюсь, он обречен, как и покойный Петр Петрович... Трудно представить, как была попорана юриспруденция. Фемиде завязали глаза, и чаша весов клонилась только в сторону Чухнина. Он командовал судом над Шмидтом!..

— Чухнин? А не царь? — резко перебила его Конкордия. — Все произвол, все насилие...

Александров не дослушал ее, протер пенсне, заговорил быстро, взволнованно:

— Очевидно, вы правы! Вот почему после этих страшных дней суда мне хотелось поговорить с вами, вернее, с человеком вашего образа мыслей. Мучительно трудно! Много лет я считал себя поборником справедливости, а теперь... Мои знания, опыт, если хотите — имя, ничего не значили в обстановке, созданной на процессе. Может быть, другой бы...

— Не терзайте себя! Царю нужна была смерть Шмидта, и тут никакой авторитет не помог бы...

— Да, это мне говорил и Петр Петрович. В эти дни я очень сблизился с ним. Он был спокоен. Казалось, он владел высшей правдой, доступной немногим... Кстати, в Екатеринославе ко мне приходили из Охранного отделения. И я подтвердил, что вы приезжали ко мне за консультацией, — на большее духу не хватило. А потом эта встреча на Пушкинской... Увидеть молодую интеллигентную женщину под конвоем жандармов с шашками наголо! Впрочем, чему удивляться после казни Петра Петровича.

— Расскажите о нем! В дни его ареста выступала на площадях Одессы... Надеялась. Горестно, что народ не мог его вырвать из лап Чухнина. Вот они, политические свободы, дарованные октябрьским манифестом! Можно ли представить больший фарс!

— Меня пригласила защищать Петра Петровича его сестра. Был долгий спор — адмирал Чухнин, командующий Черноморским флотом, бог и царь, отказывал сестре в защите. Содержали Шмидта вместе с шестнадцатилетним сыном в ужасающих условиях. Сын, безусловно, ни в чем не обвинялся, но держали его в плавучей тюрьме, чтобы доставить лишние страдания отцу. Чухнин знал о его любви к сыну. Вид Петра

Петровича был ужасен: лицо в кровавых ссадинах, покрыто копотью, грязная обожженная шинель! У него начался приступ каменной болезни почек, боли нечеловеческие, а помощи никакой. Три дня их держали в трюме — голодными, униженными... Лежали они на полу под ледящим ветром и согревали друг друга своими телами! Это судили дворянина и офицера! Потом их перевели на безлюдный остров в «чумной каземат». Я побывал там — вокруг вдавленные в землю казематы, безмолвные часовые.

— Да, судьба горькая... Шмидт вынес все: безнадежность восстания, предательство, надругательство, комедию суда! — Конкордия говорила с большим трудом.

— Безнадежность восстания, как человек военный, он понял сразу. Совесть не позволила ему оставить матросов. А это судилище в Очакове, грязном, заброшенном городишке... Город безлюден: обывателям строжайше запретили показываться на улицах. Дорогу к офицерскому собранию, где происходил суд, устали шпалерами войск и кавалерии. Сначала приводили матросов, а потом уже Шмидта под усиленной охраной. Во время процесса он сидел на первой скамье, выслушивая проклятья по своему адресу. Знал, что его ждет смерть, держался гордо. Кстати, у сестры остались его зарисовки острова и суда.

— Говорят, он имел возможность бежать, — грустно заметила Конкордия.

— Безусловно, стража относилась к нему очень хорошо. Я не знал человека, который бы имел такое влияние на людей, как Петр Петрович. Бежать он мог один. Тогда бы матросов судили без Шмидта... И все же странно, что он не воспользовался этой возможностью. Понятие о дворянской чести не позволило ему превратиться в беглеца. — Александров взглянул на Конкордию.

— Дворянской? Нет, чисто человеческой! Хорош был бы Шмидт, если бы оставил своих товарищей умирать! В этом высокая мораль.

— Во время суда у защиты не прекращались стычки с прокурором. Бесцеремонность вмешательства Чухнина возмущала всех, либералов превращала в радикалов. «Саван должен быть чист!» — непристойно попирали юридические нормы... А знаете, какое у Шмидта было лицо! Одухотворенное, вернее, озаренное. Умирал с сознанием выполненного долга. Более

того, радовался, что именно ему выпала такая доля.— Александров развел руками.— Да, не я его, а он меня успокаивал— такой прекрасной души был этот человек!.. На суде из обвиняемого он превратился в обвинителя. Последнее слово Шмидта надолго останется в памяти всех, кому довелось его услышать. В словах не чувствовалось ни злобы, ни гнева, была отрешенность и беспристрастность, которые покорили даже врагов. В зале стояла мертвая тишина. Конвой отставил ружья, стыдясь своей роли. Солдаты рыдали, когда Шмидт говорил о страданиях русского народа. Впечатление от речи было такое, что если бы он крикнул: «Арестуйте, убейте врагов!» — конвой бы подчинился его команде. Кстати, Чухнин в своей бессильной ярости предал конвой суду.

— Любопытно. В андреевский праздник из каземата Шмидт передал черноморскому флоту поздравительную депешу... И что ж? Депеша ушла по назначению, а чиновников предал суду.— Конкордия задумчиво водила носком ботинка по желтому песку.— Как он выслушал приговор?

— Спокойно, удивительно спокойно. «К позорному столбу пойду, как на молитву!» — так сказал на суде. В нем поражало господство духа над телом — это не парадокс! Матросам, привлеченным к суду, прокурор требовал смертную казнь. Всю силу своего таланта Шмидт употребил на то, чтобы отбить у смерти этих несчастных. Без преувеличения можно сказать, что такой блестящей защиты судебная практика не знала! Мужеству, убежденности его обязаны матросы своей жизнью. Шмидт вырвал их у смерти! — Александров придвинулся к Конкордии.— Я уверен, он физически не боялся смерти. После суда он прощался очень сердечно с матросами. По спокойной манере трудно было поверить, что он только что выслушал смертный приговор.

— Довелось ли вам после приговора свидеться с ним? — Конкордия отвернула лицо.

— Я провожал его на Березань.

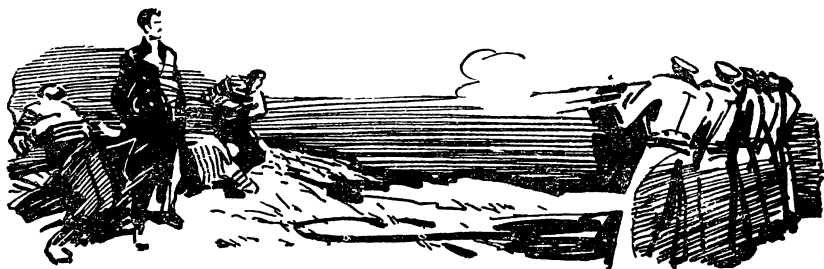
— На Березань?

— Да... Только однажды я увидел его взволнованным. В тот день он прощался с сыном. Утром должны были огласить приговор. И Шмидт не хотел, чтобы сын при этом присутствовал.хлопот стоило немалых, пока сестре разрешили взять мальчика из тюрьмы. Кстати, он очень похож на отца мечтательными голубыми глазами. Я застал их тесно прижавшимися

друг к другу. Петр Петрович гладил мальчика по волосам. Наконец сын прервал молчание. Разговор этот был страшен, я запомнил его на всю жизнь. «Папа, я никак не могу понять, что происходит, не могу представить, что ты, мой дорогой отец, мой добрый и хороший друг, должен умереть. Смотрю я на тебя и никак не понимаю этого. Я еще могу тебя представить мертвым, но я не могу понять этого перехода от жизни к смерти, когда вижу тебя живым. Вот скоро я с тобой буду прощаться и не знаю даже, что сказать тебе: до сих пор при расставании мы всегда говорили друг другу «до свидания». Ну а что же теперь я могу сказать тебе?» — Голос Александра дрожал, он с трудом сдерживал рыдания. — Шмидт судорожно обнял сына и замер. Горько улыбаясь, ответил: «Я все понимаю, Женечка, сыночек мой дорогой! Я понимаю, что мы с тобой сейчас не на земле, а где-то там, высоко, высоко. Велико мое счастье, что ты тверд и не падаешь духом! Ты знаешь, о чем я сейчас думаю: я ужасно боюсь, чтобы ты не опоздал на пароход. Вот и пойми человеческую душу! Жизнь и смерть — какое великое и непонятное сопоставление! Ну, довольно, тебе пора уходить. Прощай, мой милый, мой дорогой мальчик! Ты уже большой, Женечка, и можешь жить один. Ну иди же, беги скорее, не опаздывай и помни, Женя, помни всю жизнь: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право — вот единственное наследство, которое тебе оставляет твой отец».

Конкордия плакала, не вытирая слез. Розоватый шарфик стал красным, она скомкала его и положила в карман. Перед глазами стоял Шмидт...

Было это на городском кладбище в Севастополе. Хоронили погибших в дни октябрьского манифеста 1905 года. Люди поверили в манифест и пошли освобождать политических заключенных из тюрьмы, а казаки их расстреляли. Расстрелом демонстрантов был потрясен весь город. Шмидт в парадном мундире стоял у раскрытых могил, освещенный уходящими лучами солнца. В его больших мечтательных глазах она прочла страдание. «У гроба подобает творить одни молитвы, но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь вместе с вами», — звучал его глуховатый голос. Толпа вторила ему, приносила клятву на верность свободе, равенству, братству. Впечатление от клятвы было незабываемое. «Трибун, подлинный трибун!.. Какая искрен-

ность, какая вера в народное дело!» — восхищалась Конкордия.

Вновь до сознания Конкордии дошел голос Александра. Она подняла глаза.

Лицо у Александра усталое, осунувшееся. Говорил медленно, словно после тяжелой болезни:

— Теперь про Березань... Процесс окончился, я покидал Очаков, с которым меня связывали такие мрачные воспоминания. Стоял на мостике дрянного парохода, упиравшегося носом в дамбу. Дул сильный ветер, и капитан пережедал. Море казалось грозным. Облака ползли низкие, рваные. Лишь однажды выглянуло солнце, лучи его заиграли на солдатских штыках. К узенькой дамбе, соединяющей пристань с городом, медленно приближался отряд. Солдаты сопровождали троих матросов, приговоренных к смерти. Матросы узнали меня, стали прощаться. Они шли на казнь — «под крест», по их выражению. Грязноватая баржа ждала их. Не успел я прийти в себя от боли и сострадания, как их спустили в трюм. И тут же послышался конский топот. Окруженного пешим и конным конвоем вели Петра Петровича. Шел он твердо. За ночь лицо его слегка побледнело, но в глазах сияла доброта. Поравнялся со мною, приветливо приподнял шапку. «Прощайте, спасибо за все!» Ответить ему я не мог. Припомнился разговор с сыном. Только когда его уже провели мимо, я бросил нелепое «До свидания!». Нервы мои не выдержали, голос сорвался, я заплакал. Шмидт понял мое состояние и отвернулся... Волны яростно били по дамбе. К острову Березань отвалила баржа со смертниками... Чухнин свершил «милость» — смертную казнь через повешение заменил расстрелом. Обреченные стояли у открытой могилы. Их было четверо. Неподалеку лежали свежеструганные гробы, которые даже не потрудились

убрать с глаз осужденных. Шмидт шел торжественно. Движения его были медленные. Он понимал, за что умирает. Поцеловал матросов. Матросы во всем подражали Шмидту. Командовал расстрелом сокашник Шмидта по училищу. Прощаясь, он поклонился осужденному до земли. Шмидт снял пиджак. «Прикажи целиться в сердце!» — Александров смахнул слезу, в осипшем голосе рыдания. — Ночью на лодках приплыли рыбаки на Березань. На свежем холмике выложили крест из белого камня. Прощаясь, Шмидт говорил: «Хорошо мне будет умирать на Березани. Надо мною высокое небо, вокруг меня море — моя стихия...»

— Мне пора! — глухо сказала Конкордия, сжимая в руках маленький томик Рылеева.

— Очевидно, вы правы в своей борьбе и ненависти. Я всего лишь... Но если чем-либо могу помочь, к вашим услугам...

Александров поклонился и медленно пошел к морю. Конкордия смотрела ему вслед. Шуршал под ногами гравий на дорожках приморского бульвара, беспокойно дышало море. Виделась бирюзовая ширь и Шмидт, стоящий на краю могилы.

«СЕКРЕТКА»

— Прикажете записать-с? — Сухопарый приказчик с аккуратным пробором поклонился, вручая сверток.

Рука его, худая, пергаментная, раскрыла тщательно пронумерованную книгу.

— Нет, благодарствую, мелочь при мне! — Конкордия бросила кредитку на прилавок.

— Не желаете ли чашечку кофе? — осклабился приказчик. — Свежее мокко, только что получили.

— Пожалуй. И бутерброды — боюсь, не скоро попаду домой! — Конкордия скосила глаза на окно, выходящее на Садовую.

Там топтался шпик — помятый субъект, от которого ей не удавалось отделаться. Конкордия села за круглый столик и не спеша начала помешивать ароматный кофе. Да, братья Триоли — мастера своего дела...

Вот уже несколько месяцев, как она аккуратно приходит в лавку Триоли делать несложные покупки. У нее даже кредит

открыт. Пользуется им крайне осторожно. Установила черту, за которую не переходит, боясь потерять доверие хозяина. Живется трудно — денег нет. Полиция проследила ее переписку с Калерией. Теперь она изредка получает весточки из дому.

Обыски, аресты, политические процессы... Весь этот 1906 год она в разъездах. Правда, последние три месяца в Ростове. В комитете обещали достать «железку» — настоящий паспорт. Да случая подходящего не представляется.

Из Одессы она уехала самочинно. Работать с меньшевиками, захватившими Городской комитет, не могла. В партийных вопросах она резко разошлась с ними. С горечью сравнивала себя с Кассандрой, пророчеству которой никто не верит. Партия готовилась к новому съезду. Фракционные перипетии и междоусобица все больше давали себя чувствовать. Нужен объединительный съезд. Но как должно произойти это объединение? Она обязана высказать свою точку зрения... Конкордия написала открытое письмо в Одесский комитет. Решила денек выждать, спокойно все взвесить и отослать.

А тут новое огорчение — за ней идет слежка, усиленная, постоянная. Заметила ее неделю назад. Конкордия выходила из книжного магазина на Большой Садовой. Остановилась у витрин якобы рассмотреть новинки — проверялась по привычке. И вдруг шпик. В зеркале витрины хорошо разглядела его. Высокий блондин. В светло-серой тужурке, что вошли в моду в этом сезоне. На голове соломенная шляпа с пестрой лентой. С того дня стал ее тенью — на проспектах, улочках, в переулках, проходных дворах. Изредка блондина подменял здоровенный детина с выпуклыми черными глазами. Кажется, ею заинтересовались всерьез.

А работы невпроворот! Баррикады на Темернике разгромили в пятом году. Разгромили и подпольную типографию. Теперь Конкордия вновь поставила типографию. Опять по горсточкам носила шрифт, собирала наборщиков, доставала бумагу. Типографии ставить научилась — в Екатеринославе, в Одессе, а теперь вот в Ростове. Хозяином типографии стал Петр Кириллов, тот самый студент, которого она провожала в солдаты. Пять лет прошло. И вот встретились в ростовском подполье. Обрадовались. Вспомнили молодость: гражданскую панихиду у Казанского собора... Нарвский полицейский участок... Кареты с тюремными решетками...

Домик для типографии подыскиали в глухом переулке, за

высоким забором. Петр поселился с семьей — жена, грудной ребенок. Конкордия привезла в подарок детскую коляску. Петр руками всплеснул от удивления, разглядывая шелковые бубенчики на белом верхе. Конкордия зачастила с ребенком на прогулки по городу. Крестная мать, как считали соседи. Забьет коляску листовками, сверху положит розовый матрац с кружевной простынкой, а на матрац ребенка. Мальчик, славный, чернявый, глазенками поводит. Какие восторженные взгляды вызывал у простосердечных обывателей!

А теперь эти прогулки с коляской прекратились. Да разве они одни! Прекратились встречи с Улитой, хозяйкой конспиративной квартиры на Байковской улице, где собирался боевой комитет. Прекратились встречи в военно-техническом бюро. А дело широко развернулось: родилась мастерская по производству оружия — бомбы, гранаты, взрывчатка. Мастерскую пристроили в квартире техника Усенко в одноэтажном доме в Никольском переулке. Бомбы Конкордия выносила в корзинах с грязным бельем. Из крестной матери превратилась в прачку. Два раза в неделю приходила в Никольский переулок за грязным бельем. Первое время, когда разносила бомбы, очень страшилась. Но ведь нужно. Однажды Конкордия пришла за бомбами. Лил дождь, и она решила переждать в мастерской. Осмотревшись, увидела на подоконниках пироксилиновые шашки, к которым и прикоснуться-то страшно; рядом фитили для бомб. Поежившись, решила перебраться к столу, и там — разрывные бомбы. Между окнами доска с чертежом ручной гранаты. На стуле коробка с динамитом. В углу свернулся, словно змей, бикфордов шнур. Конкордия опустилась на кровать и тут же вскочила, прочитав надпись на картонке: «Просят не садиться!» Боком подошла к столу, стала разглядывать стеклянные палочки для набирания кислот. Как можно жить и работать в таких условиях, рискуя ежеминутно взлететь на воздух со всей мастерской?! Но опасность рождала силы — это она поняла давно.

В домике, который занимал Усенко, четыре комнаты и два выхода. Усенко все хочет расширить дело. Да, здесь работали, не думая о полиции, — живыми не сдадутся. Мужеству этих людей можно только позавидовать. В памяти остался красный дом и мостовая из белых плит, звонко передававшая шаги.

Конкордия покосилась на окно. Опять торчит шпик. Видно,

столичный, местные работают грубее. Значит, придется возвращаться домой, не поймав никого. Шпик поднес к глазам карманные часы, завел их и захлопнул круглую крышку. Двенадцать. Скоро его сменят. Из-за угла вразвалку выплыл ее, всегдашний, в модной светло-серой тужурке и соломенной шляпе с пестрой лентой. Перекинулись несколькими словами, и первый ушел. Всегдашний снял соломенную шляпу, вытер платком лоб. Жарко. Стоит на солнцепеке, иначе из лавки легко проскользнуть. Конкордия маленькими глотками допивала кофе. Приказчик принес модные журналы, и она, сославшись на встречу, которую назначила у магазина, сидела в томительном ожидании. В движениях шпика уловила беспокойство. Конечно, решил зайти в бузную, выпить стаканчик вина... Ушел, воровато оглядываясь. В ее распоряжении десять минут.

Конкордия поднялась, небрежно кивнула приказчику. Прозвенел висячий колокольчик над дверью. Она заспешила по Большой Садовой к книжному магазину Морозовых — там ссть второй выход в переулок, в лабиринт проходных дворов и тупичков... В зеркальной витрине, заставленной книгами, увидела возвращавшегося шпика с раскрасневшимся лицом. Засуетился, не застав ее у столика...

Конкордия торопливо распахнула дверь в магазин. Не глядя на приказчика, склонившегося над кипой газет, прошла в дальнюю комнату за прилавком, скрытую от постороннего глаза книжными полками. Села на пачку книг, уронив руки. Кажется, положение серьезнее, чем она предполагала. Слежка стала неотступной с тех пор, как ее ввели в Донской комитет РСДРП. Вынула письмо, перечитала.

Заявляю членам бывшего Одесского комитета (большинства), что я не считаю возможным оставаться больше в здешней объединенной организации по следующим основаниям: прежде всего я нахожу, что разногласия между большинством и меньшинством по тактическим вопросам еще настолько существенны, что слияние в настоящий момент является вступлением на путь компромиссов и равносильно отказу от той, единственно верной, революционной тактики, которой держалось до сих пор большинство и которая делала его левым, истинно революционным, крылом РСДРП.

Слияние при наличии существенных разногласий может быть только механическим и должно привести на практике к

майоризированию (то есть к простому количественному подавлению при местных условиях организации большинства меньшинством), а идейная борьба за влияние неизбежно при данных условиях окажется бесплодной и может вызвать лишь новые трения, конфликты и новый раскол. Таким образом, слияние, создав почву для новой дезорганизации, нанесет только большой вред положительной работе. Я считаю также, что происходящее здесь слияние является актом, нарушающим в корне всякие представления о партийной дисциплине, которую так энергично отстаивало всегда большинство в своей борьбе с антипартийными и дезорганизаторскими тенденциями меньшинства...

Факты такой принципиальной неустойчивости подорвали у меня всякое доверие к местной руководящей коллегии, и это в связи с указанными раньше причинами побуждает меня выйти из Одесской организации.

Май 1906 г. Пропагандистка Наташа.

Конкордия запечатала письмо. Отошлет сегодня же. Она подошла к окну, приподняла зеленую занавеску. По улице проносились пролетки. Дамы в нарядных шляпах, похожих на птичьи гнезда, высоко держали кружевные зонтики. Прогуливался чиновник. Семенила монахиня в черном глухом платье. Пробежала девочка с обручем. Няня в пышном чепце прокатила коляску, напоминающую ту, в которой Конкордия развозила по городу прокламации. Зорко проглядывала улицу. Нет, никого — улица свободна. На углу Садовой и Пушкинской синел почтовый ящик. План созрел — опустить письмо, а там трамваем в Темерник... Давно пора подыскать надежную квартиру, обзавестись паспортом. Возьмет «мытый».

В подполье — целая наука об изготовлении паспортов. Когда-то она этим интересовалась. Наблюдала, как осторожно смывали танином и щавелевой кислотой чернила, как наносили новую фамилию и приметы, как с помощью тоненькой кисточки покрывали бумагу куриным белком для придания глянца. Конечно, при проверке такой паспорт легко разоблачали, но все же он лучше, чем ее столь скомпрометированный.

Конкордия окинула себя взглядом. Коричневый сак. Светлая юбка. Широкополая шляпа, скрывающая лицо. Вышла на

улицу. Кажется, все благополучно. Проверилась. На улице новых лиц не появилось. Конкордия, опустив вуаль, неторопливо прошла вперед. На перекрестке у синего почтового ящика задержалась. Двуглавый оловянный орел смотрел мертвыми глазами. Открыла ридикюль, достала письмо. И тут же на камнях улицы заколебались тени. Ее схватили, стараясь вырвать письмо.

— Барышня, не поднимайте шума! — хрипел субъект, сдвинув соломенную шляпу.

Около шпика выросли городовые. Испуганно закричала няня, прижимая к груди ребенка. Заплакала девочка с зелеными ленточками, обруч ее покотился мимо почтового ящика. Конкордия попыталась освободиться, расправила плечи, трянула руками. Конечно, письмо не спасти. Но в ридикюле адреса трех конспиративных квартир... Только б не провалить людей! Письмо она держала крепко. Шпик вырывал его. Конкордия громко вскрикнула, стараясь привлечь внимание прохожих. Арест на улице прилично одетой дамы несомненно должен вызвать интерес. Нужно выиграть минуты.

— Господа, что тут происходит? — Чиновник торопливо перебежал улицу.

Конкордия закричала сильнее. Шпик опешил. Лицо его покрылось красными пятнами. Письмо с оторванным уголком запихивал в карман. Он зло попросил чиновника не вмешиваться, но руку Конкордии отпустил. Расстегнув ридикюль и сбросив бумагу, Конкордия запихнула ее в рот. Бумага, сухая, колючая, обдирала горло. Проглотить записку не удавалось. Шпик сильным движением оттолкнул чиновника и вновь уцепился за Конкордию. Горячая волна захлестнула ее, стало трудно дышать. Бумага раздирала горло. И все же она упрямо разжевывала ком, в котором была свобода доброго десятка товарищей.

— Выплюньте! Приказываю!.. — Пальцы железным обручем сдавили горло.

Конкордия задыхалась. Слезы градом катились по лицу. Чиновник испуганно ретировался. Но рядом появились студенты в зеленых тужурках... Или зеленым стало все вокруг? Сдвигались дома, кружились небеса. В глазах расплывались оранжевые круги. Студенты всё поняли, схватили шпика за руки, освободили Конкордию. Она жадно вдохнула воздух, с трудом сохраняя равновесие, и проглотила ком бумаги. Слезы поли-

лись сильнее. Послышались свистки. Городовые набросились на студентов. Началась свалка, топот, крики.

— Вы ответите... Ответите!..— прошипел шпик, крепко держа ее за руки.

Конкордия откровенно улыбалась: вид у шпики комичный. Кричит, топает ногами. Внезапно ею овладело какое-то странное спокойствие, которое она не однажды испытывала в минуты серьезной опасности: ареста не избежать, долг выполнила, а шпик, обескураженный неудачей, жалок и смешон.

— Громова, выходите с вещами! — Надзиратель стоял у железной двери, поверх очков посматривая на Конкордию.— Торопитесь!

Конкордия смирила его презрительным взглядом и не спеша стала укладывать нехитрые пожитки: чайник со ржавым носиком, пачку книг, полотенце. Следствие по делу «Донского комитета РСДРП», по которому ее привлекали, закончилось. Ее ждала ссылка в Вологду. «Значит, погонят этапом»,— думала она, идя за надзирателем по грязным, вонючим коридорам тюрьмы.

Ростовская тюрьма была самой скверной из всех тюрем, в которых пришлось побывать Конкордии.

Надзиратель шел торопливо, и Конкордия с трудом поспевала за ним. Коридор стал узким и тесным. Из-за зарешеченных дверей слышались яростные крики, непристойная ругань.

Надзиратель свернул не к канцелярии, как она ожидала, а направо, где шныряли парашники с лоханями. Неужто к уголовным переводят? Конкордия нахмурилась: уголовные держались враждебно — третьего дня забили насмерть рабочего-дружинника. Ненависть уголовных имела свою историю. В дни баррикад в Темернике ростовский губернатор приказал выпустить из тюрем воров и бандитов. В городе начались погромы, охрану порядка взяли на себя дружинники...

Надзиратели сменились. Теперь Конкордию вел детина саженного роста, со смуглым цыганским лицом. Он знаком приказал ей остановиться, открыл дверь. Камера, переполненная, словно ноев ковчег, дыхла зловонием и оглушительным криком. У стен притулились кошмы с соломенной трухой, свернутые на день. Деревянные коты арестанток, а их оказалось более тридцати, поднимали столб пыли. На середине камеры

деревянный стол, лоснящаяся крышка которого почернела, словно ее опалили огнем.

Арестантки с интересом разглядывали Конкордию. Поклонившись, она подошла к столу, ожидая, когда староста укажет свободное место.

— Политик? — прохрипела женщина с угрюмым лицом, очевидно староста.

— Политическая, — спокойно ответила Конкордия.

— Почему господам не живется на воле? Все в тюрьму прутся! Чудно! Жизнь-то одна, а они ее на книжки тратят. — Староста бесцеремонно перебирала ее вещи. — Водки-то нет? Да, у политиков и искать нечего: одни книги, да и те мыши доест не успели... Ладно, занимай угол. Возьму в соседки.

Конкордия начала молча развязывать пачку с книгами. Счастье, что знакомство прошло спокойно. Она нагнулась, чтобы положить вещи на пол, и задохнулась. От долгого сидения в одиночке пошаливало сердце. Появились отеки на лице, на руках, словно подушки из ваты. Прогулок ее лишили сразу — за отказ от показаний. Конечно, прогулка по маленькому дворику, зажатому тюремными корпусами, радости не приносила, но она помогала сохранить силы. Конкордия упрекнула себя — гимнастика, гимнастика, как тогда в Петербурге, в Доме предварительного заключения...

— Тут за нами «секретка», — прервала ее размышления староста. — Сукачи сидят...

— Много их там?

— Четверо, а пятый палач!

— Палач? Из местных?

— Да, тутошний, барышня. Из тех, кто любит фартовать по Дону с гармоникой. У них и песня такая: «Все пропьем, гармонь оставим!» Как-то решил он фальшивого купона испустить...

— Не понимаю! — перебила Конкордия.

— Ну, заставил чиновника лечь в пыль. Фартовые придумали забаву: вечером за Доном повстречают чиновника. Мостовые-то пыльные. Вот они и положат молодца в пыль, да заставят «плыть» — руками разгребать. Смеху-то... А тот не подчинился. Его задушили. За мокрое дело шутки плохи. Парня схватили да и в тюрьгу. Как истинно фартовый, парень решил не болтать, все на себя взять. А посидел в вонючей камере — каламитно. К тому же проигрался в пух. Кандалы отцовы

и те спустил! — восхищенно говорила женщина и, заметив удивление на лице Конкордии, пояснила: — Заковали его, убийцу, в тюремные кандалы, а они уж больно тяжелые. Отец узнал про его горе, на последние деньги за взятку передал легонькие. Так он, христопродавец, и их спустил... А потом разсзился — выдал всех. Ну, лягавым стал, одним словом. Пришлось перейти в «сучий закуток», а так бы забили...

Конкордия слушала молча. О «секретке», или «сучьем закутке», как его называли уголовные, ходили темные слухи. Помещался он в самом конце коридора, охранялся администрацией с особой тщательностью. По неписаным тюремным правилам каждый уголовный обязан бить смертным боем «сукачей», жителей «секретки». Там же скрывался и палач. По тюрьме ходили слухи, что палачу из «секретки» за каждого поведенного сбрасывали год.

— Там кто-то из ваших сидит. Тоже лягавый! — презрительно выпятила губу женщина.

Конкордия вздрогнула. Страшно, когда среди отщепенцев оказывался политический.

Неистовый грохот сотрясал тюрьму. Арестантки повскакали, словно подхваченные ветром, и, толкаясь, бросились к двери. Упала тяжелая скамья, но никто не поднял ее. Конкордия, сидевшая неподалеку от двери, прижалась к стене, боясь быть задавленной. По коридору шли пятеро, окруженные плотным кольцом надзирателей. Шли, низко наклонив головы, раздавленные градом ругательств и оскорблений. Шли осторожно, словно затравленные звери, ожидая нападения. Лишь один молодой белокурый парень, палач, о котором рассказывала женщина, пытался отругиваться, но голос его тонул в насмешливом хохоте и реве. Он грозил волосатым кулаком и плевался, за что получил оплеуху от надзирателя.

— Иуды! Ироды! Лягавые!... — стонала тюрьма.

Женщины протягивали через решетку руки, пытаясь схватить «сукачей», не обращая внимания на окрики надзирателей. Процессия поравнялась с камерой. Крайним шел высокий красивый человек, лицо которого показалось Конкордии знакомым. Черные волосы в крупных кольцах, плотно сжатый рот, большие глаза. Конкордия удивленно приблизилась, пытаясь разглядеть его. Норкин! Удар — и тухлое яйцо, пущенное лов-

кой рукой, залило его лицо. Тюрьма загрохотала. Норкин заморгал, стараясь закрыться локтем, но женские руки вцепились в его рукав. Норкин начал вырываться. Восторженно заорали заключенные. Шквал ругательств, презрительных свистков... Кошачий концерт. Норкин кричал и отбивался. Теперь через решетчатые двери его держали несколько женщин, старались расцарапать лицо, вырвать клоч волос. Конкордия в упор разглядывала Норкина... Вот он, «давший откровенные показания», он, предавший Петербургский комитет РСДРП. В глазах его отчаяние, близкое к безумию. Лицо заострилось, рот искривился. Дрожащие руки, животный страх были так отвратительны, что Конкордия отвернулась. Норкин плакал, размазывая грязные слезы, а камера покатывалась от смеха... Конкордия отошла к окну. Да, страшная судьба у этого человека!

— Всех перевешаю! — иступленно кричал палач. — Попляшете у меня на веревке!

Голос осекся. Дикий взрыв смеха перекатывался под сводами. Очевидно, кто-то вновь бросил тухлое яйцо.

— Ок-на! Ок-на за-кры-вай! — долетела команда со двора.

По каменному дворику нерешительно застучали коты «сукачей». Шагали они понуро, боясь камней, которые частенько падали в них из окон. Солнце садилось, тени их казались большими, словно виселицы...

В ростовской тюрьме Конкордия пробыла недолго. Из тюрьмы ее погнали этапом в Вологду, к месту ссылки.

РАЗГОВОР У ДУБА

«Арестован в четыре часа ночи до обыска и под усиленным конвоем казаков препровожден в Пресненскую часть. Туда через час явилось неизвестное должностное лицо и велело выйти из камеры и повело меня на лестницу. Там офицер, пристав и другие лица предъявили мне требование, чтобы рабочие моей фабрики сдали оружие, грозя в противном случае, что фабрика будет немедленно уничтожена. Через полчаса послышались частые орудийные выстрелы. То обстреливали фабрику. Меня отвели в нижнюю камеру.

В течение дня раздавалась солдатская ругань по моему

адресу, грозили добраться до меня. Влетал часто полицейский и орал, выговаривая: «Ишь, что шмитовские рабочие наделали!» Все время слышалась частая, сильная пальба. Ночью в воскресенье, напившись, солдат и часовой пели песни и ругались.

Было сильное опасение, что они ворвутся в камеру и избьют всех арестованных, среди которых было несколько сильно избитых.

Из боязни, что солдаты будут стрелять в них, арестованные потушили огни. Часовой все время ругался и выражал намерение «всех революционеров вместе со Шмитом расстрелять и повесить». Опять раздались выстрелы из пушек, пулеметов и ружей, потом слышались стоны и отчаянные крики раненых, потом все притихло.

Это было ночью в воскресенье... Опять и опять выстрелы. Привели новых людей, несколько рабочих, которые рассказывали, как один полк по ошибке стрелял в другой, как расстреливали рабочих и прочее.

Так прошло в напряженном состоянии, в неизвестности и без сна три дня. На четвертый день пришел надзиратель и грубо приказал мне взять свои вещи и повел почти бегом на двор, где я увидел много войска (все семеновцы), стоявшего с барабанами, и казаков.

Меня посадили в солдатскую повозку, крытую парусиной, вместе с тремя солдатами, вооруженными винтовками. Один из них приложил заряженное ружье к моей груди и все объяснял, что это ничего, но если кое-что переставить в нем, то оно выстрелит. Солдаты обращались грубо и издевались.

Ехали по Пресне, совершенно разрушенной. На вопрос, куда везут, последовал ответ: «Ну, не разговаривай, там увидишь!» «Даниловский сахарный завод знаешь? Там допрос будет». Мною овладело предчувствие чего-то ужасного.

Приехали на Даниловский завод, на дворе которого находилось много солдат, драгун, переодетых городских и проч.

Один жандарм, смотря на меня, потирал руки от удовольствия. Мимо меня проходили офицеры; одни из них смотрели на меня с любопытством, другие говорили дерзости.

Хотелось, чтобы скорее расстреляли.

Солдаты ругались и издевались, поощряемые офицерами. «Что, царем хотел в Москве стать? Из своих пулеметов Москву хотел завоевать? Ну, знай, помни — это твое последнее

место, тут прольется твоя кровь. Посмотри, пришел день, хороший, солнечный, проживешь еще час».

«Ты заранее скажи, кому подаришь свое пальто и галоши».

«Нá вот тебе под ноги ковер, ты привык на коврах стоять», — сказал один из них, подбрасывая мне бумагу под ноги.

«Миллионер, дома свои в Москве имеешь, а чего еще захотел, жил бы себе. Что, очень себя жалеешь?»

От нервного состояния захотелось зевать и пить.

«Что, не выспался? Вот поспишь, подожди...»

Когда я попросил пить, подошел офицер, обнажив шашку, подставил к носу и сказал: «А этого хочешь понюхать? Ах ты сукин сын!»

Солдаты расхохотались. «Собаке собачья смерть! А это его енералы», — сказал один из них, показав на двух рабочих, приговоренных к расстрелу.

«Сам был командиром, на десять отрядов поделил свою фабрику. Это мало ему, вот сначала отрезать уши ему, нос, а потом на штыках побросать, пока не издохнет! А как расстреляем его, как собаку в яму бросим».

Все сопровождалось хохотом. Офицеры поощряли солдат. Никаких протестов не принималось.

Подошел полковник Мин и распорядился отвести меня на допрос (перед этим расстреляли на глазах двоих рабочих).

Меня отвели в сторону и совещались. Солдаты выражали по поводу приказа недовольство, хотелось моей крови.

Был поставлен ультиматум — дать показания, грозя в противном случае расстрелять. Отвезли в охранку на допрос. Предложили написать все о себе, откуда доставал оружие для рабочих и через каких лиц. Было категорически заявлено, что если будет заметно по описанию, что факты подтасованы, то показание будет излишне и меня повезут на расстрел. Положение было ужасное. В полицейской части, куда меня привезли, были слышны близкие выстрелы, пули попадали вовнутрь.

Написанное показание о себе их не удовлетворило, и мне было заявлено офицером, что положение мое безвыходное и что меня решили расстрелять.

Солдаты все время настойчиво просили меня расстрелять и были очень недовольны, когда им было отказано в этом.

Меня отвели опять в Охранное отделение и там продержали семь дней под конвоем вооруженных городских, которые не давали мне покоя ни днем, ни ночью, издевались надо

мною, все время говорили о том, какую придумали мне лютую казнь, и проч.

Говорили мне в глаза, что я сошел с ума, что таких людей нужно без разговора вешать, что нужно расстреливать начальство, которое со мной так долго церемонится, и т. д.».

Конкордия плакала, отложив дневник Николая Павловича Шмита. С невероятным трудом дневник этот получили из тюрьмы. Екатерина Павловна, сестра Шмита, сидела рядом на диване. Конкордия тоскливо перелистывала страницы этой летописи декабрьского погрома, учиненного правительством на Пресне. Казнили Шмидта на Березани, а теперь готовится убийство в Москве, в Бутырках. С глубоким сочувствием смотрела на смуглое восточное лицо, такое усталое и измученное, на прекрасные задумчивые глаза Екатерины Павловны. Удивлялась ее мужеству. После ареста брата 17 декабря 1905 года Екатерина Павловна не знала ни дня покоя, борясь за жизнь дорогого ей человека.

Знакомство с Екатериной Павловной произошло в дни декабрьских боев. Конкордия тогда приехала в Москву. Встретилась в Городском комитете партии. Конкордия была наслышана о делах ее брата Николая Павловича: о дружинниках-шмитовцах, вооруженных и обученных им, о льготах, введенных на фабрике, принадлежащей ему...

Припомнился день, когда Конкордия пробралась на Пресню, охваченную огнем и пожаром. Ударили в набат на колокольне Девяти Мучеников, расположенной неподалеку от фабрики Шмита. Послышался грохот пушек, оглушительные разрывы снарядов. По фабрике Шмита, «поставщика его императорского величества», била артиллерия. Конкордия, прижимаясь к домам, делала перебежки. Над желтым домом Плевако, в котором занимали квартиру Шмиты, трепетало белое полотнище с красным крестом. Над полотнищем кружило воронье, вспугнутое стрельбой. Ставни окон плотно закрыты. С первого дня восстания квартира Шмита превращена в лазарет. Весь дом в темноте. Освещены лишь окна квартиры Шмитов, словно светлячки в ночи.

Конкордия продвигалась осторожно: идти тяжело, требовалась известная сноровка. Прокламации и листовки напиханы всюду — в чулках, в двойной подкладке шубы, в полотенце

вокруг талии. Шла задыхаясь, глаза слезились от дыма. Уже не первый раз ходила по улицам, сотрясавшимся от обстрела: разносила оружие, листовки, приказы «пятерки». Все дни — на улицах и баррикадах. Опасность не пугала ее. Притерпелась. Шла, раз это было нужно. Землячка гнала ее из Москвы, но Конкордия не уезжала.

Революция в Москве могла бы стать факелом, который поднял бы Россию. И она надеялась на успех, пока не раздался последний выстрел дружинников Пресни. Сколько смертей, сколько жертв! Посуровела за эти дни. Она перевязывала раненых и укрывала боевиков, доставляла оружие и подвозила продовольствие. Ее роскошная шуба, полученная не так давно от Марии Дмитриевны, не производила былого впечатления. На рукаве выдран клочок — память о баррикаде на Кудринке. Пришлось тащить с дружинниками пружинный матрац, а пружина впиалась в руку... Да, возмужала за эти дни. В глазах появился упрямый блеск, голос стал хриплым. Она не могла бы сказать, когда спала последний раз. Но зато научилась скользить по улицам, минированным фугасами, укрываться в прикрытиях, бить из пистолета.

Все дни баррикадных боев скиталась по случайным пристанищам. В домике на Малой Лесной Конкордию уже не ждали. Ночью туда нагрянула полиция, обнаружила в подполье склад динамита... Скромную, милую Марию Дмитриевну расстреляли у раскрытых половиц без суда и следствия. Так никто и не узнал ее настоящего имени...

Удачно миновав конный патруль, Конкордия добралась до дома Плевако. К своей радости, она застала Екатерину Павловну дома, в крошечной гостиной. Мрачные тисненные обои казались красными от вспышек снарядов. Звенела в буфете посуда от ударов артиллерии. В комнате горела лампа под зеленым абажуром, хотя уже было утро. Очевидно, о ней забыли. Сквозь разбитое стекло проникал воздух, пахнувший гарью и порохом. Екатерина Павловна сидела на кушетке, бессильно опустив худые руки. Заслышав шаги, подняла голову. Конкордию она не узнала. В прекрасных черных глазах Конкордия прочла такое отчаяние, что ужаснулась. Почувствовала недоброе. Быстро сбросила шубу, присела на диван и, полная тревоги, взяла ее за руку.

— А, это вы... — Глаза Екатерины Павловны безжизненно посмотрели на Конкордию. — Взяли Николая. Пришли в

четыре утра и... Увезли под конвоем драгун. Слышала лишь, как лошади били копытами...— Не договорив, заплакала.— Знаю, что видела его в последний раз. Он дал мне поручения, которые нужно выполнить для партии. А то бы не смогла выжить...

Прошло меньше года, и вот они встретились вновь. Конкордия за это время пережила арест в Ростове, ссылку на север, побег из Вологды, а Екатерина Павловна не прекращала борьбы за жизнь брата.

От резной ограды Сокольнического парка шагнул человек. Серое летнее пальто и широкополая шляпа делали его малоприметным в августовских сумерках. К парку подъезжали открытые коляски с нарядными дамами. Слышались звуки плавного вальса. Воздух казался плотным и раскаленным, как всегда после жаркого дня.

— Антон, милый! — Конкордия протянула руки.— Как я рада!

Лицо ее порозовело. Улыбалась, смущенно теребя конец белого шарфа. Антон смотрел на Конкордию черными горячими глазами. Весь он, огромный и сильный, с крепкими большими руками, почему-то напоминал ей провинившегося мальчика.

Музыка звучала все громче. Газовые фонари призрачным светом освещали старые вязы. Зелень листьев, подсвеченная голубоватым огнем, стала изумрудной.

Конкордия чувствовала себя счастливой. Все казалось сном — ссылка в Вологду, скитания, трудности подполья... Радости жизни стали особенно дороги — она познакомилась с Антоном. Бывает так, правда очень редко, когда на пути встречается человек, у которого все с тобою общее — привычки, взгляды, интересы. Все дорого, даже слабости... Она сдружилась с Антоном сразу после побега из ссылки в редакции нелегальной большевистской газеты «Борьба». Встретила и удивилась, словно знала его много лет...

У эстрады, где выступал военный оркестр, ждал связной. Парень должен был указать дорогу в лес — на партийное собрание. Антон бережно вел девушку под руку. Они смешались с толпой, сгрудившейся под вязами. На эстраде капельмейстер в белых перчатках, в мундире, перетянутом в талии, взмахнул

палочкой. Чуть качнулся, плавно развел руками, будто пытаясь обнять вселенную. Сердце Конкордии пело. Искося посмотрела на Антона, уловила смущение на его смуглом лице. Рядом с ними стоял молоденький почтовый чиновник, нежно поддерживавший розовощекую девушку. «Влюблен!» — с каким-то радостным удивлением подумала Конкордия.

Связной, рабочий с завода Бромлея, оказался знакомым. Как было условлено, он стоял по правую сторону эстрады. В руке газета, в петлице пиджака красная гвоздика. Очевидно, он давно приметил Конкордию. Звуки вальса убыстрялись, и толпа придвинула Конкордию к связному.

— Прямо по аллее. Там встретят! — с улыбкой обронил тот.

Конкордия благодарно кивнула ему. Неторопливо шли они по аллее, обсаженной подстриженными липами. Выплыла лужа, огромная, желтая, смеющаяся.

— Какое-то наваждение! Кажется, весь мир улыбается. — Конкордия повернула лицо к своему спутнику, поразились радостному блеску его глаз.

— И вам тоже? — удивился Антон.

В голосе его Конкордия уловила что-то беспомощное, милое. Засмеялась: «Вот она какая, жизнь!» У разросшегося орешника, сливавшегося с лесом, вырос человек. В руках газета, в лацкане пиджака гвоздика.

— Как живется в лунный вечер? — весело прошептала палочка Конкордия.

— Шумим, братцы, шумим! — улыбаясь, ответил связной.

Конкордия поздоровалась.

— Товарищ Наташа, метров двести направо до большой сосны. Да возьмите товарища Антона за руку, а то зреньице у него неважное!

Связной растаял в темноте.

И опять Конкордии почудились особые интонации в его голосе. «Неужто все замечают? — ужаснулась Конкордия. — Хорошо, что темно. Должно быть, я от счастья глупею».

Конкордия держала Антона за руку, а он раздвигал грудью кустарник, оберегал от ветвей. Она не протестовала, хотя раньше никому не разрешила бы ее, сибирячку, провожать по лесу. «Как я могла жить без него?» — удивленно размышляла она.

В лесу прокричал ворон. На широком пне засветилась красноватым огоньком папироса.

— Как живется в лунную ночь? — пророкотал густым басом парень в наброшенном на могучие плечи пиджаке.

— Шумим, братцы, шумим! — озорно ответил Антон, не выпуская ее руки.

Бесшумно ступая по сухим листьям, вышел парень. Чиркнул спичкой, выхватил из темноты лицо Конкордии и ее спутника.

— А, товарищ Наташа. Товарищ Антон... Не хотите ли папиросу?

— Спасибо, товарищ!

Антон затянулся. Конкордия смотрела, как подсвечивалось его лицо при каждой затяжке. Спросила, не узнавая своего голоса:

— Далеко ли?

— Нет, рядышком — на полянке в дубраве.

На полянке сидели тихо. Шел долгий разговор о газете, в которой работал Антон, о нехватке денег... Предстояли довыборы в Московский комитет, прочили и ее.

Конкордия знала об этом и все же, когда ее попросили рассказать про свою жизнь, заволновалась. Больше всего оттого, что на собрании был Антон.

Скрылась луна. Лица присутствующих трудно разглядеть. Лишь чернели их силуэты. Сидели на пнях, под кустарником, на траве, покрытой ночной росой.

— В революционное движение вступила на Бестужевских курсах в Петербурге. Работала в Твери, в Одессе, в Ростове. Была арестована. Занималась пропагандой, вела кружки. Дело свое люблю... — Конкордия говорила торопливо, слегка пожевываясь от ночной сырости.

— Есть предложение кооптировать в Московский комитет.

Конкордия узнала голос Антона.

— Кто за то, чтобы товарища Наташу кооптировать в комитет? Прошу поднять руки и зажечь спички! — Председательствующий первый осветил свою руку.

Из темноты выплыло его лицо. Стриженные усы, красная бородка. словно светлячки, вспыхивали спички. Лица оставались в тени, а руки озарялись дрожащим светом. Конкордия старалась по голосу определить, откуда говорил Антон.

Расходились поодиночке. Конкордия, заслышав грузные

шаги Антона остановилась у лиственницы. Антон не удивился, увидев ее на опушке, благодарно пожал руку. Они вошли в лесную чащу, затканную лунной паутиной. Дальше, дальше... Вспорхнула ночная птица, звонко ударив крыльями. Ноги утопали в пушистом мху. Воздух напоен ароматом трав. Остановились у дуба. Под ногами трещали желуди.

— Кона, мне нужно объясниться с вами! — задыхающимся голосом попросил Антон. Пальцы, желтые от табака, вздрагивали.

— Слушаю вас, Аркадий Александрович! — тихо отозвалась Конкордия. От волнения она назвала Антона настоящим именем.

— Мне трудно говорить, да и не время! — Голос его зазвучал страстно. — Но я сказал бы, если бы жить мне оставался один-единственный час. С первой встречи, с первого взгляда я полюбил вас. Знаю, мало спокойных дней уготовано нам судьбой. Вряд ли вы сможете полюбить такого, в общем-то, ординарного человека. Я вас люблю — в этом оправдание моей смелости. Вы стоите всегда рядом со мной, как мой советчик, мой судья.

Аркадий Александрович замолчал. Лицо его было бледным. На высоком лбу выступили крупные капли пота.

— Если обидел вас, простите! Жалеть меня не следует...

Глаза его полыхнули таким страхом, что Конкордия заволновалась. Торопливо шагнула к нему, обвила шею руками. Залитая лунным светом, она казалась призрачной.

— Милая, чудная! — шептал он, целуя ее. — Боюсь за тебя! Нужно что-то придумать... Нельзя оставаться в Москве после побега. Арестуют — каторга!

«Ребенок, большой ребенок! — подумала она, глядя его по щеке. — Бойтся за меня, а о себе не думает».

В тот день Конкордия поджидала Аркадия Александровича у Красных ворот. На круглой башенке часы пробили семь. Теперь уже скоро. Над центральным проездом — портрет Елизаветы Петровны, по случаю коронации которой были сооружены Красные ворота. Массивные мраморные архангелы с мечом венчали арку. Мраморные колонны с дорогой росписью.

Мысли Конкордии невеселые. Эти встречи урывками извели их обоих. Она-то еще держится, а на Аркадия страшно смотреть: похудел, под глазами мешки, все чаще дает себя знать сердце... Работы множество — в окружке люди наперечет, да и Аркадию трудно: на нем газета. Но главное — Аркадия страшил ее арест, в неизбежности которого он почти не сомневался. Она старалась быть осторожной, тщательно конспирировалась, но разве этим уберешься! Кошмаром давили воспоминания о вологодской ссылке. Вынужденное бездействие, «циркуляр о лицах, состоящих под гласным надзором», которым запрещалось все: служба в государственных и земских учреждениях, педагогическая деятельность, частные уроки... Грошовое пособие от казны выдавалось нерегулярно, и Конкордия голодала...

— Наташа! — Аркадий Александрович, боясь оплошности, даже наедине не называл ее настоящим именем. — Прости, задержался!

Он крепко пожал руку, заглянул в глаза.

— Говорила? — не выдержал Аркадий Александрович.

Разговор шел об отъезде. Нужно было договориться в окружке об отъезде из Москвы, на чем настаивал Аркадий Александрович. Она и сама томилась этой жизнью, но говорить об отъезде теперь, когда организация оголена после арестов, считала невозможным.

— Нет еще, случая не выдалось. — И, заметив, как вытянулось его лицо, добавила: — Сегодня, непременно сегодня!

Аркадий Александрович повеселел, медленно повел ее по Мясницкой улице. Осень шуршала желтым листом, стучала оголенными ветвями деревьев в окна одноэтажных особнячков. Аркадий Александрович поднял разлапистый кленовый лист, протянул Конкордии. Лист пламенел кровавыми прожилками и колол острыми язычками.

— Обедала? — Аркадий Александрович достал промасленный пакет.— Знаю, забегалась. Бери, филипповские...

Конкордия, засмеявшись, откусила пирожок: обедать действительно не удалось.

— Ты хозяйство будешь вести, когда вместе поселимся. Смотри, как славно у тебя получается!

— Я всегда считал, что эмансипация погубит женщину... Как это у классиков: «Меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит». Так что теперь я значу весьма много.

Конкордия улыбалась. Как хорошо вместе! Забылись тревоги. Вот так бы шла и слушала неторопливый бархатистый голос.

— Ты сегодня побывала, где намеревалась?

Конкордия сразу поняла, о чем он спрашивает. Конечно, типография. Флигелек, который она подобрала, находился не-подалеку от Красных ворот. Сегодня она отвела туда наборщика, паренька из типографии «Труд». Вот об этом-то и заговорил Аркадий Александрович.

— Знаешь, все славно получилось. Человек хороший. Правда, спросил меня об условиях. «Да какие условия — будешь ходить раз в неделю в баню, тогда и воздухом подышишь!» Парень почесал за ухом, ответил философски: «Что ж, условия, как везде!»

Аркадий Александрович захохотал:

— Парень осведомленный!

— Знаешь, он меня умилил, вернее, удивил своей мудростью. «Ночами буду стоять под форточкой — дышать свежим воздухом. А то силы быстро уйдут, а заменить наборщика — дело нелегкое». Обо всем этом говорит так неторопливо, спокойно. А ведь недавно вернулся из деревни. Уехал после работы в тверском подполье. Там условия ужасные были — больше месяца не выходил на улицу, работал без глотка свежего воздуха. Глаза и теперь воспаленные, лицо пергаментное... Пока шли по улицам, парень жадно осматривался по сторонам, стараясь все запомнить: жить ему придется словно кроту. В флигелечке поселилось четверо: двое под видом мужа и жены, третья — прислуга, девица простоватой внешности, на ней лежит доставка бумаги, и он, тень, которую никто не должен видеть. Набирать будут ночами, а печатать днем, когда уличный шум заглушает машину.

— По-моему, все удачно складывается,— одобрил Аркадий Александрович.— Куда тебя проводить?.. Смотри, в окнах гаснет свет. Может быть, ко мне?

— Невозможно, ты сам на птичьих правах! — отрезала Конкордия, опасаясь, что она может стать причиной его ареста.— Не фантазируй — это совершенно исключается. К тому же у меня в ридикюле одних паспортов семь, а адресов — добрая дюжина!

Конкордия говорила с непривычной для нее поспешностью. Боялась, что Аркадий Александрович заподозрит неправду. Ночевать-то ей было негде: время тревожное, найти квартиру трудно.

— Ну, прощай, а то неудобно в чужой дом поздно вваливаться.— И, видя его нерешительность, добавила: — Иди, милый. Право же, все благополучно. Завтра после семи у Василия Блаженного.

Аркадий Александрович, подняв воротник пальто, зашагал к Сретенке. Она остановилась у серого здания почтамта и долго глядела ему вслед. Куда же идти ночевать? До одиннадцати часов пробудет на почтамте, просмотрит журналы, полистает газеты. Потом начнется уборка, будет коситься служитель, появится сонный жандарм с красной физиономией... Все это знакомо! Правда, на почтамте она старается бывать не более двух вечеров в неделю. А дальше? На вокзал, пожалуй, на Курский. Все на примете — залы ожидания вокзалов, почтамт, телеграф.

На почтамте безлюдно. Зевали за решетчатыми сетками дежурные телеграфисты, на широкой скамье прикорнул дворник в белом фартуке. Конкордия для отвода глаз написала длинное письмо на Херсонщину, полистала «Ниву». Служитель, тяжело переставляя ноги, притащил ящик с мокрыми опилками. Начиналась уборка. Конкордия опустила письмо и, столкнувшись с жандармом, вышла на Мясницкую.

Блуждать по сонной Москве не хотелось, да и устала отчаянно. На извозчике доехала до Арбатских ворот. По привычке оглянулась — переулок безлюден. От чугунного фонаря падал яркий свет на дом с венецианскими окнами. Конкордия зашла во двор. Зеленели ажурные акации, желтели кусты золотых шаров. Дворник, несмотря на теплый августовский вечер, сидел в тулупе, закрыв лицо круглым воротником, и отчаянно храпел. Конкордия, боясь разбудить его, прошла в

цветник. Остановилась у черного хода. В подвале, в пятом окне от угла, горел свет. Облегченно вздохнув, придерживаясь за стены, начала спускаться по крутой лестнице. Ступени шаткие, прогнившие. В темном коридоре угасала робкая полоска света. Серdito прошипев, отскочила кошка. В темноте светились зеленые глаза. Загромыхали ведра, на которые наткнулась Конкордия. Выругала себя за неосторожность. Заскрипела дверь, и появилась хрупкая женская фигурка. Конкордия сразу шагнула из темноты, зная, как томительны эти минуты неизвестности.

— Ольга Петровна, простите за поздний час, я с вокзала. В Москве проездом... Ваша матушка просила непременно по-встречаться.— Конкордия говорила отрывисто, на случай неожиданных свидетелей.

Ольга Петровна, узнав ее по голосу, улыбнулась. Пригласила зайти.

Комната была низкая. С кровати поднялась испуганная хозяйка. За ней маленькая девочка. Большая печь, раскрашенная голубыми цветочками, перегораживала комнату.

— Спите! Это ко мне с родины,— успокоила хозяйку Ольга Петровна, поправляя лоскутное одеяло.

Она обошла печь, не выпуская руки Конкордии. Узкая доска на чурбаках заменяла кровать. Рядом самодельная тумбочка с книгами, на стене под марлей парадное платье.

— Вот мои апартаменты!

Конкордия покачала головой: не думала, что Ольга Петровна так плохо устроена. Да, такой угол жилищем не назовешь! Очевидно, Ольга Петровна догадалась о ее мыслях, обняла за талию, прижалась щекой. Конкордия улыбнулась. Как часто пришлось за последнее время бывать в богатых московских квартирах, но оттуда ее выпроваживали под любым предлогом. А здесь, за печкой, такой радушный прием.

— Извините меня, но некуда деться. Никто не пускает, а Антона боюсь подвести.

— Какие извинения! — удивилась Ольга Петровна.— Я очень рада, а то в суматохе и поговорить толком не успеваем.

Конкордия благодарно пожала ей руку. Огляделась, не зная, куда сесть.

— На кровать... Какие церемонии! Сейчас щи достану из печки. Хозяйка всегда для меня оставляет. Она славная, зна-

ет, что я нелегальная, живу без паспорта, и жалеет. Девочка у нее прелесты! Вот свершится революция, обязательно пойдет учиться. Видали, как печь расписана? Все она. Способная!..

Конкордия улыбнулась ее горячности. Ольга Петровна, не слушая возражений, полезла в печь за чугуном.

— Дала себе клятву, Наташа, в доме всегда для друзей иметь щи. Именно простые русские щи! Наваливайтесь, не стесняясь... Со мной произошел интересный случай. До этой квартиры долго скиталась без постоянного пристанища, носилась целые дни по буржуазным квартирам в поисках денег для партийной кассы. И что ж? Угощают тебя кофе в китайских чашечках, воздушными меренгами на серебре. А я жрать хочу. Денег нет, угла нет — кошмар! Как-то судьба мне улыбнулась и послала комнату на несколько дней. Хозяйка — немка, чопорная, негостеприимная. Каждое утро приносила самовар и подглядывала, с чем чай пью. А пить было не с чем. Воду-то спустишь, чтобы не вызывать подозрения, чашку перевернешь, но есть хочется. С утра я плохо себя чувствовала. Вернулась от галошной фабрикантши, она обычно давала нам деньги на социал-демократические издания. Да, галошная фабрикантша... Приходилось переживать мучительные минуты. Широкая мраморная лестница, наверху встречает горничная в белых крахмальных оборках, презрительно принимает пальто, подбитое ветром. Чувствуешь себя прескверно... Одета плохо, принимают тебя из оригинальничанья. В то утро фабрикантша отказала мне: она разочаровалась в социал-демократии и занялась франкмасонством!

Конкордия прыснула. Рассмеялась и Ольга Петровна.

— Да, франкмасонством! Правда, на завтра мне повезло. Моего мужа, ветеринарного врача, пригласили на бойню. Случилась эпидемия — никто на документы не смотрел. Деньги, которые он заработал, забрала сразу, а то бумагу для типографии не могли купить... Так вот про щи, — веселой скороговоркой продолжала Ольга Петровна. — Пришла я от галошной фабрикантши домой. Озноб, голова горячая, есть хочу, как сорок братьев-разбойников. В квартире пахнет щами и мясом! Повертелась на кухне: думаю, угостит. Нет, не тут-то было. Хозяйка вела пустой разговор, нарезая крупные ломти хлеба. Дождалась я, пока она уйдет, схватила ломоть и обмакнула в кипящие щи. Так вкусно показалось, что и передать трудно. Сжевала ломоть, взяла еще один и убежала к себе. Ем украд-

кой, а сама плачу. Что за чертовщина! Вот и поклялась всегда для друзей иметь щи...

Конкордия ела с удовольствием. Щи действительно сказочные: жирные, горячие, с большим куском мяса. В словах Ольги Петровны горькая правда. Зеликсон-Бобровская, известная в партийной среде как Ольга Петровна, была замужем за богатым человеком. Только муж, как и жена, ушел в революцию. Родные его занимали прекрасную квартиру на углу Смоленского бульвара. Там теперь явка, тщательно законспирированная. А сама Ольга Петровна снимала угол за печкой. Счастлива! Как удивилась, если бы ей сказали, что можно избрать другую дорогу. Другая жизнь — тление, а не горение...

— Как-то меня арестовал молоденький жандармский офицерик, довольно интеллигентной внешности. Разыскал на полке «Капитал» Маркса и поднес с укором. «Вот, мадемуазель, все капитал изучаете, а в портмоне у вас шестьдесят копеек!» — Ольга Петровна весело захохотала.

Конкордия отставила чугунок, стукнув деревянной ложкой по дну. Приятная истома разлилась по телу.

— Ольга Петровна, вправе ли мы обзаводиться семьей? — озадачила она хозяйку вопросом. — Мужа вы почти в глаза не видите: то вы в тюрьме, то он... Очевидно, семья для революционера непростительная роскошь.

— Откровенный разговор? — Ольга Петровна сидела на кровати, обняв Конкордию. — Конечно, нужна семья. Встречаемся редко, что ж! Зато знаешь, что есть человек, для которого ты самая прекрасная, чистая, светлая. Чувство самоутверждения очень важно. Муж ждет меня, мечтает о встрече.

Конкордия не выдержала и крепко расцеловала ее.

— Любите?

— Да, очень!.. Думаю, что вам, Наташа, лучше уехать с Антоном. Жить в первопрестольной без паспорта после побега рискованно. Жаль, трудно будет заменить вас в окружке, да и кружки ваши удачные. Но уехать необходимо...

Конкордия счастливо улыбалась. Хорошо, что Ольга Петровна так верно поняла ее. Как она обрадует Аркадия завтра.

— В Луганске нужны люди. В окружке пришло письмо: людей нет. Город промышленный... Рабочий класс... Трудиться будете, и Антон вздохнет. — Ольга Петровна проговорила с завистью: — Счастливы там, в Луганске, каких пропагандистов получают запросто!

С грохотом покатились ведра. Послышался удар, что-то тяжелое упало в коридоре. Конкордия встревоженно поспогрела на Ольгу Петровну. Та оставалась невозмутима, погасила лампу.

— Ну, пора спать! Хозяин явился. Раздевайтесь в темноте, если не хотите с хозяином до утра пререкаться.

— Zum Teufel! Дрыхнете здесь, собаки! — слышался грубый бас. — Ich bin müde! Donnerwetter!..

Пьяный тяжело ходил по комнате, наткнулся на вещи и ругался, путая русские слова с немецкими. Произносил он их варварски.

— Хозяин — лакей в немецком клубе. Отсюда весь шик! — шепотом говорила Ольга Петровна. — Пьяница безбожный, полное ничтожество. Давно бы ушла, да жену жалко — такая милая, такая страдалница! Они и живут-то на те деньги, что от меня получают — девять рублей за угол...

Они лежали на доске, тесно прижавшись друг к другу, боясь свалиться. Уснуть в такой тесноте оказалось невозможным. И всю ночь ревел пьяный голос:

— O mein Gott! Ich bin tot!

ТИМОНОВЫ ПИСЬМА

— Товарищи! Центральный Комитет партии поручил мне открыть нынешний съезд. С удовольствием исполняя это лестное для меня поручение, я прежде всего поблагодарю за те проявления симпатии, с которыми меня встретили. Эти проявления тронули меня потому, что, как мне показалось, они отчасти шли от тех лиц, с которыми мне пришлось в течение последнего года сломать не одно копые по тактическим вопросам! — Плеханов стоял на трибуне в великолепном рединготе с атласными отворотами.

30 апреля 1907 года на окраине Лондона в реформистской церкви «Братство» открылся Пятый съезд партии. У острокопечного органа — трибуна. Большевистская фракция, в которую входила Конкордия, заняла правое крыло. Меньшевики, поначалу распоряжавшиеся на съезде, — левое, желая этим подчеркнуть свою революционность. Неподалеку от Конкордии сидит Ленин, крепкий, подобранный. Она видит, как трясутся

его плечи от беззвучного смеха, как старается он удержать улыбку, и начинает вслушиваться в слова Плеханова, круглые и ровные.

— Мы все-таки должны сделать попытку столкнуться, а для того, чтобы столкнуться, необходимо рассмотреть спорные вопросы без гнева и пристрастия — *sine ira et studio*. И это облегчается тем обстоятельством, что в нашей партии нет ревизионистов...

Лицо Плеханова торжественно. Он оглядывает делегатов. У Конкордии от удивления вытянулось лицо, руки нервно тебтят носовой платок. Как это — нет ревизионистов? А меньшевики?! Не они ли срывают все решения партии? О каком мире говорит Георгий Валентинович?.. Взять хотя бы собрание в Луганске. Решался вопрос о посылке делегата на съезд. Как дрались меньшевики за мандаты, какие напраслины возводили на большевиков! За мандатом прислали гастролера из столицы. Хорошо, что организация оказалась крепкой и на съезд прошли большевики — Клим Ворошилов и она, Конкордия Громова.

Взгляд ее задержался на Максиме Горьком. Он сидел на скамье большевистской фракции, слушал, приподняв мохнатые брови. Широкий в кости, долговязый, с задумчивым взглядом пронизательных глаз. Недавно вернулся из Америки, куда ездил собирать деньги для революции. Поездка, как он считал, оказалась неудачной, но зато он написал повесть «Мать». Конкордии частенько приходилось быть свидетельницей ожесточенных споров об этой повести.

И опять под высокими сводами звучали гладкие, как обкатанная галька, слова Плеханова. Он надеется на мир в партии, он призывает к единству с меньшевиками. Странно. Наивно. Споры с меньшевиками начались сразу, злые, ожесточенные. Видно, о мире трудно будет договориться, да Конкордия и не сторонница такого мира!

В перерыве большевистская фракция собралась в узенькой комнате, напоминающей учительскую в земской школе. Гладкие стены. Стрельчатые окна. Глаза Конкордии прикованы к Владимиру Ильичу. Вся его ладная коренастая фигура дышала молодостью, силой. Он сидел у стены, заложив ногу на ногу. Перелистывая записную книжку, делал какие-то пометки. Сутулясь и застенчиво улыбаясь, зашел Горький. Огромный, неторопливый. Остановился, и Конкордии показалось, что ком-

ната сразу заполнилась. Горький внес корзину, в которой аккуратными стопками лежали бутерброды. Тут же и Андреева, спокойная красавица с роскошными волосами. Кто-то из делегатов волоком втащил ящик с пивными бутылками. Пиво и бутерброды поставлял Горький.

Кажется, ни один партийный съезд не проходил с такими материальными затруднениями: денег в партийной кассе нет, аренда церкви стоила дорого, делегаты голодали. И Горький решил помочь.

— Владимир Ильич, прошу к столу! — пошутил Горький.

Ленин встряхнул бутылку черного пражского пива, налил в стакан, отхлебнул, на губах белые пенистые пузырьки.

— Ну, как находите съезд, Алексей Максимович? — быстро спросил он, закусывая бутербродом с колбасой.

— Не во всем еще разобрался, но счастлив, что пригласили меня. А то сидел бы на Капри... Если зуб, выбитый из челюсти, способен чувствовать, то он, вероятно, чувствовал бы себя так же одиноко, как я.

— «Зуб, выбитый из челюсти»! — смеясь, повторил Ленин.

Конкордия подседа поближе. В руках бутерброд с сыром и пивная бутылка. Прислушалась.

— Ко мне на Капри приезжали какие-то случайные революционеры: озлобленные, желчные, словно из России несется гнилая пыль. Упрекали, что я, как Лука, наговорил людям утешительных слов, а сам в кусты, то бишь на Капри.— Горький потрогал усы.— А молодежь поверила и набила себе шишки на лбу.

Ленин захохотал таким заразительным смехом, что все улыбались. Рука его коснулась крутого лба. Конкордии редко доводилось слышать такой громогласный, безудержный смех.

— «Ревизионистов нет на съезде»! — насмешливо повторил Ленин фразу Плеханова.— А кто сидит на левой стороне? Меньшевики упрекают нас в догматизме и отказываются вести политические споры. Иными словами — хотят вымотать, хотят сорвать съезд. Сорвут съезд — лишат партию политической линии. С меньшевиками нас разделяют крупные тактические разногласия. А нам предлагают, защищаясь софистикой, снять с повестки дня принципиальные вопросы. И все это якобы во имя практицизма и деловитости!

— О деловитости не следует забывать при работе на ме-

стах. Сейчас это фразерство и поза,— заметила Конкордия.— Помню, в пятом году, когда баррикады Пресни были обогреты кровью, на заводах выступал такой деятель: «Организуйте профессиональные союзы!» Смеху подобно. Рабочие попросту отмахивались от болтуна. А нынче Плеханов уподобляет нас английскому средневековому парламенту, который большинством голосов принимает prayer book!

— Молитвенник! — воскликнул Ленин, обращаясь к рабочим делегатам.

— И как это все кругло получается у Плеханова! Говорит изящно, что-то из латыни, броская английская поговорка. Блеску много...— Конкордия развела руками.

— От теории на съезде мы не откажемся! Не беда, что кричат, будто большевики плохие теоретики.— На лбу Владимира Ильича упрямая складка.— Нет, замазывать теоретические разногласия и тем самым лишать партию политических задач мы не позволим!

— Меньшевики заделались практиками! Послушать Плеханова, так получается, что вся Европа с удивлением взирает на россиян: мол, дел непогожий угол, а они, словно схоласты, тратят время на бесплодные споры о том, сколько ангелов может поместиться на булавочном острие! — Конкордия не отводила глаз от Ильича.— Для Плеханова большевики стали противниками. Он, видите ли, приехал на съезд при плохом здоровье только для того, чтобы встретиться лицом к лицу со своими политическими противниками. Когда-то он был на левом фланге партии, а теперь сидит на левом крыле рядом с Мартовым, покрикивая, что большевики ушли в бланкизм! Сегодняшний Плеханов вступил в полемику с Плехановым прежних лет...

— Трудная, паки трудная обстановка на съезде, хотя он и проходит в церкви «Братство»! — В карих глазах Ленина вспыхнул лукавый блеск.— Кстати, на съезде нет стенографа. А как бы было важно донести до партии суть и смысл наших разногласий.

— Можно предложить товарищу Богдану...— нерешительно заметила Конкордия.

Владимир Ильич подошел к невысокому плотному человеку в черной косоворотке. У Богдана от смущения вспыхнуло лицо. Конкордия знала Богдана по работе в Москве в окружном — скромный и славный человек.

— Да я, Владимир Ильич, застенографировал речь Плеханова, — глуховатым голосом ответил он на вопросительный взгляд Ленина. — Только стенограф я невысокого класса — практики нет. Думский стенограф записывает в минуту сто двадцать слов, а я сто.

— Что ж, совсем неплохо! — живо откликнулся Ленин, заложив руки за вырез жилета. — А где изучали стенографию?

— В ярославской тюрьме. Режим там тяжелый. Книг меня лишили сразу, но почему-то вручили самоучитель по стенографии. Вот и штудировал. Только плоховато с практикой, — вновь повторил Богдан, скосив глаза на Горького.

Горький усмехался в усы, внимательно прислушиваясь к разговору. Ленин энергично взмахнул рукой.

— Не беда — практика предстоит богатейшая! Возьмитесь, товарищ Богдан! Записи секретарей из рук вон... Решения и речи опубликуем в России, а если не удастся, так за границей.

— Возьмусь! В лепешку расшибусь, а справлюсь! — Богдан бросил на каменные плиты пола шляпу.

Ленин сощурил правый глаз. Горький вынул из кармана кожаный кисет с табаком.

— Ах, какой все же русский славный народец! Я за эти дни словно свежего воздуха наглотался! — с чувством произнес он. — А все же, в чем суть разногласий на съезде?

— В кулуарах ко мне подошел рабочий, который сидит среди меньшевиков. — В лучистых глазах Ильича запрыгала хитринка. — Видите ли, Алексей Максимович, меньшевики желают заседать в парламенте, а большевики готовят рабочий класс к революции.

— «К революции»... — вслух повторила Конкордия. — В единство с меньшевиками я никогда не верила. Объединительный съезд они предали анафеме.

— Что ж, товарищи, за дело! — Ленин первым шагнул в зал.

Конкордия с трудом отыскала дом, в котором остановился Владимир Ильич в Лондоне. Двухэтажный, стандартный, выкрашенный серой краской, с небольшим палисадником, обнесенным низкой металлической оградой.

Шла она неторопливо. После вчерашнего заседания болела голова.

Ночью закончил работу съезд. Председательствовал Ленин. Большевики делали все, чтобы сорвать съезд. Одних протестов и заявлений сыпалось великое множество. Только выдержка и самообладание Ленина спасли положение.

В этом водовороте страстей Владимир Ильич один сохранял хладнокровие. Как резко отличался он от Плеханова, наминавшего протестантского пастора. Ленин был спокоен, как человек, чувствующий силу. Движения его обрели точность, слова — уверенность. Ночью после заседания товарищи окружили Ильича. Он отвечал на рукопожатия, смеялся с удивительной непосредственностью: «Да, самый трудный день в моей жизни!»

Конкордия и сейчас удивлялась — двенадцать часов председательствовал Владимир Ильич!

На остроконечной башенке костела пробило девять. Она сверила часы и повернула к серому дому, чтобы проститься с Лениным перед отъездом. Дернула ручку звонка, и на пороге появился Владимир Ильич.

— Здравствуйте, здравствуйте! Прошу в столовую... — Он обернулся к хозяйке, вышедшей на звонок. — Это ко мне, благодарю вас.

— День майский, а туман и дождь, словно в сентябре! — Конкордия сняла дождевик и поставила зонт в угол.

— Да, англичане погодой явно похвастаться не могут! — согласился Владимир Ильич. — Я сегодня трудился с раннего утра. Закончили с товарищем Богданом работу над стенограммой... Кстати, кофе готов.

Кухня, холодная, просторная, сияла белым кафелем. На столе фаянсовые чашки, масло, сыр. Хозяйка, тощая англичанка с крашеными волосами, предложила жареную рыбу. Конкордия отказалась, зато ароматный крепкий кофе выпила с удовольствием. Хозяйка, натянуто улыбнувшись, попросила пригласить ее в случае надобности и, сделав книксен, удалилась. Конкордия осталась наедине с Владимиром Ильичем.

— Значит, опять в Россию? Новизна радует первые, очень недолгие дни, а потом приходит тоска по родине, которую даже работой трудно заглушить. — У глаз Владимира Ильича собрались морщинки. Он погрустнел, задумчиво размешивая ложечкой сахар.

— Хорошо, что закончился съезд. Большевики готовы бы-

ли вцепиться в горло каждому... А все же удалось провести революцию!

— Да, хорошо... Сегодня товарищ Богдан меня уморил.— Владимир Ильич рассмеялся.— Тимоновы письма!

Конкордия, зная способность Владимира Ильича заразительно смеяться, улыбнулась, хотя в глазах ее недоумение.

— Тимоновыми письмами в древности называли стенографию,— заметил Владимир Ильич.— Товарищ Богдан объяснил все: стенография — искусство древнее, известное еще со времен египетских фараонов. Потом с ним встречались уже в рабовладельческом Риме. Интересно, откуда могли произойти эти тимоновы письма... Сегодня Богдан показывает мне стенограмму. Читаю: «Разве это не бессильная утка от признания в сторону без признания».— Ленин с трудом выговорил эту фразу, сдерживая смех.— «Нет, вы что-то не так записали», говорю ему. Богдан разволновался и стал убеждать, показывая на свои крючки, что записал точно.

— Утка? — удивленно приподняла брови Конкордия.

— Вот именно утка! Да не простая утка, а «утка признания». Просмотрел свой конспект — ничего подобного. А Богдан горячится, доказывая разницу в знаках. Что могло произойти в тимоновых письменах?

— И что же оказалось?

— «Разве это не бессильная увертка от принципиальности в сторону беспринципности», — отдельно проговорил Ленин.— Мои стрелы в меньшевиков у товарища Богдана превратились в мирных уток!

Владимир Ильич раскатисто хохотал. У Конкордии от смеха вздрагивала рука. Звенела ложка, ударяясь о чашку.

— Ну и тимоновы письма!

— Вот именно так я ему и сказал: «Подвели вас, товарищ Богдан, тимоновы письма!» — Владимир Ильич резко взмахнул рукой, словно обрезал фразу, мечтательно повторил: — В Россию ужасаете...

И вновь в его голосе Конкордия уловила тоску.

— В Россию, туда, где от финских хладных скал до пламенной Колхиды... — шутливо ответила Конкордия.— В общем, в Россию навстречу революции...

— Да, трудным путем идет русская революция. За каждым подъемом — поражение, надругательство самодержавия над народом. За каждым натиском революции — бешеный на-

тиск контрреволюции. И все же силы реакции падают. Разрушаются те иллюзии, которые делали русский народ доверчивым и простодушным! — Ленин говорил медленно, словно раздумывал вслух. — Самодержавие покрыто повязками и бинтами, но оно держится, скрипит, свирепеет. А у меньшевиков либеральная буржуазия...

— Поистине, как говорят мудрецы, кого Юпитер хочет погубить, того лишит разума, — сказала Конкордия. — Разум потеряли меньшевики, которые все надежды связывают с либеральной буржуазией, уверовав в нее, как в союзника.

— Конституция, пожалованная царем, ломаного гроша не стоит, а какие литавры, какие громы победные!.. — Ленин возбужденно забарабанил пальцами по столу. — Либералы рычат на революцию, словно коты, увидевшие жирный кус. А Мартов на съезде требует распустить боевые дружины, забыть о революции!

— Пухленький Дан изрекает истины, для него съезд стал «дискуссионным клубом». А Плеханов весь на исторических параллелях. Эта сказка о социал-демократах! — с раздражением заметила Конкордия. — Плеханов обрадовался аплодисментам меньшевиков, сидевших на «крайне левых скамьях» церкви «Братства»!

Владимир Ильич грустно улыбнулся, прошелся.

— Пусть меньшевики будут последовательными. Если они убеждены, что революция закончилась, тогда нечего говорить о ней... Революция переживает трудные времена. Вот почему я придаю такое большое значение работе каждого из нас! — Владимир Ильич мягко посмотрел Конкордии в глаза. — Будьте осторожны на границе. Может быть, не следует сразу ехать в Луганск, а лучше покружить.

— Хорошо, Владимир Ильич! Итак, в губернию, поближе к рабочим кварталам, поближе к дымящимся трубам! — Конкордия протянула Владимиру Ильичу руку. — Обязательно напишу обо всем — сразу же по возвращении.

ЛИТОВСКИЙ ЗАМОК

— Что слышно от Василия Матвеевича? — обратилась Конкордия к полной красивой даме в меховой шубке.

Дама сидела на резной скамье в Летнем саду, широко рас-

крыв газету «Новое время». Наступил март, петербургский март 1909 года. На полном лице резко выделялись подведенные глаза, яркий рот. Кокетливая меховая шапочка с красным перышком едва держалась на волосах, закрученных в букли. Это была Юлия Серова, известная в партийной среде, как Люси, секретарь Петербургского комитета РСДРП.

Люси долгим взглядом проводила молодого гвардейца, шагавшего по весенним лужам. Казалось, она не слышала вопроса Конкордии, пригласившей ее на свидание в Летний сад. О муже, депутате Государственной думы, арестованном вместе с социал-демократической фракцией, она говорила много, но как-то неискренне, что всегда удерживало Конкордию от расспросов.

— Люси, когда вы получили письмо от Василия Матвеевича? — повторила свой вопрос Конкордия.

— На днях. По материалам следствия он попал в первую группу. Наверняка дадут пять лет каторги. Не знаю, как буду со своими крохами! — сокрушалась Люси, поднося надушенный платочек к подведенным глазам.

— Товарищи не оставят. Конечно, друзья не заменят любимого человека. Что-нибудь придумаем, — попыталась успокоить ее Конкордия. — Всю фракцию социал-демократов под суд!

Конкордия тяжело переживала арест Василия Матвеевича Серова. Он тоже был на Пятом лондонском съезде. Крупный, с приятным открытым лицом и вислыми усами. Конкордия частенько бродила с ним по городу. На съезде шел долгий спор — можно ли печатать в газетах выступления делегатов? Троцкий настаивал, Серов горячился: «Конечно, Троцкий в Россию не собирается. Я, лицо неприкосновенное, ареста не боюсь. Но каково товарищам, которые после съезда должны уйти в подполье! Выдать охране партийных работников!» Конкордия соглашалась с Серовым, хотя ее сместила вера Василия Матвеевича в свою депутатскую неприкосновенность... И вот он, лицо неприкосновенное, в каторжной тюрьме, а она скрывается в Петербурге по чужому паспорту... Недалеко разошлись их дороги.

От раздумий Конкордию отвлек голос Люси:

— Василек просит, чтобы я передавала ему кое-что о жизни партии.

«Это в тюрьме-то! — удивилась Конкордия. — Не похоже на Василия Матвеевича. Выдумки Люси. Неужто она так

плохо воспитана в партийном смысле?! Или... Самоуверенна до крайности. Кичится осведомленностью. Неумна. Что общего между нею, крикливой, молодящейся, и Василием Матвеевичем, скромным, мечтательным? А говорят, он влюблен в жену и обожает детишек». Конкордия скосила глаза на Люси. Нет, товарищи прощают Люси многое из уважения к Василию Матвеевичу. Снисходительны к ее недостаткам: всем интересуется, все хочет знать. А знает и так немало: явки, связи, организацию транспорта...

— А как вы себя чувствуете? После Лондона не удалось вернуться в Луганск?

— Работы везде много, — сдвинула брови Конкордия, давая понять неуместность разговора.

— Только и Петербург не радует. Аресты, аресты... Вы надолго сюда, Наташа?

— Дело покажет! — Конкордия вспыхнула, посмотрела испытующе и строго.

— Ах, Наташа, не сердитесь! Это чисто по-женски. Меня и Василек всегда ругал. — Люси беспомощно развела руками. — А теперь

особенно хочется каждую мелочь узнать для него. В тюрьме школу организовал. Удалось подкупить надзирателя. Такой, знаете, деляга, за деньги всего Маркса передаст.

Конкордия решила прекратить разговор:

— Когда и где собирается комитет?

— В воскресенье на Невском. Психоневрологический институт, в десять. Четвертый этаж, комната с табличкой «лаборатория». В студенческой столовой будет связной, если что неблагополучно, предупредит... Знаете, Наташа, за последнее время я чувствую к себе холодок. Я ведь из генеральской семьи...

— Почему? Перовской генеральство не мешало — товарищи доверяли и любили ее! — возразила Конкордия, с трудом подавляя раздражение.

— Охранка располагает многими данными после провала типографии на Московской. Наборы, шифры — все конфисковано. Как это Мешковский, которому доверили типографию, оказался столь неосмотрителен. Навез в квартиру корзин, чемоданов, свертков. Ночью дворник услышал стук машин и заявил в полицию...

— Мешковский вряд ли так виноват. Думаю, здесь не обошлось без провокатора. А в Москве мы печатали днем, когда город полон жизни. Правда, и эта типография провалилась...

— Этот опыт нужно было бы перенять, — с живостью поддержала Люси.

— Вам известны подробности ареста Мешковского?

— В самых общих чертах — от дворника. Жандармы оцепили дом, где находилась типография. Дворник постучал в квартиру со стандартными словами: «Откройте, телеграмма!» Мешковский узнал его по голосу и попросил сунуть телеграмму под дверь, но дворник настаивал. Дверь открыли, а на пороге жандарм, закованный в панцирь.

— Помешались на террористах! — засмеялась Конкордия. — О революции нужно думать...

День стоял пасмурный, хмурый.

В тюремное окно пробивался мутноватый рассвет. Конкордия накинула серый халат. Подошла к окну. Стекло затянула ледяная корочка, и даже всегдашние друзья, голуби, не прилетели сегодня.

Шел десятый месяц заключения Конкордии в литовском замке. Четвертый арест за тридцать три года ее жизни. Тогда, после разговора с Люси, вызвавшего у нее такое сложное и

противоречивое чувство, Конкордия направилась на Выборгскую сторону. Провела занятия в кружке, написала длинное письмо Аркадию Александровичу, оставшемуся по делам в Харькове, и поздним вечером, усталая, добралась на квартиру. Дома ждала радость — телеграмма от мужа о приезде в Петербург. Конкордия побежала к хозяйке, начала приводить в порядок свое немудреное хозяйство. Завтра придет Аркадий! Поезд приходил в два, и Конкордия рассчитывала к этому времени освободиться. В десятом часу она заторопилась на Невский. Почему-то запомнились витрины модных магазинов. Решила, что вечером обязательно забежит в пассаж и купит самое необходимое: коричневый жакет, новую шапочку — все это не так уж дорого, а выглядит вполне прилично.

День показался радостным. Ярко сверкал купол Казанского собора. Легкий снежок посеребрил улицы. В витринах ценных магазинов красовались большие корзины белых канн. На темном фоне зеленого мха синели нежные грозды распустившейся сирени. Конкордия долго стояла у этой витрины.

Радостное чувство не покидало ее и в институте, в котором должно было состояться заседание Петербургского комитета. Приветливо поздоровалась с тучным швейцаром, сказав, что идет в библиотеку. В институте обстановка благоприветствовала конспирации: библиотека, студенческая столовая работали и в воскресные дни. Кроме того, по воскресным дням происходили занятия вольнослушателей, консультации профессоров. Было шумно илюдно.

Конкордия, по обыкновению, заглянула в столовую. Подсела к столу, заваленному баранками и сухарями. Налила из ведерного самовара чая. Столовая гудела, словно пчелиный рой. Конкордия, улыбаясь, слушала молодежь, с горячностью споривших о стихах Блока. Увидев связного, поднялась по лестнице на четвертый этаж. В лаборатории, заставленной узкими шкафами с пробирками, колбами и реактивами, собрались комитетчики. Все, кроме Люси. Оказывается, она уже забегала: заболел ребенок, опасается кори. Люси так расстроилась, что товарищи еепустили.

Заседание затянулось, и Конкордия стала беспокоиться, что не успеет на вокзале встретить Аркадия Александровича... И вдруг в лабораторию вбежал связной, лицо тревожное, озабоченное. Конкордия почувствовала недоброе.

— Полиция оцепила институт!

Конкордия кинулась к окну — на улице стояли громоздкие тюремные кареты. Решили забаррикадировать дверь. Связной вместе с Буйко, членом комитета, задвинули ее шкафами. Звенели колбы, хрустели под ногами осколки. Комитетчики решили уйти черным ходом. Но едва открыли дверь, ворвались полицейские. Такого натиска не ожидали. На комитетчиков навели револьверы. Жандармский офицер, весь в серебряных шнурах, бесцеремонно копался в потертом портмоне Конкордии. Раскрыв ее паспорт, иронически протянул:

— Екатерина Васильевна Никологорская! А паспорт-то настоящий и прописок сколько! Проживаете, значит, на Петербургской стороне? А мы располагаем другими сведениями...

Конкордия твердо смотрела ему в глаза. «Предали, предали... Люси?! — обожгла ее мысль. — Если докажут принадлежность к комитету — каторга! А Аркадий-то теперь сидит на вокзале и ждет».

— Пустые хлопоты, Конкордия Николаевна! — зевнул офицер, громыхая шашкой. — Паспорт-то чужой...

— Не понимаю вас. — Лицо Конкордии невозмутимо.

Офицер наблюдал, как бесцеремонно обыскивали Михаила Буйко. Покрикивал:

— Руки! Руки!

Конкордия бросила:

— Потрудитесь вести себя вежливо. Вы же при исполнении служебных обязанностей!

В голосе ее было столько иронии, что офицер смутился. Буйко выворачивал карманы пиджака.

— Хороша работенка — арестовывать женщин да лазить по чужим карманам!

Офицер возмущенно шевельнул нафабранными усами и, сдвинув бумаги, начал составлять протокол.

— При аресте Петербургского комитета РСДРП обнаружено... — торжествующе скривил он тонкие губы.

— «Комитета»? — удивленно повторила Конкордия. — Комитета?! Конечно, Охранному отделению всегда хочется приписать арестам значительность, даже если для этого придется отправить невинных на каторгу. Известно, по законам Российской империи за принадлежность к комитету полагается каторга, а чинам Охранного отделения за выявление — награды и победные реляции. Должна вас огорчить: комитет здесь не заседал.

— Значит, общество любителей природы! — зло парировал офицер.

— Угадали. Видите, по неосторожности во время опытов разбиты колбы и реактивы.

— Протокол подпишете?

— Вы фальсифицируете, а мы должны помогать?! — искренне удивилась Конкордия. — Нет уж, увольте!

Конкордию вывели первой, поставив между двумя усатыми истуканами — жандармами. Кивнула головой, прощаясь с товарищами.

И вот уже десять месяцев никого из друзей Конкордия не видела. Привлекали ее к дознанию по делу Петербургского комитета РСДРП. Кажется, каторги не избежать. Бедный Аркадий! Повидаться им не пришлось. Бюрократическая машина вступила в действие: брак гражданский, не церковный. Охранное отделение, придравшись к формальности, запретило свидание. Тогда Аркадий, помощник присяжного поверенного, выразил желание защищать подсудимую Грому. Брак в этом случае признали и запретили защиту.

Тоска... Думы, думы... Конкордия зябко передернула плечами. После свидания со следователем сомнений не оставалось — в комитете орудовал провокатор. Осведомленность следователя удивляла. Разоблачили Конкордию сразу: разыскали подлинную Никологорскую, в тюрьме устроили очную ставку. Женщина держалась хорошо, но Конкордия, боясь подвергнуть ее серьезным испытаниям, признала, что паспорт нашла случайно и воспользовалась им, желая поступить в медицинский институт. Потом от Аркадия через надзирательницу Конкордия получила записочку. Настаивал, чтобы Конкордия взяла защитника. Отказать не смогла. Аркадий принял дело Буйко. Интересно, сумеет ли защита доказать, что все они случайно оказались в лаборатории. Допросы Конкордия ненавидела: необходимость изворачиваться, лгать угнетала. То ли дело в ростовской тюрьме, когда она попросту отказывалась от показаний. А теперь связана с товарищами: выработана линия поведения, которую нужно строго выдерживать.

Сегодня день суда. Вечером принесли платье, в котором ее арестовали. Взяли грубые коты и вернули черные ботинки. Конкордия рассматривала свой туалет с ужасом: за десять

месяцев хранения в крепостном цейхгаузе платье покрылось плесенью, ботинки покоробились, носы их заострились. Как в таком виде появиться на суде?..

Она умылась с особой тщательностью, уложила волосы в тугую узел. Посмотрелась в смоченную водой грифельную доску, которая заменяла зеркало. Сокрушенно покачала головой: лицо худое, морщины на лбу, гусиные лапки у глаз, в темных волосах седина. Как огорчится Аркадий! Осторожно вытянула из-под тюфяка синее платье, которое положила на ночь в надежде, что оно разгладится. Чуда не произошло — платье осталось жеваным и измятым. Конкордия вздохнула. Села на койку, ожидая часа, когда поведут на суд.

Время тянулось долго. Наконец загромыхали ключи, ввалился старший надзиратель с серебряной медалью на впалой груди, тщательно оглядел ее и пригласил следовать за собой.

В канцелярии Конкордия увидела своих товарищей, окруженных жандармами с обнаженными шашками. Она пожала руки друзьям, не обращая внимания на ворчание ротмистра, и встала между жандармами.

— Конвой, шагом а-рш! — зычно прокричал ротмистр, звякнув шпорами.

Взвизгнули шашки, и процессия медленно двинулась. Потянулись длинные извилистые коридоры, лестницы с крутыми ступенями, заскрипели обитые толстым железом ворота. Конкордия глубоко вдыхала свежий воздух, радуясь небу и голубям.

Судебный зал окружного суда, где слушалось дело, напоминал концертный. Люстра, похожая на гроздь винограда, переливалась радужными огнями. На возвышении стояли девять полукруглых кресел, золоченые спинки которых виднелись из-за продолговатого стола, покрытого малиновым сукном. Сверкал натертый паркет, сияла позолотой рама огромного царского портрета. Направо от стола, за деревянной перегородкой, скамьи подсудимых. Напротив трибуна прокурора и места для защиты.

Заседание оказалось закрытым, как на большей части процессов над социал-демократами. Кресла для публики занимали родственники, допущенные по особым билетам.

Жандармы в медных касках окружили скамью подсудимых.

Конкордия села в первом ряду вместе с Буйко. Страшилась свидания с Аркадием. Почти год разлуки, и вдруг такая встреча: она на скамье подсудимых, он на местах защиты. Конкордия плохо слушала, что говорил Буйко, хотя и понимала его оживление после одиночного заключения. Взгляд ее прикован к тяжелой резной двери, через которую должны были выйти судьи, защитники.

Как ни ждала она этого момента, но все же с трудом подавила волнение, когда увидела высокую, чуть сгорбленную фигуру Аркадия Александровича. Шел он тяжело, с трудом переставлял ноги. Лицо побледнело до синевы. Увидев ее, окруженную жандармами, судорожно глотнул воздух. Конкордия подалась вперед, до боли вцепившись в деревянное перильце. Боже, как он изменился: почернел, состарился, отпустил усы... Аркадий расстегнул пуговицу накрахмаленной рубашки, ослабил галстук.

Аркадий Александрович опустилсЯ в кресло, закрыв лицо руками. Конкордия вытерла слезы. На лице застыло спокойное выражение, как всегда, когда хотела скрыть волнение. К сожалению, Аркадия этим не проведешь.

— Суд идет! Прошу встать!—прокричал судебный пристав с красным лицом, размахивая тяжелым медным колокольчиком.

Аркадий Александрович с трудом поднялся, взглянул на нее и виновато улыбнулся.

За судебным заседанием она не следила. С болью разглядывала мужа, замечая в нем всё новые, нерадостные перемены. «Похудел-то как: сюртук болтается, словно с чужого плеча. Начал сутулиться».

Заседание тянулось долго. Дребезжащим голосом прокурор доказывал виновность подсудимых, требуя применить статью о каторжных работах. Затем резкие вопросы защитников, опрос свидетелей. Конкордия не отрывала глаз от Аркадия Александровича. Посоветовавшись с коллегами, он попросил слова:

— Господин прокурор признал, что самым главным для суда — доказательство истины. От себя могу прибавить, что нужно сохранить хотя бы видимость законности.

Конкордии нравилось, как умно и тонко говорил Аркадий Александрович, как блестяще высмеивал прокурора — индюка с университетским значком.

— С каких это пор каждый, кто пришел в институт, в обще-

ственное место, может быть заподозрен в противоправительственной деятельности?! С каких пор свобода и личная неприкосновенность могут быть попораны по любой случайности?! Чем, кроме судебного приговора, можно объяснить десятимесячное пребывание арестованных в крепости, хотя обвинение основано на домысле?! Сегодняшнее судебное разбирательство...

— Господин Самойлов, попрошу ближе к делу. Вы достаточно сказали о самодержавии, достаточно и о личной неприкосновенности.— Председатель суда в зеленом мундире с большой звездой поднял глаза на Аркадия Александровича.— Столь же достаточно и о практике суда.

Аркадий Александрович наклонился, словно приготовился к прыжку, подался вперед и, не обращая внимания на замечание председателя, закончил:

— Нельзя предположения превращать в бесспорные факты, подозрения превращать в улики, личную дружбу уподоблять сообщничеству, а совместное пребывание в одном помещении сводить к заговору... Практика российского суда вопиет против нарушения процессуальных норм...

Колокольчик в руках председателя яростно заливался. Возмущенно всплеснул круглыми ладошками судья в венчике седых волос. Подсудимые с напряженным вниманием слушали Аркадия Александровича. «Цитирует Сергея Кравчинского!»— подивилась его смелости Конкордия.

— От имени защиты прошу представить единственного свидетеля, на показаниях которого основано обвинение!— устало заметил Самойлов.

Председатель неприязненно посмотрел на Аркадия Александровича. Сидевший рядом с Самойловым русобородый защитник приподнялся и, поклонившись суду, заговорил:

— Горячо присоединяюсь к просьбе коллеги. Мне также не удалось увидеть свидетеля, показания которого легли в основу процесса. Защита обязана знакомиться с материалами обвинения. Об этом элементарном правиле не может забыть столь уважаемый суд... Теперь о моей подзащитной Конкордии Николаевне Громовой. Представьте драму тридцатилетней женщины — желание получить образование и невозможность проживания в столице из-за грехов молодости...

Конкордия почувствовала, как вспыхнули ее щеки. «Какие грехи молодости? О чем бормочет защитник?» Возмущенно поглядела на Аркадия Александровича, уловила его умоляю-

щий, растерянный взгляд. Видно, так нужно. Только очень унижительно. Она обернулась к Буйко и увидела на его лице усмешку. Жалостливая речь защитника не произвела на него впечатления.

— Да, образованная женщина не может проживать в столице! Нонсенс, господа! А где еще может женщина получить образование? Мы говорим, вернее, кричим об эмансипации, а сами не допускаем женщину в столицу! «Легче решает и осуждает тот, кто меньше вникает!» — позволю себе привести изречение. Только суд не может руководствоваться этим... Я верю в справедливость суда, как верят и они, оказавшиеся по роковой случайности на скамье подсудимых! — Защитник сделал широкий жест в сторону обвиняемых и сел с довольным видом, пощипывая русую бороду.

Конкордия привстала — нет, в слезливых речах она не нуждается. Она готова подтвердить свою принадлежность к Петербургскому комитету РСДРП. Буйко взял ее за локоть, шепнув:

— Терпение! На каторгу успеем...

— Защита настаивает на немедленном введении в зал свидетеля обвинения! — почти прокричал Аркадий Александрович, опасаясь признания Конкордии.

В зал под конвоем франтоватого ротмистра ввели плечистого человека, закованного в кандалы. Конкордия замерла в ожидании. Звон цепей ближе, ближе. Конкордия внимательно разглядывала свидетеля — русоволосый, с густой курчавой бородой, серыми осоловелыми глазами. Нет, она его не знает. Удивленно пожал плечами Буйко. Свидетель наклонил голову, будто боялся встретиться глазами с подсудимыми. Аркадий Александрович тревожно переговаривался с защитниками. После обычных вопросов к свидетелю о его имени и сословии наступила тишина.

«Какая-то провокация!» — вздохнула Конкордия. Приготовилась слушать, подперев голову рукой.

— У защиты есть вопрос к свидетелю обвинения! — зазвучал голос Аркадия Александровича.

— Прошу! — кивнул головой председатель, поудобнее устроиваясь в кресле.

— Свидетель, чем вы можете подтвердить знакомство с людьми, сидящими на скамье подсудимых? Можете ли назвать их по фамилии, рассказать, при каких обстоятельствах про-

изошло ваше знакомство? Прошу припомнить все точно, ибо от ваших ответов зависит жизнь очень хороших людей, зависит...

— По-про-шу лишних советов не давать! — растягивая слова, прервал его председатель и, обратившись к свидетелю, добавил: — Отвечай, голубчик.

Свидетель приблизился к обвиняемым. В глубине его глаз запрятан страх. Опухшее лицо Конкордии. Большие натруженные руки Буйко. Осунувшиеся лица рабочих в черных косоворотках... Тряхнув головой, словно отгоняя назойливую мысль, сказал:

— Я не знаю этих людей!

Ответ оказался неожиданным. По залу пронесся шорох. Конкордия перехватила радостный взгляд Аркадия Александровича. Широко улыбался защитник с русой бородкой. Побавровел прокурор, насунился жандармский полковник.

— Свидетель, прошу не забывать показаний, данных на предварительном следствии! — Прокурор заметно нервничал. — Прошу не вводить суд в заблуждение!

— Защита просит не оказывать давление на свидетеля. Перед законом, как и перед богом, которым он клялся, свидетель должен показать правду, одну лишь правду! — вскочил Аркадий Александрович.

В зале нависла тревожная тишина. Свидетель стоял белый как полотно, плотно сжав губы.

— Я не знаю этих людей! К партии никогда не принадлежал, политикой не интересовался... Приговорили меня к смертной казни за убийство! — с какой-то злой решимостью начал он, откинув прядь волос и обнажив рубец от удара кинжалом. — Потом господин начальник сказал, что меня помилуют, если подпишу показания. Бумаги я подписал... В камере стали меня ругать: мол, гублю хороших людей. Вот я и решил греха на душу не брать...

Свидетель низко поклонился подсудимым.

— Защита заявляет резкий протест! Отводит свидетеля и просит записать в определение суда о недопустимости подобного ведения следствия!

— Увести! — Председатель бросил презрительный взгляд на жандармского полковника.

К свидетелю подлетел франтоватый ротмистр, лихо козырнул суду. Кажется, он единственный не понял, что произошел

скандал. В зале послышался смех, раздавались неодобрительные выкрики. Свидетель произвел сенсацию.

— Мы видели одного свидетеля с веревкой на шее. На его показаниях держалось обвинение в принадлежности подсудимых к Петербургскому комитету РСДРП. Свидетель не подтвердил показаний, насильственно вырванных у него во время следствия. Более того, он публично отрекся от них...— Аркадий Александрович высоко вскинул крупную голову.— Теперь обвинение располагает единственным веским доказательством того, что мы имеем дело с Петербургским комитетом. Это протоколы жандармского ротмистра, утверждающего, что при аресте были обнаружены листы белой бумаги и карандаши. Бумага и карандаши — улика, из-за которой господин прокурор грозит обвиняемым каторгой!..

— Суд удаляется на совещание! — Председатель суда отодвинул малиновое кресло.

Аркадий Александрович бросился к скамье подсудимых.

СЕРДЦЕ И ДОЛГ

11 февраля 1912 года.

Уважаемый товарищ!

Будьте добры справиться у т. Полетаева о результатах одного расследования, возбужденного мною и женою еще в конце 1909 года. Осенью 1910 года я получил от него письмо, в котором он уведомляет, что над расследованием надо поставить крест за отсутствием свидетелей и неопределенностью слухов. На это только я вскоре ответил, что считал такое уведомление канцелярской отпиской и требую продолжения расследования. С тех пор никаких известий не получал. Между тем слухи продолжают, и не так давно я получил из ссылки известие, что расследование продолжается и окончательное решение зависит от ответа какого-то заграничного товарища, к которому послан специальный делегат. Насколько все это верно, не знаю. А знать мне крайне необходимо: 1 апреля с. г. кончается срок каторги, и на поселении мне придется жить с семьей. Жена и дети живут теперь в Иркутске, так как въезд жены в район каторги воспрещен. Я должен знать определенное решение по

этому делу, чтобы установить с женою, согласно с этим решением, определенные отношения. Как член определенной общественной группы требую, чтобы мне дали этот ответ, а как человек, близкий к обвиняемой, умоляю избавить меня наконец от мучительной неизвестности, которая вот уже более двух лет не дает мне покоя. Прошу товарищей представить себе теперешние и будущие условия моей жизни и спасти меня от тех коллизий, которые меня ожидают: столкновение обязанностей отца четырех детей и члена партии; мне теперь необходимо все знать, чтобы поступить, как полагается честному гражданину. Прошу ответить поскорее. Так как переписка наша просматривается, прошу сообщить только, что известное мне по делу решение благоприятно или неблагоприятно, причем термин «неблагоприятно» будет означать обвинение. Думаю, что вы сумеете как-либо передать то или иное решение. Еще просьба: в Нерчинской каторге нас осталось трое: Петров в Кутомаре, Чащин в Алгачах и я в Зерентуе. 1 апреля срок выхода на поселение. Средств у нас никаких. Надеемся, что товарищи нам помогут, иначе наше положение на поселении будет на первых порах, пока не найдем работы, весьма печально. Всего хорошего.

С товарищеским приветом

В. Серов.

Конкордия отложила письмо. Бедный Василий Матвеевич! Жена — провокатор! Как далеко разошлись их пути: он — на каторге, она — в охранке. Перед глазами стоял Серов. Тогда в Лондоне он много говорил о жене, радовался своему счастью. Кругом страдания, личная неустроенность, а у него семья, прекрасные дети. Впрочем, он никогда бы не связал судьбу с женщиной, не разделявшей его убеждений... Перед глазами была молодая Люси. Конкордия своим последним арестом обязана ей. Каких людей предала за эти годы! На скольких бросила черную тень!.. Охранка ей помогала. Во время процесса над Петербургским комитетом охранка не раскрыла сведений, полученных от Люси. Процесс провалился, а Люси удержалась. И все же подозрение пало на нее. Началось партийное следствие, о котором стало известно Василию Матвеевичу.

День разгорался. Конкордия выключила свет. Оранжевый абажур потемнел и вновь вспыхнул, зажженный солнцем. Конкордия оглянулась на Аркадия Александровича. Он спал на

спине, сладко причмокивая губами. Черная голова сползла с подушки, одеяло на полу. Конкордия на цыпочках подошла к мужу. Половицы заскрипели.

Аркадий Александрович вскочил, протирая глаза:

— Кона, что случилось?

— Да спи, милый! Ничего. Хотела одеяло поправить и разбудила. Экая нескладёха!

— Старого конспиратора голыми руками во сне не возмешь! — Аркадий Александрович повернулся на другой бок.

— Спи, конспиратор!

Конкордия, боясь наступить на скрипящую половицу, вернулась к столу. Сняла с чайника румяную матрешку. Потрогала рукой — теплый. Видно, Аркадий Александрович поздно лег — правил статьи. Конкордия просмотрела гранки, длинные, как свитки. Улыбнулась — опять красный карандаш, да и корректорские знаки перепутаны. Никак не удастся ему постигнуть эту премудрость.

Она налила в кружку чай, размешала сахар. Задумалась. Люси — актерка, комедиантка! Как только начались разговоры о провокаторстве, Люси собралась на каторгу в Горный Зерентуй. «К мужу, Васильку... Он тоскует по детишкам...» Собиралась хлопотливо, шумно, как все, что она делала. Многие смотрели сочувственно — ехать на каторгу с детьми! Конкордия пришла проводить ее на вокзал. В Горном Зерентуе умирал от чахотки политический. Брат послал ему деньги через Люси, а она их тоже присвоила... А какие фокусы начались в домике Серова у каторжного рудника: то ночной обыск, то вызов к исправнику. Вот в письмах Василий Матвеевич и засомневался в причастности ее к иудову ремеслу. Отсиделась в Сибири и вернулась в Петербург, решив, что все забыто...

Конкордия поморщилась. В Петербургском комитете разговор с Юлией Серовой поручили ей. Разговор этот вызывал омерзение. Посмотрела на настольные часы. Семь. Пора выходить...

Комната, которую занимала Люси, напоминала бомбоньерку: розовые стены, розовая мебель, розовая лампа, розовые занавеси на алькове. Люси, полная и обрюзгшая, делала все, чтобы казаться спокойной. Взглянула на часы, давая понять несуразность столь раннего визита. На лице ее выжидательное

выражение. Запахнув розовый капот, предложила Конкордии стул.

— Дети дома? — сдерживая волнение, спросила Конкордия.

— Нет, они у бабушки, — сонно потянулась Люси. — Работы много, не до них...

— «Работы»?! — гневно повторила Конкордия, не отводя от Люси тяжелого взгляда. — Да, работы у вас оказалось много.

— С утра до ночи кручусь, как белка в колесе! — Люси отвечала спокойно, но в глазах ее Конкордия заметила тревогу. — Вчера ввалились с Выборгской рабочие...

— Вот что, Серова... Впрочем, даже не знаю, как вас называть.

— Что за официальность?

Конкордия вспыхнула. Чувство гадливости охватило ее. Если бы можно было надавать Люси пощечин, стало бы легче.

— Мы с вами не товарищи! Я в охранке не состою...

— Опять я стала Азефом в юбке! — истерически воскликнула Люси. — Вновь кому-то не дает покоя мое генеральское происхождение!

— Хватит паясничать! Вот письма, которые вы посылали в Охранное отделение...

Конкордия вынула из портфеля белые листки. Люси впиалась в них глазами. Руки ее задрожали.

— Не может быть! Почерк подделан. Это мои враги, враги!..

— Кем подделан почерк? Какие у вас враги?! — В голосе Конкордии было такое презрение, что Люси сжалась. — Возьмите письмо Василия Матвеевича.

— Он знает, знает?! Вы разбиваете нашу семейную жизнь!

— Прекратите истерику! Мне противно разговаривать с вами, даже находиться в одной комнате. Сегодня в «Правде» опубликовано письмо Серова... Василий Матвеевич разрывает личные отношения с женой-provокатором!

— Разрывает?! Ну, нет... У нас дети, семья!

— Я уполномочена Центральным Комитетом заявить, что расследование вашей provокаторской деятельности закончено. Вы обязаны немедленно покинуть Петербург... Мы бы поступили по-другому, но жалеем детей.

— Покинуть Петербург?.. А дети?! Я — мать!

— Нет, не мать! Провокатор! У каждого, кого вы предавали, тоже были дети.— Конкордия помолчала.— Состоялось решение социалистов-революционеров в связи с вашей провокаторской ролью.

— Какое решение? — Люси схватила за сердце.

— Я не уполномочена говорить об этом. Действия ваши получили широкую огласку. Известие о провокаторстве подхватят не только рабочие газеты, но и либеральные. Это вызывает гадливость у каждого порядочного человека. Уезжайте из Петербурга и не вздумайте обращаться к покровителям!

Люси сидела, бессильно опустив руки, с помертвевшим лицом. Она напоминала Норкина.

В ушах Конкордии грохотала ростовская тюрьма, и понуро брел Норкин, арестант «сучьего закутка». Мертвецы, живые мертвецы!

ИВАНОВСКАЯ, 14

— «Слышал?» — «Слышал!»

— «Видал?» — «А не видал!»

— «Подумай: наша, брат, рабочая газетка...

— Чай, жиру не придаст хозяйским-то горбам!»

— «Да... Кой-кому не по зубам

Конфетка».

— «А нам, гляди, как выйдет впрок!

Пойдем-кась купим номерок».

Пошли, по переулкам рыщут,

Газету ищут.

— «Тьфу! Будто черт газетчиков посмёл!»

— «Нашел газетчика, нашел!»

И впрямь нашел, судя по бляхе медной,

Стоит парнишка сам не свой,

Весь бледный.

— «Газетку...» — «Братцы, все унес городской!»

— «Ой, прах его возьми!.. Теперь хоть волком вой...»

— Ты шутишь, аль взаправду?»

— Нет, не шутил бедняк:

— Под глазом у него синяк

— За «Правду».

Конкордия отложила басню Демьяна Бедного. Настроение невеселое. Газета «Правда», номер за номером, конфискуется. Доставить ее рабочим стоит великих трудов. Под редакцию заняли небольшую квартиру на Ивановской. Дом невзрачный. Комнаты тесные. На столах и стульях спят рабочие. Приходят с вечера, ждут газету, чтобы незаметно вынести через черный ход. Номер наверняка будет конфискован.

Конкордия поближе придвинула зеленую лампу. Быстро правила статьи. Скоро три. За окном темная ночь, робко светит железный фонарь, освещая тучную фигуру городского. С тех пор как в этом доме основалась редакция газеты, градоначальник установил полицейский пост. Замелькали brave молодые с военной выправкой и отсутствующими взглядами.

— Ну как, Наташа, материал готов?

Конкордия вздрогнула. Очевидно, она задремала. Потянулась, еще сонными глазами взглянула на вошедшего. А, Еремеев! Наконец-то, именно он и нужен.

— А где материал о рабочих «Нового Айваза»? Мы же договорились... Условия там невыносимые, женщины пришли в газету. Рассказ их записали, обещали поместить...

— Так места нет. Газета забита! — Еремеев невозмутимо посасывал трубку. Трубки он собирал, но пользовался всегда одной — прокуренной, с обуглившимися краями.

— Как — места нет? Это же корреспонденции рабочих. Можно подумать, что вы работаете выпускающим в «Луче»...

Конкордия говорила язвительно. Начинался обычный бой за рабочие корреспонденции, которыми она занималась как секретарь редакции.

— Хорошо, дам... Только тогда снимем письмо штрейкбрехера Иванова. — Еремеев хитровато взглянул на Конкордию.

— Как? — Конкордия возмутилась. — Снять письмо Иванова?! Ах, истукан такой... Истукан с трубкой! Вместе говорили с Ивановым, человек раскаялся... Письмо его имеет большое воспитательное значение. Нельзя же его подвергать дальнейшему остракизму.

— «Остракизм»! «Раскаялся»! А кто его толкал на штрейкбрехерство? — не выдержал Еремеев, набивая трубку. — Кто? Путиловцы бастуют, а он нате вам...

— Я его не оправдываю. Сама ругала не меньше вашего,

но он третий месяц без работы... Понял, что поступил неправильно.

— Никто его не толкал на этот путь! — буркнул Еремеев, раздувая трубку. — Штрейкбрехер проклятый! Выбросим его письмо...

— Невозможно! Письмо имеет принципиальное значение. Нужно, чтобы судьбу штрейкбрехера представляли все... Голод — с ним шутки плохи.

— Согласен... Тогда с четвертой полосы потесним вашего поэта за таинственными инициалами И. Н. — Еремеев красным карандашом делал разметку номера. — Да, и стишки-то скажу...

— И не говорите. Слушать не буду... Стихи искренние, сердечные. Надо их Демьяну Бедному показать. Может быть, у парня талант, — мечтательно заметила Конкордия. — Корявость стиха не пугает, главное — чувство, мысль...

Еремеев смотрел на нее, отбросив красный карандаш. Строгая и рассерженная, добрая и заботливая. Недаром к ней тянутся рабочие. Иной часами ждет, пока освободится товарищ Наташа.

— Четвертый час... Пора в печать. — Еремеев присвистнул, увидев на улице наряд конной полиции. — Опять воронье налетело!..

— Так как же с письмом женщин «Нового Айваза»?

— Удивляете меня, Наташа! Полосы не резиновые. — Еремеев терял терпение. — Завтра, завтра дадим...

— Вы меня завтраками не кормите! — Щеки Конкордии зарделись. — Истукан с трубкой! Сколько сил трачу на ссоры с вами!

Еремеев понял — гроза миновала. Конкордия разыскала увесистый фолиант в сафьяновом переплете — свод законов по печати. Брала этот фолиант на случай неожиданного прихода полиции в типографию. Законы о печати изучила. Важно любой ценой выиграть время, пока печаталась газета.

В типографии слышался ровный гул машин. Громоздкая ротация стальными лапами переворачивала листы. Пахло скипидаром и краской. По узенькому мостику-лестнице поднимался печатник, вытирая руки промасленной тряпкой. В полуосвещенных углах типографии рабочие — распространители газет.

Неторопливо переговариваются, держа во рту незажженные папиросы. Конкордия подсаживается к знакомым путиловцам.

— Как вынесем? — спрашивает обеспокоенно.

— Вынесем... Дело привычное, товарищ Наташа.

Конкордия смотрит на парня. Вихрастый, щупленький. В засаленной кепочке и потертом пальтишке. Молодец. Придумал интересную систему. Неподалеку от Ивановской завел «передаточный пункт» — квартиру, в которую доставляет газеты из типографии, а потом уж разносит их по городу. Парень организовал «тройку» — один носит пачки, другой сторожит, а третий доставляет по заводам...

— Сколько отпечатали, Еремеев? — нервничает Конкордия, окидывая изучающим взглядом газетную кипу.

— Пятую тысячу кончаем!

— А сколько вынесли?

— Почти четыре... Пожалуй, пора, а то нагрянут.

— Пора! Скоро и рассыльный вернется...

Разносчики ожили вмиг. Засуетились. Засовывали газеты под пиджаки, пальто, перевязывали ремнями. И пополневшие уходили черным ходом, а там пустырь...

Комитет по делам печати размещался на Моховой. Рассыльный с номером ушел, и Конкордия ждала его возвращения. Надежды на разрешение не было. Конечно, и этот номер «Правды» конфискуют. Конкордия слышала, как хлопнула входная дверь, подбежала к машине, подхватила пачку газет. Быстро начала подниматься вверх: не столкнуться бы с полицией. Может быть, удастся припрятать на чердаке, а то и в редакции газеты. Проверено не раз.

Дверь распахнулась. Вошел ротмистр, заспанный, злой. В его продолговатых с узким прорезом глазах насмешка. Ротмистр выпячивает нижнюю губу, говорит нагло:

— Однако товарищи галантностью не отличаются... Позволить даме таскать такие пачки газет, да еще конфискованной цензурой!

Конкордия медленно спускается вниз. Ротмистр новый. Значит, не знает, на какой машине печатают «Правду». В типографии три ротации, поди разберись...

— Занять все выходы! — гремит ротмистр, увидев, как из печатного цеха выскальзывают люди со свертками под пальто.

Громыхиув шашками, городовые занимают выходы.

— Распоряжение о конфискации сегодняшнего номера! — обращается ротмистр к Конкордии. — Где печатают газету?

— А какую газету конфискуют?

— Не извольте беспокоиться, «Правду»!

— На каком основании? — Конкордия старается выиграть время.

Еремеев невозмутимо стоял у ротации, следил, как выполняла черной лентой газета.

— На основании статей тысяча тридцать четыре и сто двадцать девять — опубликованне недозволительных материалов... — отвечал ротмистр скороговоркой.

Он покосился на Конкордию, подошел к ротации.

— Что за газета? — Ротмистр налетел на пустой ящик, зацепился, выдрал клоч шинели, сердито выругался.

Печатник включил мотор, и ротация оглушительно загудела. Еремеев стоял спиной. Офицер отошел. Конкордия видела, как он остановился у машины, где печаталась газета ликвидаторов «Луч»... Повертел газету. Козырнул. Побежал в дальний угол. Там выпускалась меньшевистская газета. Взял оттиск, просмотрел. Махнул рукой.

Опять вернулся к ротации, выпускающей «Правду». Еремеев поднялся наверх, отнес пачку газет. Городовой пытался его задержать, но он свирепо прокричал, что это для редакционных нужд. Пропустили.

У Конкордии забилося сердце. Остановят. Остановят! Заберут отпечатанные номера, и тысячи рабочих не увидят «Правды»... Как огорчится Владимир Ильич, когда узнает, что номер опять конфисковали.

— Покажите постановление о конфискации номера! — требует Конкордия, преграждая ротмистру путь к ротации.

— С кем имею честь разговаривать? — Ротмистр помолчал и многозначительно добавил: — У меня есть распоряжение не только о конфискации номера, но и об аресте ее редактора.

Конкордия тяжело вздохнула — значит, опять или крупный штраф, или трехмесячный арест редактора.

С болью смотрела она, как ротмистр оттеснил Еремеева, как звал печатника. Тот притворился глухим. Машину остановили. После гула непривычная тишина. Только лишь громахала в дальнем углу машина с ликвидаторским «Лучом».

Городовые подняли лом, разбили набор. Послышался ре-

жуший удар металла... Городовые в мешки засовывали отпечатанные номера. Во дворе в ночной тьме вспыхнул костер из конфискованных номеров газеты «Правда».

14 августа 1913 года. Газета наша, что называется, на ладан дышит и переживает какую-то агонию, но духом мы все же не падаем и сдаваться не думаем. Хотя газета ежедневно конфискуется, но все-таки она расходится среди петербургских пролетариев в 21 и более тысяч; № 10 (неконфискованный) разошелся в количестве 36 000, № 11 — 35 500. Тираж, во всяком случае, не падает, и только конфискации сокращают его почти наполовину. Что касается убытков, которые несет газета, то хотя они очень велики, но зато очень велики и пожертвования. Никогда еще рабочая газета не встречала такого сочувствия и материальной поддержки, как теперь.

Деньги и приветствия сыплются буквально как из рога изобилия; бывает, что за один день, за каких-нибудь 2—3 часа приносят 240—300 рублей пожертвований. Сейчас я пишу Вам письмо, а тут все время приносят и приносят деньги. Такое отношение, естественно, вселяет в нас бодрость и готовность бороться во что бы то ни стало. Рабочие так свыклись и срослись с газетой, что она стала для них неотложной и необходимой потребностью; потеря газеты для них равносильна была бы самоубийству. Убытков благодаря пожертвованиям мы не терпим и существовать пока можем, а это только и требуется. До Думы как-нибудь протянем, а там и дальше надеемся существовать.

Конкордия внимательно перечитала письмо, адресованное Владимиру Ильичу Ленину. Писала ночью, отложив газетную полосу. На темном августовском небе сиял серебряный рожок месяца. Конкордия еще раз пробежала письмо глазами и начала шифровать...

Конкордия в черном строгом платье. Низкая кокетка выстроена мелкими складочками. Воротник высокий, глухой. Белое шитье оттеняет матовый цвет лица. Озабоченно пишет. За окном мороз. Стоял конец февраля, снежного, с буранами и сильными ветрами. Весь этот месяц Конкордия провела в напряжении. Приближалось 23 февраля, день Международ-

ной солидарности женщин. Лекции, рефераты, доклады, которые решили провести в Петербурге, приобщили бы женское движение России к социалистическим организациям Европы.

Особого попечения требовал журнал «Работница», первый номер которого приурочивали к 23 февраля. Журналом интересовался Владимир Ильич. Конкордия видела макет «Работницы». Скромный, малого формата, без обложки. Журнал наминал сложенную вчетверо газету, но он был свой, партийный, женский.

Сегодня последняя редколлегия. Конкордия торопливо просмотрела статьи, аккуратными стопками сложила их в портфель. Она уже собралась уходить, как в дверь постучали.

Она распахнула дверь. На пороге работница с фабрики «Треугольник». Молодая. Круглое улыбчивое лицо. Веселые серые глаза в черных ресницах. Сквозь густой румянец едва заметные веснушки. Выющиеся рыжеватые волосы.

Конкордия обрадовалась:

— А-а, Мария Пелагеевна! Садитесь... Что так долго? Думала, не дождусь...

— Еле добралась. На Садовой у Инженерного замка случай-то какой. Шел наш наладчик с фабрики. Хворый. Чахоточный. По улице-то ходит, держась за стеночки. А тут после отравления на заводе совсем никуда. Еле ноги передвигает. И вдруг конные городовые мчатся к Марсову полю разгонять демонстрантов. Видно, путиловцы бастуют. Впереди офицер, злой как черт. Соскочил с коня да к нашему наладчику. «Сволочь! Демонстрант!» — толкнул его с панели. Тот закашлялся, кровь горлом... Побелел как мел и лежит. Я подбежала. Офицер и меня ударил. Тут толпа, кто возмущается, а кто и кулаки готов в ход пустить. Ну, офицер, ясное дело, ускакал, а наладчика без сознания отвезли в больницу...

— Мерзавцы, до чего распоясались! Бить рабочего... — Конкордия яростно потеряла переносицу. — И это называется «порядок, который взял верх над беспорядком»... Вам придется рассказать об этом случае на собрании в Калашниковой бирже. Там соберутся работницы многих фабрик и заводов.

— Ой, что вы, Наташа! Не могу на людях говорить, не умею. Какой я оратор?! — Женщина испугалась. Щеки побледнели, и веснушки стали заметнее. — Нет... Нет...

Конкордия смотрела на нее с улыбкой. Чутьем понимала, что Мария Пелагеевна будет партийным работником. Нужно

только поверить в свои силы, а для этого необходим случай. Конкордия подождала, пока она выговорится, спросила:

— Что на «Треугольнике»?

— Администрация ввела новую мазь. Экономить начали. Вместо бензина положили какой-то яд. Работницы мечутся у машин, дышать нечем. В цеху ползет белый зловонный пар. Двести работниц потеряли сознание. Падают. Из рта кровь, из носа кровь... Кто посильнее, тот из цеха на лестницу. А на лестнице чугунные колодки. Кровь... Стоны... Мужиков пригнали из других цехов. Начали те таскать баб в амбулаторию. Да какая амбулатория — смех один! Диван деревянный да стеклянная перегородка. Клали баб на пол вповалку. Обливали холодной водой, нашатырь давали нюхать. Работу приостановили. Женщин выпустили за ворота. Тут сразу набежал народ. Все кричат, ругаются, хотят узнать, что с родными. Мастер кричит: «Ничего, иди. Если упадешь — городской подберет!» А к народу вышел хозяин. «Сами во всем виноваты! Падают женщины нарочно, работать не желают, а яд в мазь насыпали сами...» Что тут поднялось! А хозяин-то и брякнул: «Тогда от великопостной жизни!»

— Вот это правильно! Действительно, жизнь «великопостная»! Галошницы в день получают шестьдесят копеек... Великий пост наложен капиталом. Только сплоченностью можно одолеть «великий пост» и «страстную неделю»... Вот, милая Мария Пелагеевна, вы и подготовились к выступлению... Увидите, как вам работницы обрадуются.

Небо яркое, лазоревое. Солнце стояло высоко, бросая прямые короткие лучи в камеру новой женской тюрьмы. Конкордия, сощутив чуть раскосые глаза, крепко обхватила руками решетку. Жадно вглядывалась в светло-синюю высь.

Опять за решеткой, опять в тюрьме.

Высокий женский голос негромко выводил «Лучинушку». По голосу узнала Куделли, сидевшую в соседней камере на одном этаже с нею. Слова у «Лучинушки» новые, незнакомые:

Полно! Довольно про горе ты пела...
Прочь этот грустный, унылый напев,
Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев.

На прогулочный дворик выскочил старший надзиратель, сложив руки рупором, прокричал:

— Пес-ню! Пес-ню пре-кра-тить!

Песню не прекращали. В разных концах тюрьмы вступали все новые голоса:

Зреет в народе могучая сила,
Край наш стоит на широком пути,
То, что страдалица-мать выносила,
Сын-богатырь не захочет снести...

По двору забегали надзиратели. Черные мундиры. Блестящие пуговицы. Неуклюжие. Крикливые. Теперь уже вся тюрьма слаженно вторила:

Мысли живой не задушит в нем голод,
Сил молодых не надломит борьба.
Смело возьмет он тяжелый свой молот
И разобьет им оковы раба!

Надзиратели грозили кулаками. Слов не разобрать. Тюремный дворик заполнила песня. В двери застучали. Послышались крики. Начали разводить арестанток по карцерам.

Конкордия схватила со стола железные тарелки, звучно ударила ими. Ширился звон. Камеры грохотали. Падали табуретки, летели скамьи, хлопали крышки столов, привинченные к стене.

В новой женской тюрьме началась обструкция...

В тюрьму Конкордия попала прямо с заседания редколлегии журнала «Работница». Собрались на квартире Прасковьи Францевны Куделли, на Старо-Невском. Начали разбирать материалы. В прихожей послышался шум. В комнату ввалился толстый пристав. Сделали обыск и всю редколлегию препроводили в новую тюрьму. Как шутили в тюремной канцелярии, преподнесли в подарок к Женскому дню. Куделли, Драбкина, Розмирович, Артюхина...

Виновными себя никто не признал. У Куделли собрались случайно. Ротмистр бесновался. О редколлегии даже и не слышали! Конкордия с удовольствием вспоминала яростный и бес-

помощный взгляд ротмистра. Она твердила, что с Куделли виделась считанные разы, познакомилась всего лишь год назад в литературном обществе. У ротмистра от такой наглости глаза полезли на лоб. А Конкордия совала ему билеты на вечер в зал Федоровой, разрешенный санкт-петербургским градоначальником.

Ротмистр держал ее портфель, набитый рукописями, требовал объяснения. Но объяснение было невинное — статьи для газеты «Путь правды», в которой она работает секретарем.

Ротмистр озлобленно составлял протокол, уязвленный редкостной корректностью арестованных. А когда дошел до квартиры Куделли, то его подняли на смех. Оказывается, квартиру Куделли никто из посторонних не посещал. Был случай, когда швейцар не захотел за поздним временем пустить человека, но человек-то оказался его родным братом! Это выяснилось на следующее утро. Брат разобиделся — ему пришлось провести ночь под открытым небом...

Вчерашняя обструкция не была случайностью. Политические отмечали день Первого мая 1914 года. Накануне родственники потихоньку приносили какие-то свертки. Окна камер, обычно облепленные заключенными, в эти дни пустовали. Даже вечернего пения не устраивали... Первого мая тюрьма преобразилась. Железные решетки, выходящие во внутренний дворик, увиты красными лентами. Конкордия старательно мастерила флажок, разрезав на равные полосы красную кофту, случайно оказавшуюся на ней в день ареста. Красные полоски розданы по камерам.

Она выглянула во дворик, сердце радостно дрогнуло. Почти каждое оконце алело красным флажком, красным бантом или живым цветком. На угрюмом сером камне красный цвет особенно ярк и праздничен. Надзирательницы вывели первую партию на утреннюю прогулку. Конкордия прилепилась к окну. На узницах цветастые косынки, красные банты на груди... Она протянула руку с флажком, приветствуя столь небывалую в тюрьме демонстрацию.

— Да здравствует рабочая партия! — закричала весело.

По тюремному дворику понеслась песня. Звонкая, майская. Из караульного помещения выбежал офицер. Грозно что-то прокричал надзирательнице. Появились солдаты. Они начали

теснить женщин к тюремному корпусу. Конкордия возбужденно размахивала руками. На решетках приветливо трепетали красные флажки. Выстроившись в каре, солдаты дали холостой залп.

Полились мощные и широкие звуки:

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!

СНОВА МОСКВА

Поздняя осень разбросала медными пятаками опавший лист. В сыром холодном воздухе чувствовалось дыхание первых морозцев. На желтом ковре, устилавшем дорожки Кремлевского бульвара, серебрились изморозью жесткие кустики травы. Глухо шумела Москва-река, накатывая на парапеты набережной маслянистые волны. Неподвижными красными гусеницами застыли трамваи с фанерными щитами вместо окон. Рябели от пулевых вмятин зубчатые древние стены. Развороченная артиллерийским снарядом, зияла чернотой Спасская башня.

Засунув руки в карманы широкого серого пальто, по дорожке задумчиво шла высокая женщина. Неторопливо поправила прядь каштановых волос. На широкоскулом лице ее с правильными чертами искрились карие, чуть раскосые глаза. Неровный изгиб широких черных бровей, твердый упрямый рот. Полной грудью вдыхала Конкордия морозный воздух, с радостным удивлением осматриваясь по сторонам.

Вновь она в Москве, где столько дорогих воспоминаний. Баррикады пятого года. Артиллерийские раскаты первой революции. Пряталась по конспиративным квартирам, стреляла из пистолета. Носила оружие и листовки по улицам, сотрясавшимся от обстрелов, перевязывала раненых и укрывала дружинников... Через год судьба вновь забросила ее в этот город, теперь после побега из вологодской ссылки. Пожалуй, это были самые тяжелые месяцы в ее жизни. Партийную организацию разгромили, восстанавливать ее приходилось по ниточке,

За побег ждала каторга. Она жила на нелегальном положении, скиталась в поисках ночлега, укрываясь от шпиков, заполнивших «первопрестольную»...

После Октябрьской революции Конкордия не раз собиралась приехать в Москву, да дел навалилось великое множество.

И вот теперь, в ноябре 1918 года, Конкордия наконец-то здесь. На дорожках с желто-багровой листвой потрескивал кирпич, на который она наступала тупорылыми ботинками. Ботинки новые, из грубой юфты, на резинках, с матерчатыми ушками, отчаянно жмут. Она получила их по талону в Петрограде, как делегат Всероссийского съезда женщин.

Из Петрограда поезд уходил рано. Сыпал мелкий дождь с мокрым снегом. Пристанционные здания с черными провалами окон. Заколоченные подъезды. Мертвые паровозы. Покореженные составы. На перроне стоял ее муж Аркадий Александрович. На путях блестящий состав из пяти вагонов, поданный для женской делегации. Лакированная обшивка вагонов. Сверкающий вороненой сталью паровоз с красными колесами — личный поезд царицы Александры Федоровны.

Петроградская делегация большая. Женщины в потертых пальто разглядывали блестящий поезд, не решаясь взяться за медные поручни. Удивили их и просторные салоны, затянутые белым атласом. Огромные зеркала в золоченых рамах. Инкрустированные серебром столики красного дерева. Пушистые, словно первый снег, ковры.

Конкордия махала рукой Аркадию Александровичу, прижавшись лицом к стеклу. В этом царстве света и роскоши чувствовала себя неуютно.

Бесшумно отошел поезд. Белым пятном расплывалось лицо мужа. Делегатки сидели притихшие, смущенные. Впрочем, это продолжалось недолго. На атласные подушки с золотыми цветами сбросили заштопанные шерстяные платки. Сняли со столика мраморную Венеру, отодвинули бронзовую лампу, увешанную хрустальными бусами. На столик легла ученическая тетрадь. Делегатки, сгрудившись, диктовали Конкордии приветствие Всероссийскому съезду, старательно ставили подписи. Крупные, корявые буквы на листке ученической тетради.

Москва делегатов встретила приветливо. На Николаевском вокзале громыхал оркестр, развевались красные знамена. И тут же на вокзале Конкордия узнала, что совещание отло-

жили: не закончил работу Шестой Чрезвычайный съезд Советов. Делегатки получили приглашение на Красную площадь, на которой должен был состояться первый парад Республики.

И сегодня, в день парада, Конкордия с удовольствием прошла вдоль Кремля. По крутому подъему поднялась на Красную площадь. Высоко в голубой выси застыли витые разноцветные купола храма Василия Блаженного. Искрился первый снег на широких плечах Минина, защищавшего бронзовой грудью Москву. Белело Лобное место с крутыми каменными ступенями.

У кремлевской стены, у невысоких холмиков братских могил, покрытых седой от инея травой, стояла горстка людей. Конкордия сразу увидела Владимира Ильича Ленина. Черное пальто с каракулевым воротником, черная каракулевая шапка. На отвороте воротника у Ильича алел красный бант. Засунув руки в карманы, Владимир Ильич оживленно переговаривался с Яковом Михайловичем Свердловым. Конкордия узнала Свердлова по черному кожаному костюму. Ладный, подобранный, в черной коже, он казался литым из чугуна. Свердлов увидел Конкордию, улыбнулся. Владимир Ильич обратился с каким-то вопросом к Надежде Константиновне. Яков Михайлович подошел к Конкордии. Быстрым движением стянул кожаное кепи. Густые волнистые волосы падали на высокий лоб. Темные глаза мягко смотрели сквозь стекла пенсне.

— Слышали о событиях в Германии? — пророкотал его бас. — Все это может закончиться только революцией!

— «Тираны дрожат, их короны, как призраки, тают!» — посмеиваясь, ответила Конкордия.

— Уитман? — деловито осведомился Свердлов и, задумавшись, подтвердил: — Конечно, Уитман.

— А Красную площадь не узнать! — заметила Конкордия. — Помолодела площадь: красные транспаранты, кумачовые стяги, цветы...

— Маркс говорил, что парижские коммунары штурмовали небо, — вновь забасил Свердлов. — Мы штурмовали и небо и землю!

— И небо и землю! Хорошо!..

— Двенадцаты! Первый парад в истории освобождения человечества! — Свердлов подносит к близоруким глазам карманные часы, щелкает крышкой.

Воздух, прозрачный и синий, содрогается от грома оркестров. На Красную площадь через Иверские ворота вливаются потоки демонстрантов. Колышутся красные знамена. Гул голосов ширится, накатываясь и множась. Конкордия счастлива. Смущенно протирает глаза, радостно пожимает руку Свердлову.

— Мы знали столько лет лишь борьбу без победы...

— А теперь победа, Конкордия Николаевна! По-бе-да! — раздельно замечает Свердлов. — Таков исторический ход событий.

Бесконечной лентой движется людской поток. Трепещут красные знамена, блестят медью трубы оркестров. Из лазурной сини доносится рокот аэроплана. Конкордия поднимает голову и видит, как неуклюже плывет аэроплан, похожий на стрекозу. В морозном воздухе белые разводья. На площадь, медленно кружась, падают листовки.

Мимо братских могил, которые выросли в дни октябрьского штурма Кремля, шли рабочие. Четко печатали шаг. Винтовки за плечами и красные звездочки на фуражках. Держали равнение на Владимира Ильича красные курсанты. Солдатские шинели, кожаные португеи. Любовно вглядывался Владимир Ильич в красных курсантов.

Четким строем прошли красноармейцы. На солнце поблескивали штыки, начищенные пряжки кожаных ремней. Выправка бравая, а шинели потемнели от порохового дыма, дырявые сапоги обмотаны проволокой, пролетарские полки одеты разномастно... Трудно... Тяжело... Но какая сила и уверенность в их движениях! Владимир Ильич приветливо поднял руку.

Прогрохотав по крупному булыжнику, артиллерийские лошади протащили пушки. Тупорылые стволы поблескивали вороненой сталью. Бородачи-артиллеристы в лихо заломленных фуражках. Дробный перестук звонко раздавался по площади. Из-за Иверских ворот ворвалась конница. Гарцуют и пританцовывают лошади, сверкают остроконечные клинки. Конники, перехваченные ремнями. Эскадрон за эскадроном.

— Такая армия будет непобедима! Красные командиры, дети народа, будут иметь среди солдат авторитет! — доносится до Конкордии глуховатый голос Ильича. — Теперь не нужно больше бояться человека с ружьем. Царское офицерство ничего общего не имело с солдатами. Теперь мы едины и наша армия непобедима.

Переливчато перекликаются оркестры. Идут рабочие в кожанках и пиджаках, опоясанные широкими солдатскими ремнями с черными патронташами на боку. Замелькали красные косынки рабочих. Конкордия подалась вперед. Неторопливо, приветливо размахивая руками, мимо братских могил проходила колонна женщин-работниц. Ветер, словно парус, надул стяг:

МЫ ПУТЬ ЗЕМЛЕ УКАЖЕМ НОВЫЙ —
ВЛАДЫКОЙ МИРА СТАНЕТ ТРУД!

Заискрились серые глаза Надежды Константиновны. Она высоко подняла руки, аплодирует. Женщины идут, не отрывая глаз от Владимира Ильича. Не беда, что нет стройности в их шеренгах, что нет четкого шага... К удивлению Конкордии, женщины запели «Дубинушку»:

Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину,
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.

Поют звонко, весело. Лица радостные, молодые. Запрыгали золотистые смешинки в карих глазах Ильича.

— Прав, бесконечно прав Бебель: не может быть полного освобождения человечества без установления социальной независимости... Работницы на Красной площади! — обращается Конкордия к Надежде Константиновне. — На митингах в Петрограде работницы много добрых слов сказали делегаткам.

— Женщин поставим на службу социализма! Это давнишняя мечта Владимира Ильича. Но прежде их нужно раскрепостить — ясли, детские сады, общественное воспитание... А то интересы у большинства ограничены рамками семьи... В деревнях, как мне однажды сказали, кроме колодца, куда ходят за водой, и пойти-то некуда.

Могучей рекой разлилась демонстрация у невысоких холмиков братских могил, обтекает Лобное место и уходит далеко-далеко за собор Василия Блаженного.

В Благородное собрание, где начинал свою работу Всероссийский съезд женщин, Конкордия пришла пораньше. Беломраморная лестница покрыта красной суконной дорожкой. В плетеных корзинах голубые шапки гортензий. Огромные зеркала в медных окантовках отражали женщин, поднимавшихся на второй этаж. У большинства на головах красные платочки. По натертому паркету осторожно шла крестьянка в темной самотканой юбке и кофте с пышными буфами на рукавах. Голова низко повязана черным платком, поверх него — красная косынка.

Конкордия, пряча улыбку, отворачивается.

— Товарищ Наташа! На-та-ша!

Конкордия всматривается в толпу. Энергично работая локтями, к ней направляется невысокая женщина. Круглолицая, смеющаяся. Лицо знакомое... Конкордия старается припомнить... Конечно, она. Екатеринослав, 1903 год. Арест на квартире в Человке. Чистенький, выбеленный известью домик, рабочий кружок. Конкордия радостно шагнула навстречу. Обнялись, расцеловались.

— Все там же, в Екатеринославе, под паровозные гудки просыпаетесь? — пошутила Конкордия.

— Да нет. Крестьянствую. Муж погиб, мальчонка чахоткой заболел. Вот и подалась в деревню крестьянствовать.

— Ну и как?

— Меня в комбед выбрали...

Колонный зал залит светом, переливаются люстры. Тяжелыми складками падает бархат знамен с массивными золотыми кистями. Строгий ряд беломраморных колонн. Под высокими сводами перекачивается глухой гул. В широко раскрытые двери вливаются делегатки. По бархатным дорожкам шаркают ноги в тупорылых ботинках и резиновых ботах, сапогах и лаптях. Идут женщины. Молодые. Старые. В потертых шерстяных платьях и застиранных ситцевых кофточках.

Напротив главного входа на возвышении президиум. Большой длинный стол под красным сукном утопал в живых цветах.

Конкордия любит цветы. Особенно хороши белые хризантемы, пушистые, словно завитые. Слышатся радостные приветствия, оживленные голоса. Колонный зал, строгий и

чинный, напоминал сегодня потревоженный муравейник. Сколько счастливых лиц, радостных глаз, смеющихся губ! Вот она, поднялась матушка-Россия!

Конкордия заметила питерских делегатов, решила до начала совещания побыть с ними. Покрепче прижала папку к груди и двинулась сквозь поток. Ее перехватил Яков Михайлович Свердлов.

— Скоро начнем, Конкордия Николаевна,— пробасил, поправляя высокую дужку пенсне.— С приветствием от Центрального Комитета поручено выступить мне.

— Очень рада!

Яков Михайлович взглянул на ее разгоряченное лицо, дружески взял за локоть:

— Волнуетесь? Наконец-то в женском движении начинается период бури и натиска.

Конкордия кивнула.

Свердлов закашлялся, глухо, надрывно. Тревожно покосилась на него. Бледный, худой, с пожелтевшей кожей и воспаленными от бессонницы глазами. «Болезнь дает себя знать»,— с грустью подумала она.

— «Период бури и натиска... Бури и натиска...» — повторили рядом.

Конкордия оглянулась. Обрадовалась.

— А, Емельян!

Ярославский стоял высокий, рослый. Сильные крутые плечи плотно обтягивала черная косоворотка. В серых глазах радостное ожидание.

— Как с докладом, Емельян? — поинтересовалась Конкордия.— Доклад президиум приурочивает на третий день... Именно среди женщин религия имеет глубокие корни. Да не мне вам объяснять. Очень нужно умно и доходчиво рассказать делегатам правду о религии. История русской женщины-работницы...

— История! История!..— перебил Конкордию Емельян, пожевывая русский ус.— «Исторический путь не Невский проспект...»

— «Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»,— с улыбкой досказала Конкордия любимые ею строки Чернышевского.— И все же, если вы сумеете донести до сердца русской работницы вред поповщины, презрение церкви к иноверцам, то

партия получит горячих сторонниц в борьбе за отделение церкви от государства.

Емельян покачивал крупной головой. Вопросы религии его интересовали с давних пор. Еще в якутской ссылке написал немало статей по истории и происхождению религии.

— Так договорились? Доклад о религии за вами... Что слышно о Клавдии Ивановне?

Конкордия знала, что Клавдия Ивановна, жена Ярославского, находилась где-то в отъезде. Ярославский жену горячо любил и сильно тосковал.

— На Северном Урале Кирсанова, в Надеждинске. Положение там отчаянное: голод, беляки напирают. Недавно вывез оттуда детишек, а Клавдичка осталась. Сутками не выходит из Совета. Голод... Контрреволюция голову подняла. Конечно, и в Надеждинске нужно кому-то работать, но плохо детишкам без матери...

Конкордия смотрела на Ярославского с сожалением: знала, детишек ему приходилось брать даже на артиллерийские маневры. Одиночество переносил тяжело, но больше всего ему доставляли страдание голодные глаза девочек.

— Вы знаете, Конкордия Николаевна,— вновь заговорил Ярославский.— Марьяна на деревья Нескучного сада смотрит с завистью. Да, да, завидует, что липы уж очень-то толстые. «Ишь как они разъелись!» Когда мы сумеем накормить республику?

— В Москве, говорят, увеличивают хлебный паек на четверть фунта...

— Увеличение пайка на сто граммов — это проблема номер один! — пробасил Свердлов, вновь появившийся из толпы.— Кстати, нужно монастыри отдать под приюты.— Он вынул маленькую книжечку и тонким карандашом сделал запись.— Надежда Константиновна приехала.

Надежда Константиновна с мягкими, добрыми глазами приветливо поздоровалась. Конкордия, зная Крупскую с давних пор, расстроилась, увидев, как похудела и осунулась она за дни болезни Владимира Ильича.

— Какой славный день! Прошел уже год после революции, а для подлинного раскрепощения женщины сделано мало.— Надежда Константиновна сокрушенно покачала седеющей головой.

— Годовщина революции! — Ярославский засмеялся в пу-

шистые усы. Серые глаза его потеплели, заискрились. И, улыбнувшись какой-то своей мысли, он повторил: — Годовщина!

— Как Владимир Ильич? Будет ли на съезде? Делегатки так ждут встречи с ним.

— К сожалению, он не очень-то хорошо себя чувствует. Дел множество, но обещался... Да, Конкордия Николаевна, мне показали стихи, посвященные пролетаркам. Написала их работница Берсеневской фабрики. Передаю вам, как старому правдисту. Кстати, автор стоит у третьей колонны.— Надежда Константиновна разыскала женщину глазами, кивнула ей.— Поговорите, пожалуйста, ведь первый опус!

Крупская отошла. Свердлов вновь исчез в толпе. Ярославского отозвали. Конкордия направилась к работнице, на которую ей указала Крупская. Женщина была молодой, с голубыми мечтательными глазами.

— Ваши стихи Надежда Константиновна передала мне.

— А можно мне их вам прочитать? Умру, если сегодня не узнаю ответ.

Конкордия рассмеялась, махнула рукой:

— Читайте, что с вами поделаетесь!

Женщина откашлялась. Лицо ее побледнело. Покачивала головой, прикрыв глаза:

Трудиться нам не привыкать,
Труд страшен только барам.
Спешите ж, сестры, помогать
Героям-коммунарам!

Вперед, к всеобщему труду!
Вперед, к мечте заветной!
Скорее свалим с плеч нужду,
Вперед же, к жизни светлой!

Женщина замолчала. Глаза ее с надеждой и беспокойством смотрели на Конкордию. На лице ожидание, волнение, страх. Конкордия пожалела ее. Мягко положила руку на ее плечо, взяла листок, пробежала глазами.

— Что ж, по мысли стихи интересные. Только вот форма... Учиться нужно, непременно учиться... Стихи оставлю у себя. Вечерком встретимся.

Женщина вспыхнула. Конкордия положила стихи в папку. Прозвенел звонок.

...В Колонном зале торжественная тишина. Конкордия сидела в президиуме, оглядывала зал. Вот они, делегатки, собранные со всех уголков России. Скромные. В красных косынках. С блокнотами в руках. Слушают внимательно.

На трибуне пожилая женщина в трауре. Конкордии виден ее строгий профиль и седые локоны высокой прически. Это Кистеннен, возглавляющая финляндскую делегацию. Волнуясь, рассказывает она о зверствах реакции. Восстание в стране, вспыхнувшее после революции в России, подавлено. Белый террор пронесется снежным вихрем. Тысячи замученных, тысячи обездоленных. Расстрелы без суда и следствия. По дорогам бредут нищие, голодные дети, родители их за колючей проволокой концентрационных лагерей. Братские могилы русских и финских коммунистов сровняли с землей. Депутаты сейма в тюрьмах. Но рабочие Финляндии не теряют надежды на будущее...

В зале грозная тишина. Замерла Конкордия. Плачет поэтесса. Горестно покачивает головой Крупская. Вновь кровь. Вновь борьба...

По рядам пронеслось волнение. Делегатки поднялись. Горькая минута молчания. Горькая минута памяти павших. Высоким сильным голосом Конкордия, не отрывая глаз от Кистеннен, запела:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!

Под мраморными сводами ширится песня. Низко склонили головы делегатки. По щеке Конкордии покатилась слеза. На трибуну поднималась девушка. Лицо ее Конкордия разглядеть не могла за огромным букетом белых хризантем. Тишина взорвалась бурей овации. Девушка, низко поклонившись Кистеннен, протянула цветы. Красная косынка, красная лента в белых хризантемах. Кистеннен прижала к груди букет. Заплакала.

Новый день заседания. Сегодня Конкордия делала доклад и, как всегда, волновалась. И еще одно обстоятельство беспокоило ее — возможный приезд Владимира Ильича. Утром она

переговорила с Надеждой Константиновной. Уверенности не было. Владимир Ильич чувствовал себя после ранения неважно. Международная обстановка напряженная... В перерывах ей не давали прохода делегатки. Все ждали Ленина.

Конкордия, отбросив карандаш, начала разглядывать зал. В первом ряду все эти дни с края сидит пожилая крестьянка. Ноги обуты в лапти. Кофта с высокими буфами на рукавах из самотканой материи. Она не отрывает от оратора восхищенных глаз, аплодирует заскорузлыми руками. Рядом поэтесса, как шутливо ее величала Конкордия. Она словно выросла за эти дни. В «Правде» Конкордии удалось напечатать ее стихи. Товарищи посмеивались над столь горячей ее защитницей. Пустяки, человек крылья расправил! Будет учиться, какие еще вирши-то выдаст...

Колонный зал бушевал, грохотал. Неистово. Самозабвенно. В первом ряду сидел Владимир Ильич Ленин. В зал он вошел неприметно и пристроился рядом с крестьянкой в лаптях, за которой все эти дни наблюдала Конкордия. Крайнее кресло оказалось свободным. Владимир Ильич сидел в своей любимой позе, опустив руки в карманы брюк, и внимательно слушал докладчика, наклонив голову набок. Владимира Ильича узнали. Делегатки поднимались с мест. Аплодировали яростно, радостно. Владимир Ильич наклонился к женщине, она зарделась от смущения, но слушала спокойно, достойно... Овации не прекращались. Владимир Ильич вынул из кармана часы. Удивленно покрутил головой и, поднявшись, направился к трибуне. Ильич на трибуне! На трибуне после этих страшных дней болезни. На похудевшем лице еще заметнее широкие скулы. Владимир Ильич поднял руку, приветствуя делегатов. Зал грохотал. Зал содрогался от восторженных криков. Окинув зал зорким взглядом, чуть опустив уголки губ, Ильич ждал. Овации нарастали. Владимир Ильич с надеждой посмотрел в президиум. Конкордия перехватила его взгляд, беспомощно развела руками.

— Ура товарищу Ленину!

— Да здравствует вождь мирового пролетариата!

Зал грохотал. Казалось, покачнулась огненная люстра, вот-вот рухнут белокаменные балконы! Их облепили делегатки, яркими маками вспыхивали красные косынки, которыми размахивали женщины. Крупская стояла рядом с Конкордией. Она аплодировала, мягко улыбалась. Подобранная, в строгом

черном платье. Гладко зачесанные русые волосы с легкой сединой. Умные серые глаза, упрямые складки у рта.

Наконец Владимир Ильич показал залу часы и решительно замахал руками, требуя тишины. Тишина наступила неожиданно. Ильич заговорил, низко перегнувшись через трибуну, словно пытаясь поближе рассмотреть делегатов. Это была его любимая манера разговора. Ильич умел покорять зал.

— Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины. Советская власть делает все, чтобы женщина самостоятельно вела свою пролетарскую социалистическую работу. Положение Советской власти трудно, поскольку империалисты всех стран ненавидят Советскую Россию и собираются на нее войной за то, что она зажгла пожар революции в целом ряде стран и сделала решительные шаги к социализму.

Широкой ладонью Ленин рубил воздух.

— До сих пор никакая республика не могла освободить женщину. Советская власть помогает ей. Наше дело непобедимо, так как во всех странах поднимается непобедимый рабочий класс. Это движение обозначает рост непобедимой социалистической революции!..

Владимир Ильич замолчал. Шквалом оваций ответил зал. Он мягко улыбнулся, разгладил морщинки у глаз, поднял руки и аплодировал делегатам. К трибуне бежали женщины с белыми пушистыми букетами. Хризантемы. Владимир Ильич сошел с трибуны, принял цветы и тут же положил их на красное сукно в президиум. Крепкий и широкоплечий, Ильич быстро и дружелюбно отвечал на приветствия.

Торжественная и величавая мелодия «Интернационала» поплыла над залом. Делегатки пели. Владимир Ильич пел вместе с работницами. Просто. Строго.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Ее разбудили ночью. Почтальон, закутанный в черный башлык, покрасневшими пальцами открывал сумку. Телеграмма. Конкордия зябко вздрагивала, не решаясь ее распечатать. Аркадий Александрович уехал на юг закупать продовольствие для голодающего Петрограда. Ее все время не покидала тре-

вога. Почтальон протянул потертую книжку, попросил расписаться. Конкордия высоко держала подсвечник с зажженной свечой. Желтоватый свет выхватывал из темноты лицо почтальона, опухшее от голода, со слезившимися глазами. Электричества в городе не было, и зимние предрассветные сумерки покрывали вещи серыми, неуютными тенями.

Конкордия несколько раз перечитала телеграмму, от волнения плохо понимая смысл.

«Здоровье наступило ухудшение пришлось задержаться лазарете приезжать тебе пока не надо посылаю заказное письмо адрес Иоанновский монастырь лазарет мне Аркадий».

Она долго сидела на низком креслице. На байковый халатик натянула шерстяной платок, ноги засунула в черные валенки. Руки покрылись липким холодным потом, а сердце сжималось от тягостного предчувствия. Подсвечник она поставила на стол. С оплывшей свечи крупными слезами падал воск.

Конкордия сняла со стены портрет мужа, долго всматривалась, словно пыталась узнать, каково ему там одному. Аркадий смотрел печальными глазами. Худобу лица подчеркивали черные усы и коротко остриженная борода. Последняя фотография... Она припомнила, как долго уговаривала сфотографироваться мужа перед отъездом, как старательно завязывала широким узлом галстук. Аркадий фотографироваться не любил. Наконец уступил, рассмеявшись, заломил лихо поля фетровой шляпы. Так и получилось — грустное, усталое лицо и лихо заломленная шляпа.

Собственно, на отъезде настояла она. Петроград голодал — осьмушка хлеба пополам с мякиной да жесткая конина на обед в губкомовской столовой. Аркадий Александрович голод переносил тяжело: на лице один нос да огромные синичищи под глазами. Ослабел он до такой степени, что как-то она приметила его на Колпинской, где они занимали квартиру, державшимся за стену дома. Она догнала его и, скрывая волнение, повела дальше под руку. Аркадий смущенно улыбался и шутил, пытаясь скрыть нездоровье. Вот тогда-то и решила, что дальнейшее голодание может оказаться для него роковым. А тут отправляли уполномоченных в Астрахань, и она уговорила его уехать. Потянулись дни, такие непривычные и унылые. Они договорились без нужды не расставаться. Прошел только

год, первый год в их жизни, когда они не расставались. Конкордия не могла привыкнуть к одиночеству. Комнаты казались непривычно большими и пустыми.

Путь через разоренную войной страну из Петрограда в Астрахань оказался невероятно труден. Поезда ходили нерегулярно, и никакого даже приблизительного расписания не существовало. Все, гонимые голодом и неустроенностью, бросились на юг. Подолгу стояла Конкордия у карты, рассматривая пункты и города, из которых Аркадий присылал письма. Писем и открыток было много — писал он с редкостной аккуратностью. Тонким, бисерным почерком рассказывал о выжженных солнцем степях, калмыцких юртах да караванах верблюдов... И наконец Аркадий написал, что в дороге удалось купить буханку хлеба! Буханку хлеба! После питерской голодухи отъедается и очень тревожится о ней. А как вкусно описывал он хлеб, темный, пахучий, хрустящий. Так может описывать только по-настоящему изголодавшийся человек. В дороге Аркадий ухитрялся доставать питерские газеты. Поздравил с милой шутливостью, что в Смольном в один день ей пришлось выступать с тремя докладами.

В Астрахани пригревало солнышко, а Аркадий тосковал по питерской зиме, студеной и снежной. На рыбных промыслах царила неразбериха. Аркадий нервничал, боялся, что не доставит питерцам астраханской воблы. И вдруг письма перестали приходить. Конкордия заволновалась. Забывчивостью или занятостью объяснить это было невозможно... Аркадия отыскали в лазарете Иоанновского монастыря. Дизентерия! Конкордия начала собираться в дорогу. Аркадий просил не волноваться, писал о несерьезности заболевания, о редкостной трудности долгого пути. Она дала себя уговорить. Письма начали приходить регулярно, спокойные и немного шутливые. Она начала поджидать его к Новому году домой. И вот телеграмма...

Эта неделя оказалась долгой. Письмо, о котором писал Аркадий Александрович, она не получила. Незнание томила, мучила, как тяжелая болезнь. «Тиф, непременно тиф! В Астрахани эпидемия!»

Конкордия ходила на почту, в серое здание, напоминавшее больницу. Почтальон, тот самый, что приносил телеграмму, каждый раз виновато разводил руками. В слезящихся глазах читала сострадание.

Письмо получила в воскресенье. Почтальон широко улыбнулся. Конкордия благодарно пожала ему руку и в волнении начала вертеть конверт. Увидев почерк мужа, успокоилась. Жив... Жив! Прижала конверт к груди и круто повернулась, боясь разрыдаться.

По Колпинской улице ветер гнал колючий снег. Конкордия остановилась у театральной тумбы, заклеенной декретами, разорвала конверт.

22 декабря.

Дорогая Дюси! Сегодня получил твою телеграмму, отправленную на имя Преображенского (муж Кочетовой). Каким образом телеграмма попала туда, совершенно не понимаю, но все равно. Сегодня же дал телеграмму ответную для отправки тебе, которую завтра должны отправить, и завтра же или послезавтра пойдет это письмо. Дело в том, что телеграммы идут бесконечно медленно по почте, чуть ли не целую неделю, а то и больше, потому по получении валяются где-то, пока не доставят. К сожалению, как видишь, я еще остаюсь в лазарете. Дело в том, что я совсем оправился от дизентерии и должен был дня через три совсем выписаться, как телеграфировал тебе. Я даже два раза уже выходил на улицу. Но в это время совершенно неожиданно у меня началось повышение температуры, которая систематически держалась и не падала. Пришлось опять слечь и отказаться пока от мысли о выходе из лазарета. Сначала врачи думали, что малярия, но потом выяснилось, что, возможно, у меня начинается тиф, которым я мог заразиться под конец своего пребывания здесь, в лазарете. Однако, несмотря на высокую температуру, я чувствую себя неплохо, довольно бодро хожу, читаю газеты и книги,— словом, провожу время так же, как и прежде. Не знаю, конечно, как будет дальше, но пока самочувствие хорошее. Конечно, поворот неожиданный и неприятный, так как придется, быть может, застрять здесь еще на неделю. Но что делать? Ты, дорогая, не падай духом и не отчаивайся, отнесись спокойно и мужественно, ведь в жизни всякое бывает. Я, по крайней мере, сам совершенно спокоен, перенес одну болезнь, окреп, надеюсь, что перенесу благополучно и другую. Старший врач тут прекрасный человек, хорошо ко мне относится и приложит, конечно, все старания, чтобы я выздоровел.

...Итак, дорогая, я умоляю тебя, не падай духом, будь бод-

рой и спокойной, ты ведь такая твердая духом. Надеюсь, что все обойдется благополучно, дай сроку. Будь здорова, крепко целую, пиши и жди от меня известий, но знай: и письма и телеграммы идут медленно.

Целую, обнимаю, твой Аркадий.

Конкордия долго смотрела на письмо. Почерк Аркадия казался незнакомым. Неровные размашистые буквы, косые строки. Конечно, писал в жару — буквы прыгали, словно больные. Поднесла письмо поближе, перед глазамиплыли скачущие буквы. Болен. Тяжело болен!.. Письмо Аркадия Александровича было последним...

После смерти Аркадия Александровича прошел год, самый тяжелый в ее жизни.

Конкордия упала, получив извещение о смерти Аркадия Александровича. Очнулась от едкого запаха нашатырного спирта. Губкомовская курьерша, приподняв ее голову, растирала влажной ваткой виски. Конкордия смотрела на нее ничего не видящими глазами. Потом повезли в больницу. Она не чувствовала январского холода, старалась распахнуть воротник пальто. Дышать было нечем, а перед глазами расплывались оранжевые круги... Наступили черные дни. Конкордия металась в беспамятстве, бредила, пыталась куда-то уйти. Ее привязывали простынями к кровати. Часто звала Аркадия, разговаривала с ним, словно он был рядом. И вновь наступала чернота. Никогда не увидит она своего друга. Никогда!.. В редкие минуты сознания, когда разум возвращался, Конкордия отказывалась от еды. По расстроенным лицам друзей — около нее установили круглосуточное дежурство — понимала, что тяжело больна. Но это ее не тревожило — Конкордия звала смерть. Ее угнетало, что в смерти мужа виновата сама. Но ведь хотела спасти его от голодной смерти, от питерского хлеба!..

Однажды ее навестила Зеликсон-Бобровская, «Ольга Петровна», с которой она познакомилась в те далекие годы в Москве. Ольга Петровна ни о чем не расспрашивала, крепко ее расцеловала. Она жила в Москве, много работала. Конкордию тронула ее деликатность. Встрече она обрадовалась. Припомнилась ночь в комнате лакея немецкого клуба, у которого

Ольга Петровна снимала угол... Тот долгий и счастливый разговор. Ей, единственной, Конкордия поведала о своей любви.

Конкордия прижалась к ее груди и впервые за все эти месяцы разрыдалась. Ольга Петровна не успокаивала. Молча гладила, вздыхала. Потом позвала Конкордию в Москву.

Она оставила город, где все напоминало об Аркадии. В Москве Конкордия поселилась в ванной комнате у знакомого товарища. Квартиру найти трудно, да ее это мало заботило. Ванну закрыли досками, положили тощий тюфячок. Она работала в газете «Правда». Дома почти не бывала. Ночами любила стоять у ротационных машин, смотреть на ползущую ленту газет...

И вот теперь приехала в Самару, освобожденную от белочехов. В Самаре работы много. Партийные кадры разгромлены. Митинги... субботники... Стала побаивать спина — сегодня на субботнике опять возила тачку.

Конкордия готовила номер газеты «Коммуна». Статьи уже набраны, над ними колдовал метранпаж, верстая полосы. За окном висела черная ночь, а на столе коптила керосиновая семилинейная лампа. Мысли ее вернулись к мужу. Отодвинула длинные полоски гранок, которые пахли керосином. Положила на гранки чистый лист. Решила написать в Москву Ольге Петровне, которая обещала разузнать подробности гибели Аркадия. Конечно, новостей нет — иначе Ольга Петровна их бы сообщила... Как трудно жить без Аркадия, как трудно вновь начинать жизнь. Слезы навернулись на глаза. Конкордия недовольно тряхнула головой, быстро начала писать.

На днях я получила Вашу записочку и теперь пользуюсь случаем, чтобы написать Вам несколько слов и послать свой привет. Как Вы живете, как себя чувствуете? Приезжавший от Вас товарищ передавал, что Вы себя чувствуете неважно, что вид у Вас очень утомленный. Мне кажется, что Вам давно пора было бы отдохнуть, взять отпуск хотя бы на месяц, и Вы могли бы приехать сюда немного отдохнуть. Адрес мой: Самара, Советская ул., редакция газеты «Коммуна».

Здесь в Самаре работа идет нельзя сказать чтобы важно: публика какая-то пассивная и вялая, посещает только собрания, но особой активности в работе не проявляет.

Я работаю здесь в редакции «Коммуны», фактически одна

составляю всю редакцию, и работать приходится очень много. Кроме того, вхожу в губернский и городской комитеты и бюро работниц. В общем, целый день занята, но самочувствие мое душевное по-прежнему страшно тяжелое. Здесь меня невыносимо гнетут тоска и одиночество, так что я с трудом нахожу в себе силы для жизни. Горе, которое я пережила, так меня надломило, что я работаю с каким-то надрывом и подчас испытываю невыносимые душевные страдания, ухожу из дому и не могу совсем оставаться одна, а когда я на людях, то мне все равно кажется, что я одна во всем мире. Мне страшно тяжело, а тут еще события такие гнетущие, все события последних дней в Москве и ужасное положение на фронте; все это заставляет переживать массу тяжелых минут, и переживать их мне приходится совсем-совсем одной.

Ну, довольно об этом и о себе. До сих пор я не получила никаких известий из Астрахани и не знаю, как погиб мой дорогой друг, ни от кого не могу добиться. Не видали ли Вы его брата и не получали ли каких-либо известий от Вашего знакомого врача из Астрахани?

Ну, простите, дорогая, больше писать не могу, мне очень тяжело. Напишите мне обо всем, о себе. Целую Вас.

Ваша Наташа. 1919 год.

«БОЛЬШАЯ КНИГА ЗАКРЫЛАСЬ»

Пароход «Красная звезда» легко разрезал волны. Редкими клочьями плыл туман над Волгой. В ярких солнечных лучах вода казалась зеленой. На горизонте неподвижно застыл огненный шар солнца. Волны вспенивались белым кружевом. Они наваливались на узкий нос корабля, высоко разбрасывая жемчужные каскады воды. Над пароходом белое облако чаек. Конкордия слышала их крики, напоминавшие детский плач. Она стояла на капитанском мостике, уцепившись в железные поручни. Ветер парусом раздувал ее платье, обдавал теплым воздухом лицо. Пароход покачивало, и капитан уже не раз просил зайти в рубку, где она обычно работала. Только Конкордия не торопилась. Она любила это блаженное состояние. Пароход трянуло. Конкордия наклонилась вперед. Посыпались крупные холодные брызги. Она засмеялась, поеживаясь

от свежести. Капитан взял за руку, решительно повернул к трапу.

В капитанской рубке поджидал Еремеев, ее давнишний товарищ по «Правде». На столике сверстанный номер газеты «Красная звезда», выпускаемой на пароходе.

— Ну наконец-то! — недовольно буркнул Еремеев, оглядывая ее мокрое платье. — Нашли время... Посмотрите, я тут передовицу набросал.

— Хорошо, посмотрю. Вам задача — написать короткое «мо», как говорят французы. Я даже название придумала: «Штаны из рыбы»... На Оранжевом промысле у меня рыбаки спрашивали, куда рыба идет... Сами одеты плохо, детишки полуголые. Нужно, чтобы поняли, куда идет рыба, которую они добывают с таким трудом.

— Я что-то вас не пойму, Конкордия Николаевна. — Еремеев сдвинул на лоб очки, по старой привычке связанные веревочкой. — А название заманчивое: «Штаны из рыбы»... Гм...

— Я бы начала писать так: «Батя, как из рыбы сделать штаны?» Вот как, сынок: «Отдают рыбу государству, а оно делит ее на три части. Одну — крестьянину. Он за рыбу даст лен, пеньку. Другую часть — рабочему. Тот из льна сделает ситец и полотно. А третью — портному, который и сошьет для рыбаков штаны, пиджаки и пальто». — Конкордия улыбнулась, добавив: — Вот что-нибудь в таком роде, а?

— Зачем же писать мне, когда вы всё придумали. Помому, здорово. Именно то, что нужно. Да, Конкордия Николаевна, — обернулся у двери Еремеев, — а где же сводка улова?

— «Вобла 113 996 пудов». Мало, очень мало. Народ голодает, нужно спасти от голодной смерти детей...

Конкордия взяла гранки. Пахучие. Влажные. Быстрым размашистым почерком вписала:

Трудовая Россия должна стать сытой, светлой, богатой. От хорошего улова зависит благополучие миллионов рабочих Москвы и Питера. Мы знаем, что работа тяжела и нелегка, знаем, что у вас нет обуви и одежды, нет мыла... На 38 тысяч рабочих всего 800 пар сапог... Рыба — основа питания рабочих. Ловцам Республика даст максимум того, что может... Каждый потерянный тобой день путины — тяжелое преступление против Советского государства!..

Еремеев взял материал, задвинул белую дверцу. Конкордия подошла к иллюминатору и долго рассматривала голубую ширь реки.

На агитпароходе «Красная звезда» она совершала второй рейс как агитатор и инструктор ЦК.

Пароход «Красная звезда» шел в Поволжье. Добыча рыбы стала фронтом.

Конкордия любила красавец пароход. Зимой, когда он стоял в доках, следила за ходом ремонта. Праздничной казалась жизнь рабочим глухих промыслов, когда у причала замирал белый нарядный пароход. На пароходе кино, библиотека... Митинги, конференции...

Помимо этой большой и благодатной цели, у Конкордии и своя личная — найти могилу Аркадия Александровича. Похоронили его в Астрахани. Первый ее приезд в прошлогоднюю путину оказался неудачен. Могилу мужа разыскать не смогла. Долго бродила по кладбищу, добралась до Казачьих Бугров — места запущенного и безлюдного, — но безуспешно. На обратном пути она на фамильном купеческом склепе увидела необычный памятник, — конечно, это же статуя Ротез «Холодно», знакомая ей по Люксембургскому музею. Молодая пара под холодным ветром и дождем. Юноша, подняв воротник коротенькой куртки и нахлобучив на глаза шляпу, обнимал девушку за тонкую талию. Девушка, изнемогая в борьбе с ветром, прижалась к нему. Из-под платка выбивались намокшие пряди волос. Холодно, дождливо, тоскливо... Конкордия долго простояла около скульптуры, словно на нее обрушились дождь, ненастье, ураган, справиться с которыми она бес-
сильна.

В дверь постучали. Вошел Платоныч, кочегар. Острый орлиный нос, реденькие седые волосы. Конкордия радостно ему кивнула. Платоныч мял в руках засаленную кепочку.

— Решил поблагодарить, значит, Конкордия Николаевна. — Голос звучал глухо, басовито. — За юбилей труда!..

— Заслужил, Платоныч! Заслужил.

— Не молоденький я, уже семь десятков. Одногодки мои, поди, на том свете горшки обжигают. При Николае-то давно бы на улицу выбросили. А ведь я кочегар первого класса! Тогда рабочий дешево ценился. Нищенствовал бы на паперти.

А сегодня я нужный человек. Силушка мала, но зато уменье или, как это, опыт...

Конкордия скрыла улыбку в уголках губ.

— Частенько мне старуха говорит — в отставку пора, на печке сиди. Нет, подожду. Не время отдыхать, грех без дела ходить. Как оставить машину — я здесь каждый винтик, каждый рычажок люблю! Тонул трижды... Часто баба кричит: паек мал!.. Конечно, невелик, да не беда. Мы ведь жиром не балованы. Всю жизнь впроголодь маялись. Проволокой подошву к голенищам приладишь и шасть на собрание. Кто поталаннее, на трибуну поднимется, оратором, значит... И мне, старому, радостно слушать новые слова. Пускай все будет по-нашему, по-товарищескому!

Платоныч поклонился. Конкордия вышла из-за стола.

— Паек-то, Платоныч, невелик! Правда твоя...

— А что делать с голодом? Бабы все спрашивают про голод, а я толком объяснить не умею. Недород да недород... А они меня долдоном прозвали.

— Правильно объясняете. Недород всегда голод порождает. Молоденькой девушкой, курсисткой, выезжала в Симбирскую, а потом в Бессарабскую губернии, когда там свирепствовал голод. А потом от голода начался брюшной тиф... — Конкордия замолчала, кашлянула. — Мы раздавали по фунту муки на семью из средств, собранных благотворительностью. Теперь иное — с голодом борется правительство. Четыре года тянулась война с Германией, четыре года вместо ситца, сапог — всего, в чем нуждается рабочий человек, — производили ружья, шрапнели... Мужики в армии, лошадей угнали. В деревне старики, женщины да малые детишки. Вот и начался голод да неурожай... Так и нужно объяснять женщинам.

— Очень все просто, как в жизни... Нужны какие-то ученые слова! — недовольно пробурчал Платоныч.

— Зачем ученые? — в свою очередь, удивилась Конкордия. — Нужны правдивые слова, честные.

Платоныч ушел. Била волна, солнечный свет заливал рубку. Думы ее вернулись к Аркадию. Так было всегда, когда она оставалась одна. Заныло сердце. Конкордия вернулась к столу. Разыскала свои записи, решила привести в порядок судовой дневник.

26 мая — Красный Яр. Митинг на «Красной звезде». Около тысячи рабочих, красноармейцев и женщин. Лекция «О международном положении Советской республики».

27 мая — Красный Яр. Митинг работниц на «Красной звезде». 600 человек. Лекция «Участие работниц в народном хозяйстве».

28 мая — промысел Бороздинский. Митинг на барже парохода «Красная звезда». 300 человек работниц и киргизов. Доклад «Хозяйственное положение Советской республики».

28 мая — промысел Чурка. Митинг рабочих и работниц на «Красной звезде». 800 человек. Доклад «Участие работниц в поднятии народного хозяйства».

29 мая — ловецкое село Марфино. Митинг около тысячи человек на «Красной звезде». Доклад «Хозяйственное положение Советской республики».

30 мая — большой Бузанский промысел. Митинг на пароходе «Красная звезда». Около 700 человек киргизов и рабочих. Доклад «О хозяйственном положении Советской республики».

30 мая — Федоровский промысел. Митинг на «Красной звезде». 800 рабочих и рабочих. Доклад «О международном положении Советской республики».

31 мая — Федоровский промысел. Собрание рабочих. 200 человек. Доклад «Об участии рабочих в народном хозяйстве».

— Спасибо, товарищ! В медвежьем углу мы жизни не видим... Хорошо, что просветили нас. И хорошо, что товарищ Красин закупил хлебушек в Англии. Голод будет меньше, внучат спасем, да и самим пожить охота! — Старик наклонил голову, глядел из-под нависших бровей.

Конкордия слушала. В раскаленном воздухе висел запах рыбы и водорослей. Около огромных соляных чанов, облепленных серебристой чешуей, собралась толпа. В стороне стоял оркестр, матросы парохода «Красная звезда». На солнце горели медные трубы. Прошел митинг, и теперь началась задумчивая беседа. Село было глухим, старые, полусгнившие сараи, в которых летом жили сезонники, с редкими камышовыми навесами. Глиняные полы растрескались, словно от ударов. На облезлых стенах болтались лохмотья газет. Столов нет — их разломали на дрова в холодные осенние ночи. Кровати заменяли нары с живописными лохмотьями. На порывевших рогожах ребятишки, рахитичные, со старческими лицами. У Конкордии сжималось сердце. Старалась не смотреть на них. На плетнях сохли полуистлевшие рубашонки, и детишки сидели голые.

— А что же внучата голые на таком солнцепеке? — не вытерпев, спросила Конкордия.

— Да сменить нечего! Мануфактуры нет! Разруха...

— Разруха? На разруху списать все легко! — рассердилась Конкордия. — А где председатель сельского Совета? Как позаботился о детишках?

— Председатель? Гм... — Старик почесал бороду. — Да ему некогда. У него вот дом развалился.

В толпе засмеялись. Видно, председателя и вправду здесь не любили.

— Шкурник он, наш председатель! — зло бросила женщина, перебирая концы полушалка разъеденными солью руками. — Шкурник!

— Мы тут мануфактуру привезли. Давайте делегатов. У нас швейные машины. Сошьем детишкам белье... Как пообносились! — Конкордия с болью смотрела на детишек. — Нельзя же гусарам без штанов!

Мануфактуры было очень мало, вернее сказать, считанные сотни метров. Конкордия их расходовала с осторожностью. Но сейчас она не знала, сколько нужно дать этой мануфактуры. Кажется, такой нищеты не встречала на всех промыслах.

— Еремеев! Давай тридцать метров!

Против ожидания, Еремеев возражать не стал. Быстро и даже охотно, как показалось Конкордии, зашагал к пароходу, прихватив матроса.

— А председателя вам нужно переизбрать. — Конкордия обвела взглядом толпу. — Ну, зачем держать бездельника?

— Правда, твоя правда! Ни митингов, ни собраний. Думает только о себе!.. — Старик сплюнул, возмущенно захлопал глазами. — Да кого изберешь-то: мужики в армии, в селе старики да бабы. Он вроде петух, один у нас.

— А женщины, молодой и толковой, разве не найдется?!

Толпа притихла. На Конкордию глядели напряженные женские лица. Лица стариков окаменели.

— Найдись-то оно найдется. Только нам ни к чему! — Лицо старика стало непроницаемым, голос — глухим и отчужденным. — Курица не птица, баба не гражданка...

— Ну, а я как — курица или гражданка? — раздельно спросила Конкордия.

Старик замешкался. Кашлянул. Бабы откровенно прыскали в кулак.

— Так мы же малограмотные! — прокричали старику из толпы, очевидно желая его поддержать. — Темные мы...

— Лучше малограмотная честная женщина, чем грамотный бездельник!

— Бабу?! Спасибо, кормилица, удружила! — возвысил голос старик. Очевидно, он пришел в себя и был искренне возмущен. — Вовек не забуду этого дня. Скоро семьдесят пять... Никогда не слыхивал и не видывал, чтобы баба командовала мужиками. Нет уж, уволь нас. Миром просим! — Старик поклонился. Борода его коснулась земли.

— Посмотрим! — холодно бросила Конкордия. — Поговорим завтра... Давайте шить детишкам белье.

По трапу спускался Еремеев, бережно прижимая к груди тюк материи в жесткой бумажной обертке. Матросы тащили ручные швейные машинки. Женщины ножами скоблили стол от рыбной чешуи.

— Спасибо тебе за добрые слова о нас, бабах. И еще спасибо за картинки... Из машины выскакивают живые люди. — Старуха с прожженным солнцем лицом держала Конкордию за руку. — Люди не люди, картины не картины, а бегают, стреляют, точно и впрямь живые. А говорят-то не иначе, как пописаному. Верно, очень ученые люди!

Конкордия засмеялась, довольная, что понравилось кино, которое показывали на пароходе.

— Начнем, бабушка, субботник. Вставим стекла в казармы, побелим стены, сошьем белье... Тебя, бабушка, назначим старшой. Шить-то умеешь?

— Умела, только вот давно материи в руках не держала. Робко как-то.

— Ничего, справишься. А потом организуем ясли. Пошлем женщин на курсы при губернском женотделе...

Конкордия подошла к столу, на котором была разложена желтая бязь. Женщины размечали ее, стараясь выгадать материал при раскрое.

«Несвоевременное снабжение промысла всем необходимым является одним из больших вопросов: мануфактура, мыло, чай, которые предназначаются для раздачи промышленным рабочим и работницам, приходят на места с большим запозданием, что создает ненужное раздражение и отражается на успешности работы.

Но самое главное, на что нужно обратить самое присталь-

ное внимание, это на улучшение быта и жизни трудящихся рыбных промыслов...»

Конкордия отложила перо. Покрепче закуталась в шерстяной платок. Голова пылала, а тело содрогалось от болезненной, мучительной дрожи. Рука влажная, беспомощная. «Верно, устала,— подумала она.— Закончу поездку — и отдыхать». Во рту сладковатый привкус. Попробовала перечитать написанное. Буквы расплывались, словно на туманной картине. «Устала, устала...»

Резкая боль разламывала спину, живот, будто кто-то ржавой пилой с крупными тупыми зубьями распиливал ее пополам. Нет, черт возьми, такой боли она даже не предполагала, даже не знала, что бывает в жизни. Она взяла платок, вытерла лицо. Резь понемногу стала стихать. Вновь перечитала страницу — статья шла в завтрашний номер, нужно торопиться. Она обмакнула перо в чернильницу, но писать не смогла. Боль разрезала спину и живот. Конкордия сжалась, пытаясь потуже обхватить живот,— так казалось легче. От боли до крови закусил губу. Положила голову на стол. На губах почувствовала солоноватый привкус слез. И опять боль стала утихать.

Конкордия взглянула на часы. Скоро три. В три — заседание политотдела, а потом митинг на пароходе. Перо с трудом ползало по бумаге.

Опять боль! Теперь уже не одна пила раздирала ее тело, а много, много...

Конкордия от боли закрыла глаза, вцепилась руками в край стола и потеряла сознание.

Доктор в белом халате держал больную за руку. Считал пульс. Доктор качал головой. Вся его щупленькая, маленькая фигурка выражала беспомощность и отчаяние. Еремеев не отводил от доктора встревоженных глаз. Он надеялся, он просто не мог поверить в то страшное и роковое, что носилось над постелью больной Конкордии.

— Холера... Холера... Только бы успеть доставить в больницу!

Доктор взглянул на Еремеева. Этот молчаливый и обычно невозмутимый человек был неузнаваем.

— Так лечите же! Лечите, черт вас возьми!

Доктор покачал головой, отошел от больной мелкими шажками. Повозился над саквояжем, приготовил шприц. Еремееву казалось, что он ощущает, как рвется, как стучит сердце Конкордии. Нет, это стучат машины, содрогая могучее тело парохода, на полной скорости идущего в Астрахань. За окном отваливались крупные волны, словно пароход пахал реку.

Конкордия слабо застонала. Еремеев наклонился, до боли в руке сжал трубку. Так измениться за несколько часов! Заострившиеся черты лица, огромные впадины вместо глаз, запекшиеся губы, спутанные в жару волосы. Она вскакивала, глядела ничего не видящими глазами. Еремеев сильными руками укладывал ее в постель.

— Ничего, голубушка, потерпите!

На красивом лице Конкордии застыло страдание; яркая краска сменялась неестественной бледностью.

Еремеев ругал себя за то, что не сумел заставить ее лечь в постель, как только появились первые признаки нездоровья. Она сидела на заседании политотдела. Еремеева испугали ее тусклые, страдальческие глаза. Предстояло выступление, от которого Конкордия не хотела отказаться. Он послал записку, а потом просто под руку увел в каюту... И вот теперь...

Она заметалась, застонала. Еремеев стиснул зубы. Когда-то в первые годы работы в «Правде» она называла его «бесчувственным истуканом». Слова эти его обижали и сердили. А теперь чего бы он не дал, чтобы вновь услышать ее сильный и гневный голос!

— Красный Петроград... Красный Петроград! — заметалась в бреду Конкордия.

Ее душил кошмар. Она тяжело дышала, жадно глотала воздух, широко раскинув руки. На мгновение открыла глаза, посмотрела куда-то вдаль, внятно сказала:

— Большая книга закрылась!

В тихой часовне астраханской городской больницы стоял гроб. Над иконой божьей матери приспущен красный флаг с траурным крепом. Низко склонились плакучие ивы. Ветер закидывал тонкие ветви на красный флаг. У дверей часовни почетный караул. Застывшие матросы с винтовками. Молчаливая толпа в небольшом дворике. Стены часовни завалены венками

из живых цветов. Венков много, очень много. Играет оркестр. Звуки его наполняют сердце невыносимой тоской. Еремеев, горбясь, не отрывает глаз от блестящих медных гвоздиков, которыми обита дверь часовни. Смерть от холеры. К гробу никого не допускают. Медленно открылись двери. Матросы парохода «Красная звезда» на плечах вынесли гроб. На красной крышке — красные звезды. Гроб медленно плывет над толпой. Работницы Астрахани провожали в последний путь Конкордию Николаевну Самойлову. На мгновение гроб колыхнулся, и Еремееву показалось, что Конкордия прощается с серебряной Волгой.

Процессия придвинулась к трамваю. Зеркальные стекла его скрывали черные полотнища. Громче зазвучали аккорды, слышался плач женщин. Их сегодня здесь много. Остановились фабрики и заводы. Бесшумно отошел трамвай. Надулись парусом черные полотнища. Медленно двигалась толпа, плакали медные трубы.

Еремеев шагал рядом с матросом, который нес приспущенное знамя. Все существо его возмущалось от свершившейся несправедливости. Умереть в сорок пять лет, умереть в расцвете сил и таланта! Он чувствовал себя одиноким и несчастным. А трамвай все дальше уплывал среди стона оркестра и плача женщин.

Кованые железные ворота кладбища широко распахнуты. Вновь гроб высоко поднялся над толпой. Зазеленели резные листья акации. Воздух наполнен сладким ароматом липы. Красный гроб все дальше и дальше уплывает в глубь кладбища. Миновали скульптуру «Холодно», о которой так много говорила Конкордия.

Еремееву стало так же одиноко и тоскливо, как этому юноше из мрамора. Оркестр умолк, и в прохладной тиши заливались птицы.

У разрытой могилы процессия остановилась. Еремеев заглянул в могилу. В глубине ее темнел гроб Аркадия Александровича Самойлова. Два дня разыскивал Еремеев эту могилу. С трудом отыскал неподалеку от монастыря с зеленоватыми куполами у Казачьих Бугров, места пустынного и диковского. На повороте синел аляповатый крест. Третьей могилой от края за № 5873 оказалась могила Аркадия Александровича.

Их похоронили вместе.

Тяжело рыдал оркестр. Еремеев не слышал речей. Он стоял у края могилы и смотрел на красный гроб с красными звездами. Матросы на веревках опустили его. Еремеев бросил первую горсть земли. Комья глины дробно ударили о крышку.

Могильный холм обложили цветами. Поставили деревянную табличку:

*Аркадий Александрович Самойлов
Конкордия Николаевна Самойлова*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Живой факел	5
Исповедь	14
Бестужевки	20
Вечная память	25
«Новинка»	39
Полковник Пирамидов	52
Студенты в манеже	61
Нарвский участок	68
«Один за всех»	72
Арест	78
Одинокий аист	86
«Третья степень доверия» :	90
Компас у каждого свой	97
Гениальное изобретение Эдисона	103
Письма	109
Этапом в Тверь	116
Коробка от Елисеева	123
Красный адмирал	128
«Секретка» . . . . . : : : :	135
Разговор у дуба	144
Ольга Петровна	154
Тимоновы письма	160
Литовский замок	167
Сердце и долг	179
Ивановская, 14	183
Снова Москва	194
Последнее письмо . . . . . : : :	205
«Большая книга закрылась»	211

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Морозова Вера Александровна

К О Н К О Р Д И Я

П о в е с т ь

Ответственный редактор *Г. А. Дубровская.*
Художественный редактор *Л. Д. Бирюков.*
Технический редактор *Т. В. Перцева.*

Корректоры

Е. Б. Кайрукшис и Н. А. Сафронова.

Сдано в набор 26/VIII 1967 г. Подписано к печати 21/IX 1967 г. Формат 60×84¹/₁₆—14 печ. л.=13,06 усл. печ. л. (11,82 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз. ТП 1967 № 464 А03961. Цена 56 коп. на бум. № 1.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва. Сушеvский вал. 49. Заказ № 936.

Scan, DJVU: Tiger, 2019

